

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГОУ ВПО «ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»

1 / 5 / 2011

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 2 номера в год

Серия

ПОЛИТОЛОГИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградская академия государственной службы)
(председатель Редакционного совета);

В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент
(Волгоградская академия государственной службы);

К. О. Магомедов, д-р социол. наук, профессор
(Российская академия государственной службы);

Г. В. Орлов, д-р ист. наук, профессор
(Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет);

А. В. Понеделков, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы,
Ростов-на-Дону);

А. М. Старостин, д-р полит. наук, профессор
(Северо-Кавказская академия государственной службы,
Ростов-на-Дону);

Ю. И. Тарский, д-р социол. наук, профессор
(Поволжская академия государственной службы
им. П. А. Столыпина, Саратов)

Главный редактор:

В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент

Зам. главного редактора:

О. В. Байдалова, д-р социол. наук, профессор

Ответственный научный секретарь:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Н. Х. Атаян, д-р экон. наук, профессор;

Ю. Д. Гражданов, д-р ист. наук, профессор;

Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;

В. А. Пилипенко, канд. филос. наук, доцент;

Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;

А. В. Миронов, д-р социол. наук, профессор;

Е. В. Перерва, канд. ист. наук (секретарь)

Адрес редакции: ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»

400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

vestnik_polit@vags.ru

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ВАГС
2011**

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию представлен очередной номер журнала «Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия: Политология и социология». Выпуск 5. Формируя выпуск, редакция придерживается принципа ставить на передний план актуальные темы, имеющие важное практическое значение. В трех основных рубриках журнала (политология, социология, гуманитарное знание) наукоемкий материал представлен не только учеными ФГОУ ВПО ВАГС, но и исследователями из других регионов Российской Федерации и ближнего зарубежья.

Первый раздел журнала открывается статьей д-ра полит. наук *В. А. Колесникова* (Волгоград) о президентской власти в современной России на основе принципа компаративной аналитики – темой, чрезвычайно важной для современного политологического анализа в преддверии избирательной кампании и выборов Президента РФ в 2012 г. Оригинальные статьи предложили: канд. ист. наук *Б. Н. Карпов* (г. Кокшетау) – к осмыслению политической программы реализации либеральной модели в России; д-р филос. наук *М. А. Яхьяев* (г. Каспийск) – о содержательности феномена экстремизма: методологические проблемы исследования; д-р филос. наук *И. Д. Коротец* (Ростов-на-Дону) – исследуется мотивация как фактор побуждения государственных служащих к эффективно-результативной деятельности.

Во втором разделе интерес представляют работы по различным аспектам социологической науки и социального анализа. В ряду оригинальных статей особо выделим коллективный труд аспиранта кафедры социологии ВолГУ *К. А. Калашиковой*, канд. филос. наук, PhD, доцента *М. А. Анипкина*, канд. мед. наук *Е. Г. Поповой* (Волгоград, ВолГУ) «Социологический анализ роли медицинских династий в условиях модернизации современного института здравоохранения». Отметим содержательный материал канд. социол. наук *Т. В. Овсянниковой* (Волгоград, ВГПУ) «Профессиональное чтение как основа профессиональных знаний преподавателя вуза»; работу аспиранта Поволжской академии государственной службы имени П. А. Столыпина (Саратов) *К. П. Африкантова* «Потенциал гражданского общества в сфере социальной поддержки детей-сирот (опыт социологического исследования)»; статью соискателя кафедры социология управления ФГОУ ВПО ВАГС *Ю. В. Бабушкина* «Распределение социальной ответственности в вопросе оказания социальных услуг наиболее нуждающимся слоям населения» и статью заместителя председателя Комитета по образованию администрации Волгограда *К. В. Колдина* об особенностях мотивации педагогических работников муниципальных образовательных учреждений Волгограда в условиях перехода к новой системе стимулирования.

Третий раздел открывает актуальная статья канд. филос. наук *Д. Р. Яворского* (Волгоград, ВАГС) об исследовании взаимосвязи кризиса и эсхатологической стратегии цивилизации; интересным для читателя будет проблемный материал канд. социол. наук *Ю. А. Дроздовой* (Волгоград, ВАГС) о качественных методах в исследовании региональной идентичности. Важным представляется научный материал исследователей-практиков канд. пед. наук *В. В. Малышевой* (Волгоград), канд. экон. наук *О. В. Глазуновой* (Волгоград) на тему «Обеспечение стабильности и устойчивости в развитии региона: опыт организации государственного финансового контроля в Волгоградской области». Содержательный материал по этноразвитию уникального народа предложен в статье д-ра филос. наук, доцента, проф. кафедры истории и теории политики *Р. А. Данакари* (Волгоград, ВАГС) «Удины как этническая группа: факторы развития и межнациональные отношения в Российской Федерации». Философское осмысление возможностей логико-понятийного постижения Абсолюта раскрывается в статье д-ра филос. наук *И. М. Лаврухиной* (г. Зерноград). Заинтересует читателей и статья сотрудника ВАГС *Г. Ф. Носачёвой* (Волгоград) на тему взаимосвязи местного самоуправления и политической стабильности в современном российском обществе.

Редакция считает правильным включение в содержание разделов журнала предлагаемые к публикации статьи аспирантов и магистрантов, намерена усилить аналитическую составляющую научной работы со студентами.

Главный редактор
д-р полит. наук *В. А. Колесников*

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Колесников В. А.
Президентская власть в России и принцип компаративной аналитики 5

Карпов Б. Н.
Политическая программа реализации либеральной модели в России..... 10

Яхьяев М. Я.
Феномен экстремизма: методологические проблемы исследования..... 14

Коротец И. Д.
Аспект культуры в формировании социально-политической конфигурации постиндустриального общества..... 20

Ламзин Р. М.
Специфика гражданского общества и условия его взаимодействия с государственной властью..... 28

Числов С. В.
Традиция вертикали власти в России: сравнительный анализ советского опыта и современной практики..... 32

СОЦИОЛОГИЯ

Калашникова К. А., Анипкин М. А., Попова Е. Г.
Социологический анализ роли медицинских династий в условиях модернизации современного института здравоохранения 36

Овсянникова Т. В.
Профессиональное чтение как основа профессиональных знаний преподавателя вуза..... 43

Африкантов К. П.
Потенциал гражданского общества в сфере социальной поддержки детей-сирот (опыт социологического исследования)..... 48

Бабушкин Ю. В.
Распределение социальной ответственности в вопросе оказания социальных услуг наиболее нуждающимся слоям населения..... 52

Колдин К. В.
Особенности мотивации педагогических работников муниципальных общеобразовательных учреждений Волгограда в условиях перехода к новой системе стимулирования..... 60

Багаева Л. М., Зыгалова А. В.
Социальная реклама и PR как инструменты социально-ответственного маркетинга..... 66

THE CONTENT

POLITOLOGIYA

Kolesnikov V. A.
Presidential power in Russia and the principle of comparative Analytics 5

Karipov B. N.
The political program of the implementation of the liberal model in Russia..... 10

Yahyaev M. Y.
The phenomenon of extremism: the methodological problems of its research..... 14

Korotets I. D.
Aspect of culture in shaping of the socio-political configuration of post-industrial society..... 20

Lamzin R. M.
Specificity of the civil society and condition of its interaction with the government..... 28

Chislov S. V.
Tradition of the power vertical in Russia: the comparative analysis of the soviet experience and modern practice..... 32

SOCIOLOGY

Kalashnikov K. A., Anipkin M. A., Popova E. G.
A sociological analysis of the role of health in the modernization of contemporary dynasties of the Institute of health..... 36

Ovsyannikova T. V.
Professional reading as a basis of a professional knowledge of the teacher of high school..... 43

Afrikantov K. P.
The capacity of civil society in the field of social support for orphans (experience of sociological research)..... 48

Babushkin U. V.
Distribution of social responsibility regarding social services to those most in need..... 52

Koldin K. V.
Specific motivating features for teachers of municipal educational institutions in Volgograd in the transition to the new incentive system..... 60

Bagaeva L. M., Zygalova A. V.
Social advertising and PR as tools of socially-responsible marketing..... 66

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Яворский Д. Р.
Кризис и эсхатологическая стратегии цивилизации 71

Мальшиева В. В., Глазунова О. В.
Обеспечение стабильности и устойчивости в развитии региона: опыт в организации государственного финансового контроля в Волгоградской области..... 76

Данакари Р. А.
Удины как этническая группа: факторы развития и межнациональные отношения в Российской Федерации 81

Лаврухина И. М.
Возможности логико-понятийного постижения Абсолюта..... 90

Носачёва Г. Ф.
Местное самоуправление и политическая стабильность в современной России 97

Кутуков Д. В., Перерва Е. В., Резк М. Я.
Погребение с берестой золотоордынского времени на могильнике Вакуровский-I в Астраханской области..... 99

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ

Дроздова Ю. А.
Качественные методы в исследовании региональной идентичности..... 105

Бардаков А. И.
Международная научно-практическая конференция «Местное самоуправление в России и ФРГ: исторический опыт и современные тенденции развития» (информационный обзор) 108

Корнеева М. Ю.
Студенческий дискуссионный клуб «Социология и управление» как площадка реализации студенческих научных инициатив..... 112

Клейтман А. Л.
Информационный обзор работы «круглого стола» «Нижнее Поволжье – территория мира и согласия. Профилактика межэтнических конфликтов и ксенофобии в Волгоградском регионе: исторический опыт и современность»..... 114

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ..... 117

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

Javorsky D. R.
Crisis and the eschatological strategies of civilizations..... 71

Malysheva V. V., Glazunova O. V.
Ensuring stability and sustainability in the development of the region: experience in the organization of state financial control in the Volgograd region..... 76

Danakari R. A.
Udi ethnic group: factors of development and inter-ethnic relations in the Russian Federation... 81

Lavrukhhina I. M.
The possibility of logical and conceptual comprehension of the Absolute..... 90

Nosacheva G. F.
Local self-government and political stability in modern Russia..... 97

Kutukov D. V., Pererva E. V., Rezk M. Ya.
Golden horde burial with birch bark in burial mound Vakurovskiy-I in Astrakhan region (oblast)..... 99

SCIENTIFIC LIFE OF THE ACADEMY

Drozhdova J. A.
Qualitative methods in research of regional identity.. 105

Bardakov A. I.
The international scientifically-practical conference «Local self-government in Russia and Germany: history and current development trend» (information review) 108

Korneeva M. Y.
Student debating society «Sociology and management» as the playground of student's scientific initiatives..... 112

Kleitman A. L.
A review of the work of «the roundtable» «The Lower Volga region-area peace and harmony. Prevention of inter-ethnic conflicts and xenophobia in the Volgograd region: history and contemporaneity»..... 114

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS..... 117

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 354

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ ВЛАСТЬ В РОССИИ И ПРИНЦИП КОМПАРАТИВНОЙ АНАЛИТИКИ

В. А. Колесников

В предлагаемой статье исследуется президентская власть как политический феномен и фактор государственного строительства в сравнительной аналитике с президентурой развитых стран, выделяются особенные характеристики и основные этапы развития института президентской власти в современной России.

Ключевые слова: глава государства, компаративный анализ, политический курс, президентская власть, преемственность власти, республиканский режим, структуры президентского подчинения, этапы развития института Президента в России.

PRESIDENTIAL POWER IN RUSSIA AND THE PRINCIPLE OF COMPARATIVE ANALYTICS

V. A. Kolesnikov

The article touches upon the problem of political identification of local government in Russia. The author identifies the main directions of investigations of local government as a socio-political institution within the developing political science in the researches of scientists and political researchers of Southern Russia for the period of year 2004–2010.

Keywords: political science, municipal politics, municipal authorities, local self-government as a political phenomenon, the socio-political aspects of the study of local government, political factors of municipal development.

Президентская власть и объективирующий ее институт главы государства – важнейшее основание системы государственного управления в условиях республиканской формы правления (таков глубинный смысл и ст. 80 Конституции РФ). Приоритетом этого института, особо в президентских и полупрезидентских республиках, задаются определяющие векторы внутренней и внешней политики государства в многообразии конкретных форм.

В новейшей Российской истории, как показывают исследования (В. Л. Шейниса [1. С. 69], В. Е. Чиркина [2. С. 15–23], Н. С. Сопельцевой [3. С. 23–26] и др.) и подтверждает практика реального политического процесса, именно по вопросам президентской компетенции, механизма формирования и сроках полномочий данного института, преемственности курса и влияния президентства на законодательную, исполнительную, судебную ветви государственной власти, правительственную и региональную политику, местное самоуправление и гражданское общество ведутся дискуссии, выявляются особенные политические позиции. Существенна к учету и личностная направляющая (например, роль Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева в государственном

строительстве новой России): программные послания, установки и директивы, указы президента и др., «эманерируют» в общество от этого института, воздействуют на экономическую жизнь, культурное развитие и социальную политику модернизируемого общества.

Структуры непосредственного президентского подчинения (как органы проведения властной политики и государственного управления: например, ИУП в США, Генеральный секретариат Президента Франции, Администрация Президента РФ, институты и учреждения полномочных представителей президента, совещательные и консультативные органы и др.) – курируют вопросы национальной безопасности и обороны, стратегического развития и планирования, защиты и правового обеспечения интересов граждан, реализуют организационную, координирующую и контролирующую функции в системе государственной власти и управления.

Принцип компаративного анализа позволяет выделить развитые модели президентуры и соответствующие формы президентской власти в зарубежных странах (три основные матричные модели: президентский республиканский режим в США – президентская республика, смешанный

республиканский режим – полупрезидентская республика во Франции, парламентарный государственный режим – опыт президентуры в ФРГ и других странах), являющие свои особенности:

- по объему и своеобразию компетенции данного государственно-властного института;
- по механизму формирования и срокам осуществления полномочий президента;
- по формам взаимодействия с институтами государственной и региональной власти, органами местного самоуправления, структурами гражданского общества;
- по способам ограничения и ответственности перед обществом, правовому иммунитету главы государства.

На основе данного принципа четче выявляются особенности российского опыта формирования и функционирования института президентства. Конкретизируется содержание конституционной модели института главы государства и возможны: углубленная характеристика основных этапов новейшей практики института, совпадающих с персонификацией опыта и именами Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева; более предметный анализ форм перехода президентской власти от Б. Ельцина к В. Путину, от В. Путина к Д. Медведеву – преемственность, повторяемость, отрицание; выявление своеобразия современного президентства с историческим «снятием» недостатков предшествующих периодов и синтетическим выходом на инноватику в общественном развитии к модификациям в государственном устройстве Российской Федерации.

Чем интересен опыт института Президентства в США? Четко прописанными положениями ст. 2 Конституции от 17 сентября 1787 г. и корреляцией его компетенции принципом «сдержек и противовесов», сочленением «двухфункциональности» в одном лице (Президент – глава государства и глава исполнительной власти «де-юре» в условиях системы: «сильный Президент – сильный Конгресс»). Являет свои особенности и механизм формирования посредством своеобразной выборной партийной системы (по высокосным годам «праймериз» и национальные партийные конвенты) с подключением уникального института 538 выборщиков, включаемых в партийные списки от штатов – субъектов Федерации. Содержательные формы правовой ответственности несомненны для значимости данного института в системе государственного устройства современных США. Характеризуется позитивом и практика взаимодействия с Конгрессом и судебными структурами, штатными и местными органами власти.

А что являет опыт президентуры в парламентарной ФРГ? Здесь доминирует принцип канцлерского правления (согласно ст. 65 Основного закона), а принцип «контрасигнатуры» задает ограничения в компетенции Федерального президента (ст. 55 Основного закона ФРГ). Соответственно принципы «губернативы» и «министриализма» в системе властных отношений конкретизируют специфику действующей модели «сильный глава исполнительной власти – сильный парламент Бундестаг – слабый Президент». Ряд полномочий президентской власти осуществляется, однако, «без контрасигнатуры» (ропуск президентом Бундестага, если парламентом не избран федеральный канцлер и не сформировано новое правительство, акт назначения бундесканцлера, вето на назначение министра Канцлером и др.), что позволяет вычленять конституционную весомость президентской власти. Напомним, что федеральный президент уполномочен к функциональности главы государства выбором Федерального собрания Германии и, не являясь главой исполнительной власти, функционирует в системе «бицефальной» исполнительной власти.

Каковы основные характеристики института главы государства в Пятой Республике и почему Французская модель президентуры взята за основу в России в 1993 г.? По последнему аспекту интересны пояснения М. Краснова после сдачи полномочий Б. Ельциным «под преемника» (// Парламентская газета. – 2000. – 5 января). Вместе с тем предпочтение этой модели в нашей стране имеет причинную объективацию в политическом процессе и во многом предопределено событиями 1991–1993 гг. Французский вариант дистанцирует Президента от ответственности за исполнительную власть (возлагая последнюю на Премьер-министра, несущего политическую ответственность с возглавляемым им Правительством перед Национальным собранием). Система смешанного республиканского режима возвышает Главу государства как гаранта национальной независимости (согласно ст. 5 Конституции Франции) и арбитра в отношениях между властями: он определяет внешнюю и внутреннюю политику страны (тогда, как в ФРГ данный принцип закреплен за Канцлером). Заметим, что «монизм президентской власти» усиливается лидерством в победившей партии и в силу его легитимации напрямую народом, а также правом на замену всей совокупности властей в условиях чрезвычайного положения (согласно ст. 16 Основного закона).

Президент Франции руководит национальной обороной и направляет деятельность структур,

обеспечивающих безопасность республиканского строя, контролирует деятельность Премьер-министра и вправе для разрешения политического кризиса отправлять в отставку Премьера с Правительством, либо распустить Национальное собрание и инициировать его досрочные выборы (напомним, «казусную» ситуацию 1997 г., когда Ж. Ширак, доверившись своим советникам (в числе которых была дочь К. Ширак), предрекавшим безусловную победу, пошел на досрочный роспуск нижней палаты, в которой имел 467 «своих» мандатов из 577, намерен был заполучить полностью правый парламент впервые в истории страны). В результате досрочных выборов к власти пришел, однако, «красно-розовый» альянс во главе с социалистом Л. Жоспеном – политическим противником Президента, ставшим легитимным Премьером Франции, возглавившим и сформированное им левое правительство.

Принцип компаративной аналитики позволяет сопоставлять содержание моделей президентуры в различных странах, выявлять общее, особенное и единичное, но вместе с этим вычленять и соотносить основные этапы развития конкретной исторической модели, в частности, в развитии Российского института президентства. Так, на *первом этапе развития российской президентской власти* (1991–1999 гг. – период президентства Б. Н. Ельцина) осуществлялся курс на радикальные реформы, главная суть которых – в краткие исторические сроки решить задачу формирования новых экономических отношений, осуществить разгосударствление собственности и приватизацию, создать любой ценой нового собственника и систему рыночной конкурентной экономики. Осуществить адекватно этому надстроечные преобразования.

Ориентиры новой российской президентской власти (от 12 июня 1991 г. и особо после 1993 г.) на преобразовательный радикализм в базисной сфере в итоге привели к формированию нерационального крупного капитала и утверждению олигархических групп влияния. В социальной сфере экономический либерализм с первоначальным накоплением капитала привел к нарастанию напряженности между «новыми русскими» и массой российских граждан, обнищанию населения. Объективно радикальная приватизация и обвальная децентрализация в формирующемся новом властном пространстве задали вектор нерачительного и расточительного отношения российской власти в отношении всех основных ресурсов: экономических, институциональных, административных.

В политической сфере закрепляется режим, в основе которого альянс крупного капитала и бюрократического чиновничества. В условиях отсутствия развитых политических партий и институтов

гражданского общества значительные слои общества оказались в отчуждении от власти и собственности, что предопределило усиление силовой константы, направленной на погашение недовольства; повышение значимости прямого администрирования в управлении; нарастание проблем в системе федеративных отношений по оси: «Федеральный центр – субъекты федерации» в сфере строительства российского федерализма. Последнее вело к проявлениям регионального вызова и сепаратизма. Фактор договорной практики с субъектами федерации и прежде всего с республиками (что закрепляло статусную и правовую «асимметрию» субъектов) становится доминирующим в отношениях центральной власти с регионами со всеми издержками такой практики, особо к концу 90-х гг.

Осмелимся утверждать, что на этапе постсоветской децентрализации в период президентства Б. Н. Ельцина идеология либеральных реформ с ее ориентирами на свободную индивидуальность и утверждение конкурентной рыночной среды, в сочетании с направленным волеием президентской власти в конкретно-исторических условиях, во многом несвободного общества с его рудиментарными формами наследия и планового типа хозяйствования в экономике, акцентировав исторические задачи слома советской государственности, обусловила нарастание гигантских проблем, позитивное решение которых могло быть только впереди и на основе коррекции политического курса.

Второй исторический этап развития российской президентской власти обусловлен утверждением нового централизма с усилением государственности. С 2000 г. активизирован президентский курс на рецентрализацию власти, доводимый до населения в конкретных посланиях Президента В. В. Путина – идеях о выстраивании эффективной вертикали власти, повышении ответственности правительства, соотносимых с идеологией «суверенной демократии» и необходимостью наведения порядка в стране – «диктатура закона». Основными субъектами данного этапа остаются «государственная власть – бюрократия – олигархи», хотя время востребовало и изменение конфигурации с подключением массовых слоев. С учетом перспективы намечалось повышение экономической и социальной устойчивости общества с сохранением ориентиров на новый тип государственности, интегрирующей в мировой цивилизационный процесс с социально ориентированной экономикой и полнотой обеспечения прав человека.

Вычленяемый этап – это и развитие российской демократии в условиях рецентрализации. Здесь начало поворота к ограничению олигархи-

ческого влияния, к наведению порядка в обществе и усилению государственного начала во внутренней и внешней политике. При институционализации гражданского общества (формирование общественных палат, пробуждение гражданских инициатив и др.) рельефным становится акцент и на социальные проблемы – реализация приоритетных национальных проектов. В политической сфере было подтверждено ограничение властью олигархического капитала. Вместе с этим целевые установки В. В. Путина «отделить власть от собственности» и обеспечить «равноудаленность власти и бизнеса» не обрели полноту реализации. Факторность нового центризма особо проявилась в усилении центральной власти и института президентства: создание федеральных округов, развертывание института полномочных представителей президента, переход к новому порядку формирования губернаторского корпуса под эгидой президентуры и др.

Новый курс, помимо определенных издержек: усиление администрирования и влияния властного административного ресурса, формирование мощной партии власти и ослабление партийного плюрализма, рост коррупции и замедление конкурентного развития, сковывание инициативы региональной власти и ослабление поддержки малого бизнеса, явил и значительные плюсы:

- повышение управляемости в стране с созданием защитных финансовых механизмов (стабилизационного Фонда и др.);
- предметнее обозначился поворот к «социалке» и интересам населения страны;
- инициированы развертывание административной реформы, пересмотр принципов и повышение ответственности государственной службы;
- осуществлена переоценка пенсионной реформы;
- проводилась акцентированная и прозрачная внешняя политика;
- улучшалось самочувствие граждан и их удовлетворенность от проводимых мер по наведению порядка в городах и населенных пунктах;
- была активизирована реформа МСУ и развитие муниципальных образований (в большинстве своем и сегодня дотационных, не обретших финансовой автономии), ТОС и др.

Третий этап развития президентской власти в современной России (с 2008 г. по настоящее время) представляет своеобразный синтез предыдущих этапов. Его основная характеристика – это социально-консервативный курс на усиление государственности с преодолением допущенных ошибок и интенсификацией путей строительства нового общественного устройства в стране (связан с деятельностью Д. А. Медведева). Прези-

дентская власть на данном этапе являет эффективную корреляцию с правительственной властью (институт частой смены главы Правительства по инициативе действующего Президента на данном этапе по настоящее время – 2010 г., не использовался). Здесь утверждается своеобразный «властный тандем» Президента и Председателя правительства, пришедших к власти из команды предыдущего президента. Последнее закрепляет практику не только политической, но административной преемственности от прежней команды (иное наблюдается, например, в опыте США, Франции, ФРГ). Показательно, что и в условиях президентуры В. В. Путина (первый срок полномочий) во власти оставались А. С. Волошин, М. М. Касьянов – ведущие игроки команды Б. Ельцина. Руководство Правительством при Президенте Д. А. Медведеве экс-президентом России – это уникальный опыт политической ответственности и преемственности власти в целях стабильности государственного развития.

Суть настоящего этапа российской президентской власти закреплена в идеологии нового курса с социально акцентированными целями внутри государства и патриотическими позициями вовне (об этом свидетельствует качественная конкретика внешнеполитических контактов Президента Российской Федерации с Б. Обамой, Н. Саркази, А. Меркель и др., практика «укрощения» А. Саакашвили, поддержка Э. Кокоты и т. д.). Подвижность действующего Президента основано на подключении методов эффективного менеджмента и инноватики в практику государственного строительства. Например, образование нового Северо-Кавказского федерального округа связано с президентской волей активизировать жизнедеятельность в проблемных регионах, назначив в округ президентского полпреда со статусом вице-преьера бывшего губернатора Красноярского края А. Хлопонина (эффективного менеджера и политика), для решения накопившихся здесь проблем, новым инструментарием. Повышенное внимание Президента Российской Федерации к вопросам молодежной политики, развития науки и образования, на социальные приоритеты на настоящем этапе развития отечественной президентуры представляется важным и как ответ на вызовы второго десятилетия XXI в.

Еще на один аспект следует обратить внимание исходя из принципа компаративной аналитики. Он хорошо сформулирован в одной из изданных еще в 2000 г. монографий: «В условиях монархического абсолютизма и дворянской помещичьей диктатуры реформы все время шли “сверху”, им никогда не предшествовала широкая общественная дискуссия, которая в условиях от-

существования гражданского общества вряд ли представляется возможной. Очень часто верховная власть руководствовалась сугубо прагматическими соображениями, а вовсе не стремлением к пробуждению общественной активности» [4. С. 64]. В приведенной мысли много узнаваемого, характерного для современной истории. Власть, в частности президентская, продолжает выявлять и логику самодостаточности, демонстрируя некоторое отчуждение от развернутых общественных дискуссий, разрабатывая проекты очередных реформ в тиши кабинетов, «осчастливливая» население начинаниями, с акцентом на принципы властного обустройства (например, повышение срока полномочий главы государства по инициативе действующего Президента России с 4 до 6 лет, депутатов Государственной Думы РФ до 5 лет и др.) и, как показывает практика, не всегда склонна к критической переоценке данного стереотипа, игнорируя принцип обязательного предварительного обсуждения, на уровне народа-суверена, важнейших реформаторских начинаний.

Представляют интерес в контексте отмеченного попавшие в свое время в редакцию «Волгоградской правды» фрагменты сводного плана по созданию глобальной общероссийской пропагандистской государственной машины. Разработан план был по заказу Администрации Президента ее же сотрудниками и Фондом эффективной политики. Важнейшим принципом плана является, например, следующий: «Всю пропаганду строить так, чтобы ответственность за реформы и ухудшение жизни, населения несло Правительство. Вводится даже термин “действующий премьер”. Никто не должен связывать образ Президента с коммунальными платежами или ростом цен...» [5].

Компаративная аналитика при осмыслении современной российской действительности вполне соотносима с поступательностью развития общества и способствует рационализации подходов при осмыслении феномена «президентская власть», ориентирует на преодоление радикальных форм и устаревших принципов развития. Если взять, например, принцип формирования структур высшей российской государственной власти, то на перспективу могут оказаться вполне приемлемыми следующие варианты:

- возможно избрание Российского Президента посредством института профессиональных выборщиков, в количестве, например, 618 человек: от количества сенаторов и депутатов парламента, избираемым по партийным спискам в субъектах Российской Федерации;

- целесообразен возврат к избранию 50 % состава депутатского корпуса Государственной Думы РФ по одномандатным округам, исключив тотальность партийной составляющей формиро-

вания (укорененная практика по формированию половины депутатского корпуса Бундестага по партийным земельным спискам, а другой половины – по одномандатным округам на 4 года неизменно со времени принятия Основного закона ФРГ в 1949 г.). Парламентские партии вправе отстаивать свои программы и интересы посредством конкурентной состязательности претендентов на депутатские кресла в одномандатных округах, способствуя непосредственному формированию политической культуры в массе населения;

- при формировании Правительства РФ возможно использование французской модели: кандидатура Премьер-министра назначается Главой государства по его личному выбору, тогда как функциональность Правительства основывается на доверии большинства депутатов Национального собрания (по аналогии, за Государственной Думой РФ, таким образом, может быть закреплено право одобрения Программы или декларации об общей политике нового Правительства, а также процедура политической ответственности Правительства перед народными избранниками) [6. С. 35, 43].

Сегодня нельзя считать завершенным процесс политического и правового обеспечения нового российского государственного устройства. Вместе с тем любые новации должны основываться на законе и поправках в Конституцию Российской Федерации. Только правовым путем достижимо формирование устойчивых институтов государственности, а, следовательно, выдвинутый в свое время президентом В. В. Путиным принцип утверждения «диктатуры закона» остается весьма актуальным, однако, он должен быть обоснован посредством права и отвечать интересам формируемых в России правового государства и гражданского общества.

Библиографический список

1. Шейнис, В. Л. Тернистый путь Российской Конституции [Текст] / В. Л. Шейнис // Государство и право. – 1997. – №2.
2. Чиркин, В. Е. Президентская власть [Текст] / В. Е. Чиркин // Государство и право. – 1997. – №5.
3. Сопельцева, Н. С. Иммуниет Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий [Текст] / Н. С. Сопельцева // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – №5.
4. Буров, А. Н. Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика [Текст] / А. Н. Буров. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 2000.
5. Что готовит власть? [Текст] // Волгоградская правда. – 2000. – 9 сентября.
6. Конституции зарубежных государств [Текст]: уч. пособ. / сост. В. В. Маклаков. Конституция Франции. – М.: Издательство БЕК, 2000. – Ст. 8; 49–50.

УДК 32.001

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА РЕАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ В РОССИИ

Б. Н. Карипов

Либеральные идеологи предложили актуальную на тот исторический момент, развернутую программу реализации собственной модели изменения политической системы страны. Ее исходным импульсом выступал тезис о правовой связанности государства, что гарантировало соблюдение прав индивида и личности, при одновременной приверженности общества духом государственности. Инструментом реализации этой модели являлась правовая реформа, представленная пакетом законопроектов, осуществляемая исключительно мирным эволюционным, парламентским путем. Подобная направленность позволяла постепенно осуществить концепцию правового государства, превратив его в действенный инструмент социально-политических преобразований.

Ключевые слова: концепция правового государства, инструмент социально-политических преобразований.

THE POLITICAL PROGRAM OF THE IMPLEMENTATION OF THE LIBERAL MODEL IN RUSSIA

B. N. Karipov

Liberal ideologues have proposed to date at that moment in history, a detailed program for implementing its own model of change in the political system. Her initial impulse acted thesis on the legal coherence of the state, which guaranteed the rights of the individual and the individual, with a simultaneous commitment to the community spirit of nationhood. Instrument for implementing this model is that legal reform, presented a package of bills, carried out exclusively by peaceful evolution, parliamentary means. Such ways that gradually implement the concept of rule of law, making it an effective instrument of socio-political transformation.

Keywords: the concept of rule of law, an instrument of socio-political transformation.

Концепт правового государства, представляя собой определенную теоретическую конструкцию, будучи воспринятым научным сознанием, превращался в действенную силу, конституирующую новый тип общественных отношений. Но сам по себе, при всей своей продуктивности, он не мог заменить реального механизма изменений политической системы. Требовалась разработка практической программы, которая могла бы способствовать переводу основных положений концепта в нормы правоприменительной практики. Российские либералы начала XX в. получили возможность посредством законотворческой деятельности в Государственной Думе разработать ряд технологий по реформированию политико-правовых институтов с тем, чтобы в дальнейшем реализовать либеральную модель политических изменений.

Основанием для реализации этой модели стало требование расширения политических полномочий Государственной Думы, используя которые они надеялись ограничить произвол самодержавной власти и, главное, усилить возможности ненасильственной, мирной трансформации монархической государственно-властной системы на пути к либеральному обществу. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в преддверии начала работы I Государственной Думы. Программа действий была изложена в так называемом «Адресе», который являлся ответом кадетов на речь императора перед депу-

татами. Будучи своеобразным изложением программы законотворческой деятельности российского либерализма, «Адрес» включал в себя целый ряд положений, направленных на более активное участие Думы в государственном строительстве. К ним могут быть отнесены такие предложения, как введение всеобщего избирательного права; упразднение Государственного совета; равномерное распределение налогов; решение национального вопроса; отмена ограничений законодательной компетенции Думы [1. С. 74–75, 107, 154].

Новый импульс законотворческая деятельность либералов получила в кратковременный период работы I Государственной думы. В рамках кадетской фракции проходили окончательную доработку либеральные законопроекты, направленные на полное или частичное изменение существовавших законов, относящихся к вопросам государственного строительства. Особенно тщательно рассматривались среди них те фрагменты, которые облегчали процедуры избирательной кампании в высший законодательный орган страны – российский парламент; квалифицировали права и обязанности парламентариев; усиливали значимость и самостоятельность одной из высших ветвей власти – судебной; расширяли prerogatives низовых органов власти и самоуправления на местах [2. С. 24]. Анализ содержания этих законопроектов позволяет говорить о трех приоритетных для кадетов направлений правотворческой

парламентской деятельности: а) увеличении прав законодательной власти и, в частности Думы; б) обеспечении депутатской неприкосновенности; в) изменении закона о выборах.

К законодательным инициативам кадетов во II Государственной Думе можно отнести законопроект о всеобщем избирательном праве, а также участие фракции в прениях по бюджетным вопросам. Здесь кадеты, оставаясь на позициях утверждения принципиального верховенства представительной ветви власти над исполнительной, в рамках действующего законодательства пытались отстаивать реальные возможности парламента влиять на формирование бюджета.

В III Государственной Думе можно отметить смену приоритетов. Центр тяжести своей работы кадеты перенесли с предлагаемых законопроектов на их активное обсуждение в различных думских комиссиях. Наиболее показательным, с этой точки зрения, обсуждение вопроса о депутатской неприкосновенности. На второй сессии было предложено исключить из состава Думы кадетов А. М. Коллюбакина и В. Е. Косоротова. Представители кадетской фракции, указав на коллизии в действующем законодательстве, предложили считать Думу свободной в выборе решения по данному вопросу. С целью устранения возникшей коллизии было предложено изменить соответствующую статью Положения о выборах в Государственную думу в том смысле, что «ограничению избирательных прав» могли подвергаться исключительно «лица, лишенные или ограниченные в правах приговором суда» [3. С. 10]. В вопросах разработки нового варианта Наказа Думы, которая в силу особой позиции Сената, не имела утвержденного регламента, значительную роль сыграл В. А. Маклаков, председательствовавший в соответствующей комиссии Думы. Несмотря на настороженное отношение думского большинства к проекту Наказа, составленного кадетами еще в период «революционных» Дум, он убедил большинство голосовать за данный вариант.

Наступательно вела себя кадетская фракция и по факту нарушения основных законов в отношении введения в состав Государственного совета так называемых «членов по назначению». Данный факт был квалифицирован фракцией как антиконституционный, противоречащий смыслу основных законов, а также «существованию представительных учреждений» [3. С. 8]. Развивая последний тезис, фракция в предложенной ею формуле перехода отмечала, что введение в выборный орган назначаемых членов окончательно лишает как Госсовет, так и его членов самостоятельности и независимости, передает законодательство страны в руки исключительно правящего класса.

Госсовет избирался тогда на основе высокого имущественного ценза по куриальной системе. Это обстоятельство вело, по мнению кадетов, к нарушению равенства палат в сфере законодательства, тормозило развитие органа законодательной власти в целом. Призывая к отказу от назначений, кадеты решительно отвергали все преимущества, которые вместе с процедурой формирования Госсовета пыталась оставить за собой царская власть. Как и прочие предложения фракции, содержавшие указания на неконституционность правительственных действий, такая формула перехода была отвергнута.

Наряду с общеправовыми инициативами кадеты вносили предложения о расширении законодательных прав Думы, что давало возможность усилить влияние этого органа власти на формирование государственного устройства страны. Одним из таковых стал Проект закона об изменении некоторых статей Учреждения Государственной Думы. В соответствии с ним депутаты наделялись правом законодательной инициативы и составления законопроектов. По смыслу одной из статей министры и управляющие могли делать сообщения по вносимым в Думу заявлениям не позднее месяца до дня слушаний. Следовательно, какого-либо обсуждения до дня слушаний просто не предусматривалось. В результате, несмотря на внесенный законопроект, Дума не могла обратиться к нему, по существу, в течение месяца. Отдельным членам Думы предоставлялось право выступить с заявлениями по поводу проекта, однако, это предполагалось делать исключительно в процедурном порядке.

Фракция кадетов не только обратила внимание на такое ненормальное положение, но и предложила выход из создавшейся ситуации – в следовании ст. 5 Учреждения Государственной Думы, в соответствии с которой Дума могла образовывать из своей среды отделы и комиссии для предварительной разработки дел, которые подлежали ее рассмотрению. Руководствуясь этой статьей, авторы каждого законопроекта при внесении его в Думу могли предложить образовать для его рассмотрения комиссию. Если делалось предложение такого рода, то Дума должна была высказаться по поводу содержания законопроекта. Если законопроект был не готов, то она имела возможность отклонить его в форме отказа в учреждении комиссии или в какой-либо другой форме.

Следующим шагом кадетских юристов в связи с выдвинутым предложением стал проект расширения полномочий Думы в области законодательной инициативы, предусматривавший упрощение процедуры прохождения законопроекта через Думу, что, несомненно, вело бы к увеличению

ее роли в законотворческом процессе. Новизна законопроекта обуславливалась следующими положениями:

- требованием устранить деление обсуждения на две стадии: суждения о «желательности» и о самом существовании законопроекта;
- принять за общее правило, что после поступления законопроекта Государственная Дума избирает комиссию для рассмотрения вносимого законопроекта; из этого правила допускалось исключение для простых случаев, где предварительное рассмотрение не требовалось;
- призывом сократить срок ознакомления министров с законопроектом с одного месяца до одной недели.

Необходимо отметить, что с формально-правовой стороны данный законопроект являлся документом процедурного усиления действий Думы. Вместе с тем можно полагать, что это могло стать «пробным камнем» по постепенному реформированию правовой системы России в сфере организации государственной власти, своеобразной проверкой готовности исполнительной власти взаимодействовать с Думой, а шире – законодательной ветвью власти.

К действиям кадетов, нацеленным на изменение характера взаимоотношений законодательной и исполнительной властей, относился проект о личной неприкосновенности депутатов. Импульсом к его разработке послужили соответствующие статьи Учреждения Государственной Думы. Согласно этим положениям, предусматривалось, что член Государственной Думы может быть подвергнут лишению или ограничению свободы исключительно по распоряжению судебной власти, причем для совершения данного действия требовалось предварительное разрешение Думы. Предусмотренные случаи задержания непосредственно при совершении преступного деяния или же на следующий день, а также привлечение депутатов к ответственности за такие преступные деяния, которые могли быть совершены при исполнении или по поводу исполнения обязанностей депутата Государственной Думы являлись в данном случае исключением. Предлагалось считать, что в отношении привлечения депутата к ответственности должен применяться порядок, предусмотренный для высших чинов государственного управления. Между тем исключалось личное задержание депутата за долги.

Подобные трактовки все же оставляли исполнительной власти пространство для маневра по воздействию на оппозиционных депутатов административными методами. К примеру, в статье, где, наряду с правом задержания депутата непосредственно при совершении преступного

деяния, предусматривалась возможность его задержания «на следующий день», что открывало простор полицейских провокаций, тем более что понятие «следующий день» в данном случае не определялось. Главным же принципиально неприемлемым основанием депутатской ответственности было положение о возможности привлечения депутата к ответственности в связи с исполнением им депутатских обязанностей.

Предложенный либерально ориентированными юристами законопроект отличался новизной в трактовке соответствующих статей Учреждения Государственной Думы. В частности, ст. 1 законопроекта ограничивала исполнительную власть в возможности возбуждения уголовного преследования члена Государственной Думы, ставя саму возможность начала данной процедуры в зависимость от наличия разрешения Государственной Думы, причем такое постановление каждый раз должно было иметь особый характер. В прямой связи с этой статьей находится ст. 3, которая предусматривала, что уголовное преследование члена Государственной Думы или же любое постановление о лишении его свободы, возникающее до открытия сессии, следовало приостановить при открытии сессии до разрешения Думы. Тем самым гарантировалась неприкосновенность личности депутата между сессиями парламента.

Вместо упомянутых выше статей Учреждения Государственной Думы о лишении или ограничении свободы депутатов Думы предлагалась другая статья, которая определяла этот порядок. Общие принципы соответствующей процедуры предусматривали исключительно судебную процедуру принятия решения только после предварительного согласия Думы. Весьма важной представляется статья законопроекта, которая предусматривала, что порядок привлечения депутатов к ответственности за преступления, совершенные при исполнении или же по поводу исполнения обязанностей члена Государственной Думы, так же ставился в зависимость от решения самого парламента и определялся соответствующими статьями законопроекта. Тем самым либеральные парламентарии стремились обеспечить реальную защиту депутатов от неправомерных действий исполнительной власти.

В целом либеральные предложения были направлены на изменение законным путем статуса российского представительного органа и его членов. Это позволяло расширить права Думы, превратить его в орган, значительно влияющий на функционирование государственной системы. Проект положения о выборах в Государственную Думу можно отнести к числу таких предлагаемых

либералами практических мер, которые своим содержанием могли повлиять на изменение государственно-властной системы страны. Повышенное внимание к данному проекту было обусловлено тем, что либеральные идеологи именно в народном волеизъявлении видели важный социальный ресурс для своей партии, для реализации либеральной программы преобразования политической системы страны посредством правовых реформ.

В разделе, определявшем принципы проведения выборов, перечислялись основания для ограничения избирательных прав, характеризовались требования к будущим депутатам, регламентировались нормы назначения даты выборов. В одной из статей проекта говорилось, что выборы проводятся на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. В последующих статьях объяснялось, что право на участие в выборах принадлежит всем гражданам России без различия пола и достигшим 21 года. Исключение составляли лица, находящиеся под опекой и попечительством, подвергшиеся по судебному приговору лишению или ограничению прав состояния и т. д. Кроме них, избирательных прав лишались военнослужащие и лица, занимающие должности генерал-губернаторов, губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников и их помощников, чинов полиции, а в Царстве Польском уездных начальников. Общие выборы назначались Высочайшим указом на один из воскресных дней, единый для всей страны. Подобно другим кадетским законопроектам в него была внесена статья, защищавшая право граждан в целом. Согласно этой статье, никто не мог воспрепятствовать гражданину пользоваться своим избирательным правом – ни административные органы своими распоряжениями, ни частные лица.

В законопроекте учитывалась и национальная специфика страны. Так, одна из статей предусматривала широкие возможности использования в избирательных документах наряду с русским и местными языками. Другие статьи устанавливали порядок составления избирательных списков, исходя из особенностей учета населения на тер-

ритории страны, разделение территории не только по формальному принципу равенства избирательных округов, но и с учетом плотности населения малонаселенных территорий, его национального и бытового состава. Кадетский законопроект предусматривал весьма любопытный механизм, призванный компенсировать рассеянность сельского населения. Вместо системы двухстепенных выборов, которая предлагалась партией демократических реформ, кадеты предпочли систему так называемых «заявленных кандидатов». Предусматривалось, что при поддержке двадцати избирателей любой гражданин, обладавший пассивным избирательным правом, мог выдвинуть свою кандидатуру для включения в списки по округу.

Таким образом, законопроекты кадетов имели несомненные практические достоинства. В своей суммарной совокупности они свидетельствовали о том, что либеральные идеологи предложили актуальную, на тот исторический момент, развернутую программу реализации собственной модели изменения политической системы страны. Ее исходным импульсом выступал тезис о правовой связанности государства, что гарантировало соблюдение прав индивида и личности, при одновременной приверженности общества духом государственности. Инструментом реализации этой модели являлась правовая реформа, представленная пакетом законопроектов, осуществляемая исключительно мирным эволюционным, парламентским путем. Подобная направленность, по мнению либералов, позволяла постепенно осуществить концепцию правового государства, превратив его в действенный инструмент социально-политических преобразований.

Библиографический список

1. Государственная дума. Сөзүв I. Стенографический отчет. Т. 1 [Текст]. – СПб., 1906.
2. *Новгородцев, П.* Профессор В. И. Герье о Первой Государственной думе [Текст] / П. Новгородцев // Русская мысль. – 1907. – №2.
3. Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 15.10.08–2.06.09. Отчет фракции [Текст]. – СПб., 1909.

УДК 32

ФЕНОМЕН ЭКСТРЕМИЗМА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ*

М. Я. Яхьяев

Критически осмысливается методология исследования экстремизма, систематизируются формы его проявления. Раскрываются основные социально-политические предпосылки современного российского экстремизма и определяются тенденции его возможной трансформации.

Ключевые слова: экстремизм, политика, идеология, религия, социальная организация, агрессия, фанатизм.

THE PHENOMENON OF EXTREMISM: THE METHODOLOGICAL PROBLEMS OF ITS RESEARCH

M. Y. Yahyaev

The methodology of extremism research is critically comprehended in the article. The author systematizes forms of extremism appearance. The article reveals the basic socio-political conditions of modern Russian extremism and determines trends of its possible transformation.

Keywords: extremism, politics, ideology, religion, social organization, aggression, fanaticism.

Экстремизм является одним из серьезных вызовов современной цивилизации, угрозой стабильности и мирному развитию общества. Будучи крайней формой социального деструктивного действия, экстремизм создает угрозу безопасности государства, основам стабильного развития общества. В современной России экстремизм, в разных формах проявления, выступает одной из форм сепаратизма, подрывной деятельности против территориальной целостности и политической стабильности государства. В «Концепции национальной безопасности РФ» записано: «Этноэгоизм, этноцентризм и шовинизм, проявляющиеся в деятельности ряда общественных объединений, а также неконтролируемая миграция способствуют усилению национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма и создают условия для возникновения конфликтов».

Экстремизм опасен российскому обществу не только прямыми разрушениями социальных объектов и ценностей, и не только убийствами и террором, которые выступают для него основными формами реализации своей идеологической программы. Гораздо опаснее сама идеология экстремизма, которая ведет к искажению мировоззрения личности и серьезным психическим аномалиям. Захватывая большие группы людей, экстремизм оказывает деструктивное воздействие на их психику и сознание, превращая их в организованные деструктивные группы, ориентированные на агрессивные действия, направленные на разрушения существующего социального порядка. Нередко конкретная этническая или религиозная оболочка является лишь удобной маскировкой для экстремизма и международного терроризма.

Экстремизм проявляет себя и как орудие подрывной деятельности в тайной политической борьбе стран и цивилизаций. Если экстремизму не оказывать должного противодействия, он может привести к разрушению устоявшихся социальных порядков и даже гибели российского государства.

В связи с крайней социальной опасностью экстремизма, необычайно важно глубокое научное познание его сущности, причин и способов борьбы с ним. Особенно важным для успешной борьбы с экстремизмом является концептуальное осмысление этого феномена. Научное исследование того или иного явления сродни постановке диагноза. Если пациенту поставлен неверный диагноз, лечение будет неэффективным или даже губительным. Поскольку в качестве пациента в нашем случае выступает общество в целом, то игра в политкорректность с диагнозом относительно таких деструктивных явлений, как радикализм, экстремизм, фанатизм и терроризм может слишком дорого обойтись всем нам. Более того, неточные формулировки рожают штампы, которые потом способствуют разжиганию конфликтов и появлению не существовавших ранее противоречий. Таким образом, становится очевидной необходимость осмысления исходных понятий.

Некоторые ученые, политические и религиозные деятели иногда подвергают сомнению сам факт существования экстремизма, особенно если он связывается с той или иной конфессией. Так, к примеру, для представителей различных конфессий, мыслящих в парадигме религиозной веры, явление религиозного экстремизма как таковое исчезает, поскольку любые действия, совершаемые во благо религии, в том числе и самые крайние, оказываются легитимными и допустимыми.

* Работа выполнена в рамках ФЦП ГК № П-864.

Однако, если в какой-либо религии этот термин не легитимен и не внятен, то это не означает, что в ней отсутствует сам феномен экстремизма.

В современной политической литературе много пишут об экстремизме как о разрушительном для общества и личности феномене современного общественного бытия. Тем не менее общепринятого понимания экстремизма, различных форм его проявления нет не только в массовом сознании, но и среди специалистов-экстремологов. В научном сообществе пока еще недостаточно разработаны методологическая база и методики его исследования. В то же время очевидно и то, что для выработки эффективной политики по диагностике, профилактике и преодолению экстремизма необходимо теоретическое осмысление его сущности. Чрезвычайно важно обнаружение сущности экстремизма и для формирования юридической базы борьбы с ним.

Чаще всего в литературе встречается достаточно абстрактное, слишком общее и расплывчатое определение экстремизма как приверженности к крайним взглядам и действиям. Например, в политическом словаре дано именно такое определение: экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) – приверженность в политике к крайним взглядам и мерам. Но это определение не может удовлетворительно раскрывать сущность явления экстремизма. Тем более что в подобных дефинициях не указывается определенная количественная или качественная мера «крайности», которая разделяет экстремизм и то, что не относится к экстремизму.

Довольно распространенным является и другой подход при определении экстремизма, когда вместо научной дефиниции дается так называемое экзemplярное определение путем простого перечисления явлений или действий, которые относятся к экстремизму. Такое установление сущности экстремизма путем простого перечисления объектов, входящих в объем определяемого понятия, вообще не является логически корректным. Если у нас нет четкого понимания сущности экстремизма, то включение или невключение определенных действий или явлений в состав экстремизма является абсолютно произвольным занятием. Таким образом, общее расплывчатое определение экстремизма не может служить надежным критерием квалификации определенных явлений и действий как экстремистских.

Неудовлетворительность абстрактного и экзemplярного подходов к определению экстремизма проявляется весьма ярко в политической полемике, когда термин «экстремизм» выступает как один из нехороших политических ярлыков или ругательств, которые адресуют друг другу политические оппоненты. Однако эта неудовлетворительность особенно опасна, если она проникает в юридические

документы. Установление сущности экстремизма и соответственно квалификации видов экстремистских действий, данные в юридических документах, нуждаются в серьезном уточнении. Об этом свидетельствуют и внесенные недавно в Закон «О противодействии экстремистской деятельности» поправки.

Не существует ясности в понимании сущности экстремизма и в массовом сознании. Так, по результатам опроса Фонда общественного мнения, «36 % россиян, отказываясь объяснить значение этого понятия, заявляют, что не знают, что это такое. Объяснить, что значит “экстремизм”, взялись 37 % респондентов. Их ответы можно объединить в несколько групп (данные в процентах от числа опрошенных). Экстремизм – это...:

- насилие, жестокость, агрессия, ненависть – 8;
- терроризм, бандитизм – 7;
- крайние формы выражения идеологических взглядов – 7;
- фашизм, национализм – 6;
- антигосударственная деятельность, захват власти – 3.

Часть респондентов (2 %), не сумев дать определение данному понятию, просто выразили свое негативное отношение к экстремизму (“это плохо, запрещено”, “ругательное слово”, “экстремисты – зачинщики плохого”)[2].

Теоретическая неразработанность проблемы природы экстремизма создает широкое поле для различных вариантов понятийного толкования сущности экстремизма. Иногда экстремизм рассматривается как одно из «экстремальных явлений», которое связывает происхождение экстремизма с экстремальными ситуациями, в которых оказываются те или иные социальные субъекты. Действительно, экстремизм является в принципе естественной реакцией социальных субъектов на экстремальные социальные ситуации, хотя эта реакция, по своей сути, не является оптимальной и вполне адекватной, поскольку экстремизм не разрешает экстремальной ситуации, а, скорее, усугубляет ее. В каждом конкретном случае экстремизма нужно выяснить специфические особенности экстремальной ситуации, реакцией на которую и становится данный экстремизм.

Иногда экстремизм относят к формам иррегулярной, экстремальной социальной практики, которая разрушает существующую социальную систему, открывает новые, революционные возможности преобразования общества. Так, согласно О. Бахтиярову, экстремизм – это некий модернизационный резерв общества: «Шанс на реализацию потребности в создании нового, иного мира проливает свет и на то, какое место занимают экстремистские сообщества в государстве и культуре. Располагая радикально иными и неприемлемыми

для регулярного мира идеями и планами, экстремистское сообщество создает резерв возможностей для общества, переживающего катастрофу» [1]. Нам кажется, что здесь некорректно смешивается подлинно революционный радикализм, действительно преобразующий существующую социальную систему в прогрессивном направлении, с экстремизмом, который, как некорректная реакция на экстремальную, кризисную историческую ситуацию, не ведет к прогрессивному революционному преобразованию общества, а, скорее, усугубляет эту критическую ситуацию или преобразует общество, но в негативном, разрушительном или реакционном направлении.

Спорным является и предлагаемый О. Бахтияровым подход к постижению сущности экстремизма, согласно которому эта сущность открывается только изнутри. Поэтому исследователь экстремизма должен быть одновременно сам экстремистом и в то же время сохранять научную объективность. «Экстремолог должен быть сам экстремистом, иначе он не поймет экстремизм изнутри и не будет располагать экспертным знанием предмета своего изучения. Но не только экстремистом, иначе у него не было бы потребности в формировании не только прямого знания экстремальной зоны, но и знания об экстремальной зоне. Статус собственно экстремолога, т. е. специалиста, изучающего жизнь и закономерности экстремистских сообществ, он получает только в регулярном мире, принадлежа ему какой-то своей частью и принимая законы и ценности регулярного мира» [1].

Нам кажется, такой подход к изучению экстремизма абсолютно утопичен. Невозможно сочетать в одном лице экстремистскую одержимость и научную объективность. Для того чтобы понять сущность различных негативных социальных явлений и идеологий мыслитель, ученый вовсе не должен быть их прямым участником или приверженцем. Как раз, наоборот, он должен смотреть на них трезвым взглядом объективного наблюдателя. Например, для теоретического постижения сущности фашизма, ученый не должен стать приверженцем фашизма. Рациональное понимание и даже психологическое понимание сущности экстремизма вовсе не требует от ученого принятия экстремистской идеологии и переживания экстремистских чувств. Вряд ли корректно, как нам кажется, связывать экстремизм и с сущностью человека, основывать его на неких постоянных особенностях его природы, произвольно приписанных человеку.

Для понимания сущности экстремизма ключевым вопросом является анализ конкретных социальных и культурно-исторических условий, в которых формируются и реализуются задатки экстремизма как идеологии и как типа поведения.

Экстремизм есть закономерная реакция определенных социальных групп на ситуацию отчуждения их от традиционных, сущностных форм социального бытия, возникающую в моменты социальных реформ, революций и кризисов. Он есть форма самозащиты, самосохранения определенной социальной группы, само существование которой в данной конкретно-исторической ситуации поставлено под угрозу. Хотя эта реакция часто является неадекватной и малоэффективной для действительного преодоления сложившейся ситуации отчуждения данной социальной группы от сложившейся, изменяющейся социальной системы.

Присматриваясь к экстремизму, пытаюсь понятийно определить его, мы сталкиваемся с проблемой логической дифференциации экстремизма с такими тождественными явлениями, как радикализм, фундаментализм, фанатизм, терроризм. А без четкого разграничения этих явлений мы не сможем высветить сущность и понятийно обозначить их. Для решения этой задачи, на наш взгляд, необходимо начать с радикализма, поскольку и экстремизм, и фанатизм, и фундаментализм выступают его специфическими разновидностями.

Понятию «радикализм» в литературе чаще всего придается два смысла: Первый – радикализм рассматривается как политическое течение, сторонники которого подвергают критике существующую социально-политическую систему и настаивают на необходимости коренных преобразований и реформ. При таком подходе радикализм означает не только способ деятельности, но и определенную идеологию, лежащую в его основе, но его применение, при этом, ограничивается исключительно политической деятельностью. Во втором смысле радикализм представляется как использование крайних методов при решении каких-либо вопросов, решительный образ действия. Но в данном случае, термин «радикализм» характеризует лишь способ действия социального субъекта безотносительно к конкретному виду деятельности.

Нам же представляется, что наиболее продуктивным будет следующее определение: радикализм – это тип социальной деятельности, основанный на крайних, предельно агрессивных идеологиях и чрезвычайных, решительных действиях, направленных на коренное изменение существующей социальной системы. Радикализм следует интерпретировать как реакцию тех или иных социальных субъектов на критические, тупиковые или экстремальные ситуации, с которыми они сталкиваются в ходе исторического процесса. В радикализме при таком его понимании мы можем выделить две взаимно обуславливающие стороны, а именно: радикальную идеологию и радикальную деятельность.

Помимо этого, следует также разграничивать две основные формы радикализма в зависимости

от характера социальных изменений, которые составляют существо программы или идеологии радикализма. Первая форма – это конструктивный, революционный радикализм, который направлен на качественное, революционное, прогрессивное преобразование существующей социальной системы. В этом виде радикализма, высшим проявлением которого является социальная революция, конструктивный момент, то есть строительство нового, более совершенного общества, преобладает над деструктивным – разрушением существующей системы. Этот радикализм можно уподобить целительному ножу хирурга, который в критической ситуации кардинально, силовыми методами исцеляет пациента, спасая его от гибели.

Вторая форма – это деструктивный радикализм, направленный на сохранение, консервацию отживших, изживших себя социальных отношений с помощью разрушительных, агрессивных действий против тех сил и социальных явлений, которые выражают действительно революционное преобразовательное начало, либо против всей существующей социальной системы или ситуации в целом. Однако деструктивный радикализм не лечит критическую болезнь социального организма, а калечит и насилует его тело, подобно безграмотному шаману, лишь усугубляя эту критическую болезнь.

К какой же форме радикализма нам следует относить экстремизм? Безусловно, экстремизм относится к деструктивному радикализму. Однако и внутри деструктивного радикализма мы бы выделили две разновидности, в зависимости от характера идеологии, которая лежит в его основе и определяет направленность и способ социальной деятельности деструктивных радикалов. Первая разновидность основана на фанатической идеологии, которая представляет собой иллюзорную и утопическую программу социального преобразования. Вторая разновидность радикализма основана на идеологии фундаментализма.

В справочной литературе фундаментализм определяется как общественные идеологические религиозные движения, провозглашающие приверженность исходным идеям, принципам, ценностям определенных учений, доктрин, выдвигающие требования преодоления появившихся в ходе их развития извращений, уклонов, ересей и восстановления первоначальной чистоты, «возвращения к истокам». Фундаментализм, в широком смысле слова, это мировоззренческая система, которая выступает за сохранение традиционных основ общественно-политических порядков, против их коренных изменений. Применительно к политике фундаментализм означает приверженность неизменности традиционных политических целей и доктрин. Поскольку эти цели и доктрины связаны в какой-то степени с традиционными

социальными устоями, постольку политический фундаментализм соединяется с социально-политическим традиционализмом.

Суть идеологии фундаментализма состоит в том, чтобы вернуться к старому социальному порядку или законсервировать существующие социальные порядки, заморозив, остановив процесс прогрессивных изменений. Фундаментализм возникает в условиях кризиса какого-либо движения и, как правило, противостоит, в том числе насильственными средствами, процессу перемен, обновлению. Именно эту разновидность деструктивного радикализма, основанного на идеологии фундаментализма, как нам кажется, адекватно определяет термин «экстремизм». Действительно, фундаментализм и экстремизм взаимосвязаны. Экстремизм можно рассматривать как следствие и развитие фундаментализма. В своих крайних формах фундаментализм вырождается в экстремизм. В этом смысле, к примеру, религиозный экстремизм – это как раз приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с религиозными фундаменталистскими взглядами.

Для того чтобы уяснить сущность экстремизма, необходимо также четко отличить его и от фанатизма, с которым его нередко отождествляют. Главное различие мы видим в целях и мотивации этих форм деструктивной социальной практики. Фанатизм, в отличие от экстремизма имеет ярко выраженную нетрадиционную, утопическую идеологическую программу и нацелен на радикальное преобразование существующего общества в соответствии с этой программой. Экстремизм, напротив, нацелен не на изменение существующего общества, а на сохранение его и представляет собой защитную агрессивную реакцию на угрозу радикального изменения существующего социального порядка. Его идеологической основой выступает обычно традиционная идеология, которая принимает радикальную форму. По сути, и фанатизм и экстремизм – разные способы реакции разных социальных субъектов на экстремальные социальные ситуации. Они могут переходить один в другой и сливаться друг с другом, выступать вместе.

По характеру или способам реализации своих целей фанатизм и экстремизм сходны, так как склонны к использованию чрезвычайных, насильственных и разрушительных актов, то есть к террористическим методам. Именно это сходство, нередко, ведет к смешению фанатизма и экстремизма, а также к смешению их обоих с терроризмом. Чтобы избежать логического смешения понятий «экстремизм» и «терроризм», мы должны указать на то, что понятие «экстремизм» характеризует специфический, необычный тип или способ социального действия и включает в себя такие моменты, как цель, идеология, моти-

вазия действия, средства и способы действия. Понятие же «терроризм» характеризует лишь один из видов или способов социального действия. Оно гораздо уже по своему логическому смыслу. Хотя терроризм, безусловно, входит в арсенал действий экстремизма и даже занимает в этом арсенале весьма заметное место, лишь терроризмом не исчерпывается арсенал экстремизма как типа социальной практики.

По социальному смыслу экстремизм есть защитная агрессия, направленная против радикальных изменений существующего социального порядка. Он является естественной реакцией различных социальных сил на критические социальные ситуации, формой борьбы с этими критическими ситуациями, направленной на возвращение к докритическому состоянию. Экстремизм, по существу, есть борьба поставленных в критическую ситуацию социальных групп чрезвычайными средствами и способами за сохранение своего физического существования и культурной идентичности. Но важно подчеркнуть, что это борьба деструктивная и иллюзорная, которая не разрешает, а лишь усугубляет критическое положение данной социальной группы.

Нам кажется, что при определении сущности экстремизма следует исходить из деятельностного подхода, согласно которому экстремизм должен рассматриваться как один из чрезвычайных, деструктивных видов социальной практики. По своей форме экстремизм всегда выступает как политическое действие. Экстремизм, возникая как импульсивная, спонтанная реакция социальных групп, поставленных в экстремальные условия, на эти условия, как форма сопротивления этим условиям и борьбы с ними институируется. Элементы этого института: экстремистская идеология (формируется из традиционных идеологий путем их радикализации), экстремистское сообщество, экстремистские организации.

Базовым элементом является экстремистская идеология, поскольку она мотивирует экстремистскую деятельность и является основой сплочения и деятельности экстремистской организации. Для определения сущности экстремистской идеологии недостаточно простого указания на некоторые определенные идеи, которые можно представить в качестве общих критериев экстремизма. Однако такой подход довольно часто встречается. В качестве критериев экстремизма обычно предлагаются такие идеи, как идея социального, расового, национального неравенства, идея физического насилия и геноцида своих социальных оппонентов.

Но является ли экстремистской всякая идеология, оправдывающая социальное неравенство, жесткость и радикальные действия по отношению к иным социальным группам? Если так, то, с од-

ной стороны, можно назвать экстремизмом официальную идеологию современных реформаторов, поскольку они в жесткой форме практически осуществляют насильственные действия против собственного народа и утверждают социальное неравенство, провоцируя тем самым и социальную вражду. С другой стороны, всякие оппозиционные действия против сложившегося режима, в том числе действительно революционные и обоснованные гуманистической идеологией, можно выдать за экстремизм.

Очевидно, что в обществе, разделенном на классы, различные социальные и демографические группы, между которыми существуют острые, или вообще непримиримые противоречия, достигшие предельного обострения, идеология тех социальных или демографических групп, положение которых резко ухудшается или вообще само их существование оказывается под угрозой, принимает экстремистскую форму. Отметим, что экстремистскую форму в чрезвычайных социально-исторических обстоятельствах может принять любая идеология, правая или левая, буржуазная или пролетарская, религиозная или атеистическая и т. д.

Экстремистская идеология является базисом, основой экстремистской деятельности. При определении экстремизма в литературе обычно акцент переносится именно на характеристику экстремистской деятельности. При этом главное внимание уделяется перечислению основных видов экстремистских действий. Однако мотивы этих действий или вообще не раскрываются, или раскрываются достаточно абстрактно и расплывчато. Нам же кажется, что значимым при определении экстремистской деятельности является не простое перечисление разновидностей конкретных действий экстремистов, а четкое указание на их идеологическую основу. Экстремистской является только такая деятельность, которая обусловлена и мотивирована экстремистской идеологией.

При определении экстремизма как радикального, чрезвычайного способа социального действия, мы сталкиваемся и с проблемой специфической меры экстремизма. Эта мера должна отличить радикальные действия от обычных, нерадикальных действий. Критерии этой меры могут быть различными, но, очевидно, не количественными, а качественными. Иногда в качестве такого критерия предлагают радикальное отрицание принятых в обществе норм и правил. Но это признак относительный и, скорее, внешний или формальный. Адекватной мерой экстремизма, как нам кажется, является насилие, связанное с угрозой жизни людей или с прямым уничтожением людей. Здесь можно принять во внимание не только физическое, но и нравственно-психологическое уничтожение личности.

В то же время качественная мера экстремизма не может быть определена только на уровне одного из его элементов – экстремистской деятельности. Она должна учитывать также другой элемент – экстремистскую идеологию. Поэтому экстремизмом теоретически корректно можно назвать лишь такие действия, которые не просто качественно отличаются от нормальных действий крайним антигуманизмом, но которые совершаются на основании и во имя определенной экстремистской идеологии. Действительным экстремизмом является мотивированная экстремистской идеологией деятельность. Рассматривая экстремизм как форму деструктивной радикальной социальной деятельности, мы должны также, в каждом конкретном случае, четко устанавливать его субъект, объект, мотивацию и цели, а также способы действия и общий социальный смысл экстремистской деятельности.

Не менее важным элементом институализированной формы экстремизма является экстремистская организация. При определении сущности экстремистской организации следует исходить из того, что это обычно добровольное объединение группы людей на основе общей экстремистской идеологии и совместной организованной экстремистской деятельности. Экстремистская организация, независимо от ее формы есть объединение группы людей на основе экстремистской идеологии с целью реализации этой идеологии посредством экстремистской деятельности.

Итак, экстремизм есть сложное социальное явление, включающее в себя три основных рассмотренных нами выше элемента: экстремистскую идеологию, являющуюся базисом экстремизма; экстремистскую деятельность, являющуюся осуществлением, воплощением в жизнь экстремистской идеологии; экстремистскую организацию, являющуюся формой социальной организации экстремистской деятельности.

Определив, таким образом, сущность экстремизма, мы подходим к не менее важной проблеме разграничения форм или разновидностей экстремизма. Мы можем выделить такие формы экстремизма, как националистический, политический, религиозный, религиозно-политический и иные разновидности. Что же может быть и действительно является для нас основанием разграничения различных видов и форм экстремизма?

Чаще всего формы экстремизма разграничиваются исследователями по сферам деятельности субъекта социального действия. Предлагается считать экстремизм политическим, если агрессивные, нелегитимные, разрушительные действия имеют политический характер и соответственно совершаются в политической сфере; религиозным, если подобные действия имеют место в религиозной сфере и т. д.

Мы же отметим, что набор типичных действий экстремиста достаточно широк. К числу чаще всего упоминаемых в литературе насильственных, нелегитимных, агрессивных актов относятся: погромы, диверсии, шантаж, взятие заложников, убийства, ограбления, массовые беспорядки, уничтожение материальных ценностей и культурных произведений и т. п., в общем, различные формы террористических разрушительных действий. К числу актов внутренней агрессии относятся: различные формы самоистязаний, постов, отшельничества, ритуальные самоубийства (чаще всего это самосожжение, индивидуальное или коллективное).

Однако нетрудно заметить, что классификации форм экстремизма через перечисление экстремистских действий носят достаточно формальный характер, поскольку они не анализируют конкретное содержание политических и иных идей, становящихся основой направленности личности экстремиста. А специфическая сущность экстремизма не может быть открыта без анализа особенностей тех идей, которые завладевают сознанием, психикой и поведением личности. Потому некоторые исследователи, давая классификацию форм экстремизма, разграничивают их и по содержанию идей, овладевающих психикой экстремиста: религиозный, политический, националистический и т. д. Но и в данном случае мы не обнаруживаем анализа конкретного содержания религиозных или же политических идей, становящихся основой направленности личности. Мы находим здесь всего лишь простое разделение этих идей по сферам общественного сознания.

Если в основе экстремистского действия должна лежать определенная мировоззренческая идея, то есть идеология, то в маниакальном стремлении к власти нет никакой идеи. Поэтому стремление к власти любой ценой, превращение этого стремления в ведущий мотив поведения относится, по существу, не к экстремизму, а скорее к области психических отклонений. Если же мы имеем стремление к власти как к средству реализации определенной политической программы (экстремистской идеологии), то мы имеем дело с собственно политическим экстремизмом.

Мы хотим сказать, что классификация форм экстремизма по содержанию экстремистской идеологии должна опираться на содержательный анализ этой идеологии, а не на формальное распределение по сферам социального действия или же по формам общественного сознания. Ведь очевидно, что не любая идея, а только специфическая, обладающая набором подходящих качеств, может стать «сверхценной» и лечь в основу экстремистского поведения. При анализе содержания экстремистской идеологии следует также учесть, что превращение подходящей идеи в сверх-

ценную идею экстремиста происходит не всегда, а лишь при определенных условиях, которые необходимо прояснить. Ведь, например, политические или же религиозные идеи известны всем, но отнюдь не все люди превращаются в политических или религиозных экстремистов.

Итак, экстремизм является идеологически обоснованной социальной агрессией определенных субъектов, которые поставлены в критические, чрезвычайные условия существования. Эта агрессия направлена на качественное изменение сложившейся критической ситуации, которая ставит эти социальные субъекты перед угрозой потери социальной и культурной идентичности и имеет целью самосохранение данных социальных субъектов и традиционных условий их существования. Однако, и это важно отметить, экстремизм – это ложно направленная, разрушительная социальная активность, канализирующая в деструктивном рус-

ле спонтанную, стихийную агрессию конкретных социальных групп и сил.

В заключение отметим, что, определяя природу экстремизма, необходимо установить, почему, при каких условиях и каким способом подходящие идеологии превращаются в экстремистские и овладевают сознанием людей, приводя к деформации всей психики и поведения личности.

Библиографический список

1. *Бахтияров, О. Г.* Психология экстремизма. Экстремистские ресурсы общества [Электронный ресурс] / О. Г. Бахтияров. – Режим доступа: <http://www.uer.vlg.ru> (дата обращения: 18.02.2011).

2. *Петрова, А. С.* Понятие «Экстремизм» [Электронный ресурс] / А. С. Петрова. – Режим доступа: http://bd.fom.ru/report/map/special/416_15405/d00262 (дата обращения: 30.01.2011).

УДК 323

АСПЕКТ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНФИГУРАЦИИ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

И. Д. Коротец

Раскрывается механизм формирования ориентиров и ценностей, позволяющих осуществить осмысление и коррекцию возникающей культуры. Выявляется закономерность идеологизации сознания в условиях неадекватности мировоззрения культурному пространству. Обосновывается необходимость глобального культурного пространства и изменения вектора развития постиндустриального общества.

Ключевые слова: социальность, идеология, пространство, сознание, локальная организация, социальная энергия, культура.

ASPECT OF CULTURE IN SHAPING OF THE SOCIO-POLITICAL CONFIGURATION OF POST-INDUSTRIAL SOCIETY

I. D. Korotets

The mechanism of formation of landmarks and values which allows comprehending and correcting the emerging culture is revealed in the article. The ideological consciousness regularities in terms of inadequate outlook of cultural space is revealed in the article. The necessity of the global cultural space and change of the direction of development of post-industrial society are justified.

Keywords: sociality, ideology, space and, consciousness, a local organization, social energy, culture.

Мир находится в процессе возникновения глобальной организации социально-политического пространства. Глобализация возникает объективно на основе индустриально-информационных технологий. Возникает новая целостность, конфигурация которой основывается на циркуляции информации и технологий в сетевом пространстве. Подобная инновационность не может не востребовать адекватные формы осмысления социальной реальности, поскольку предпосылки новой культуры, развивающиеся стихийно, приводят к возникновению множества кризисов.

Необходимость «заглянуть за горизонт» в условиях формирования нового общества означает потребность в создании нового мировоззрения и ментального пространства в целом. В общей форме можно заключить, что становление инновационной ментальности в отношении целостной и качественно новой культуры начинается в бессознательном (К. Юнг), затем принимает символическую форму (А. А. Блок, К. Уилбер), которая раскодируется множеством форм познания от образно-метафорического до научно-прикладного (П. Фейерабенд, Ж. Деррида), вплоть до

создания ментальных стереотипов. Ментальные стереотипы формируют структуру данной культурной целостности в качестве основы соционституциональных, поведенческих, технологических, бытовых и иных стереотипов, которые выполняют функцию обеспечения макро- и микровоспроизводства данной формы социального пространства. В политике посредством различных форм политической конкуренции инновационные паттерны сознания превращаются в политико-правовую конфигурацию, определяющую способы взаимодействия людей в социальной системе.

В раскодировании инновационных символов принимают участие практически все формы сознания и соответствующие способы коммуникативного взаимодействия членов общества. В то же время выявить смысл и содержание различных форм пассионарной активности не так просто. Это связано с рядом следующих обстоятельств. Действительный статус различных форм сознания в пространстве европейской культуры начинает проявляться только сейчас, в условиях постиндустриальной трансформации, а в условиях разделения интеллектуального труда нет субъектов, которые в состоянии охватить всю культуру как целое. Кроме того, переход от символических форм мысли к дискурсивным не исчерпывается рациональными процедурами, а иррациональные составляющие в европейской ментальности осмыслены фрагментарно. В свою очередь, господство сциентизма в современном мировоззрении ограничивает пространство мысли только ее частью, связанной с ресурсами рационального осмысления; внерациональные способы познания и понимания вытесняются на периферию и существуют «самостоятельно» в виде «тени» дискурса. В результате современное понимание общества находится в «состоянии постмодерна», представляя собой пеструю калейдоскопную мозаику самых различных «нарративов».

В то же время, рассматривая одну из основных функций философии и других форм сознания как раскодирование новационных символов становящейся новой культуры, можно заключить, что в этой форме знания при помощи рефлексии осуществляется интерпретация метапространства, в которое может быть интегрирована, вписана новая культура. Создаются ментальные средства, достаточные для осмысления нового социокультурного содержания, включая познавательные процедуры и логические средства. Происходит формирование базовых ориентиров и ценностей, позволяющих осуществить осмысление и коррекцию возникающей культуры. Поскольку подобная интеллектуальная деятельность

связана не столько с апробированным культурным опытом, сколько с его прообразом, который смутно просвечивается в пространстве старой культуры, она не может быть рационализирована каноническим образом. Скорее всего, истинная новационность создается на границе бессознательно-сознательного при помощи субъективных, индивидуализированных средств интеллектуальных пассионариев различного уровня организации. На этом первоначальном уровне трансляции символа будущего может действовать ряд пограничных мыслителей, отрицающих стереотипы старой культуры, использующих для создания нового ментального пространства свою сверхразвитую субъективность, позволяющую хаос возникающей культуры интерпретировать упорядоченным образом.

Достаточно очевидно, что не все интерпретаторы будущего могут мыслить адекватно реальности. Причем даже на этом «полумистическом» этапе формирования новаций будут существовать пассионарии разрушительного, созидательного и квазисодержательного характера. Сложность в том, что определить истинность знания на этом этапе можно только при помощи неуловимой способности, которую дает ментально-культурный вкус – способность превращать индивидуальную субъективность в феномены осмысленного объективного опыта, существующего лишь в виде предпосылок.

Можно констатировать, что подобная ментальная деятельность пророков, поэтов, философов, мудрецов и ученых осуществлялась всегда при возникновении новых культур. В то же время XX столетие войн может интерпретироваться как фаза культуры, которая в состоянии консервировать себя, несмотря ни на какие жертвы и деструктивность, не обращая при этом особого внимания на альтернативные идеологии и оппозиционную деятельность пассионариев. Ни политическая агрессия, ни коммунизм, ни терроризм, ни национализм не осмыслены целостным образом как симптомы отрицательности существующего общества – они не «прорабатываются» культурой, а вытесняются на периферию системы, возвращаясь с удесвященной разрушительной силой.

С чем связано такое положение? В нашем контексте можно выделить, как минимум, два обстоятельства: институциональное господство политики над всеми остальными сферами общества и превращение стереотипов европоцентристской индустриальной культуры в консервативно-агрессивную форму ограничения альтернативности. Для того чтобы пояснить смысл сказанного, необходимо осмыслить содержание современного

культурного кризиса и конфигурацию возможного мира будущего.

Вечным вопросом человечества является проблема устройства мира. В настоящее время испытывает ренессанс древняя идея космогонической структуры вселенной. В пространстве холотропной или экологической философии (Ф. Капра) мир понимается как единство, которое отчуждается само от себя и возвращается в него. В современном мире начинает получать признание мысль о том, что материя и сознание едины, что от их формы и способа взаимодействия меняются параметры системы, которая изменяет свою «мерную определенность» при переходе от одной формы господствующего взаимодействия при определенных ресурсах к другой. Исходя из подобной онтологии, мы предложим свою интерпретацию общества, которая позволит интегрировать необходимые феномены информационного общества. В предлагаемой систематике базовой категорией выступает форма культуры. В данном случае культура понимается как та форма социального движения, «способ существования социальной энергии», которая позволяет обществу существовать, вписываясь в определенную космическую систему, «измерение» или «реальность». Можно сказать, что возможны различные реальности, в которых общество и человек обладают качественно отличными друг от друга формами, способностями, возможностями и т. д. Для европейцев эпохи господства сциентизма реальность только одна – та, которую называют физической или четырехмерной. Правда, продвинутые физики (Эйнштейн, Гейзенберг) уже несколько десятилетий назад знали, что это не так, но современные физики до сих пор не знают «как?!». Для неевропейцев картина мира отличается от европейской. Поэтому утверждать, что квазинаучная система онтологии, господствующая в качестве стереотипа в доинформационном обществе, является достоверной, можно только в пространстве европоцентристской ментальности. Как только мы покинем прокрустово ложе этой ментальности, нам придется иметь дело и с другими мировоззрениями (Блавацкая, Рерихи), с которыми европейцы адекватно работать еще не в состоянии. Кроме того, базовой основой европейских стереотипов выступает христианство, в пространство которого философия так и не смогла интегрировать науку.

Единство сциентизма ненадолго удалось «установить» в границах идеологии Просвещения в форме атеизма, который так и не смог стать даже доминантным монистическим мировоззрением на сколько-нибудь продолжительный срок. Такие базовые категории, как пространство, время, материя, энергия, сознание, человек, общество, космос и свойства фактически всех пространств как

физических, так и социальных, меняют свою конфигурацию в зависимости от мировоззренческой интерпретации, от параметров задающего метапространства. Можно в этом отношении выделить ландшафтные, локальные или тотальные индустриальные и постиндустриальную культуры. Адекватная интерпретация данных культур в границах европейской ментальности дана быть не может, во всяком случае, интерпретация целостного характера (Друнвало). Так, интерпретация не может считаться удовлетворительной по причине непроясненности самого факта существования космически-культурного влияния на развитие Земли; космически-энергетического, космически-ментального, космически-биологического и ряда других возможных воздействий на земные структуры жизни. Нет ясности в отношении цивилизаций прошлого, например, Атлантиды. Все эти обстоятельства делают онтологию проблемной и открытой, связывают ее определенность с той или иной культурой, в пространстве которой мировоззрение может восприниматься как естественное и достаточное для ориентации людей в мире. Эти обстоятельства были осмыслены в парадигме постмодерна как нарративы – представления людей конкретной культуры, воспринимаемые в качестве мировоззренческих, зачастую, объективных основ. За пределами конкретности культуры данный стереотип ментальности может рассыпаться как картонный домик. В принципе определенность культуры ничем не отличается от парадигмы в науке, представляя собой целостность, характерную для одного из состояний универсума.

В этом свойстве человеческой природы нет ничего ужасного и трагического – это состояние естественное. Оно превращается в патологию только в случае абсолютизации частичной определенности и попытки создания универсальной онтологии на основании неадекватной эмпирии или частичной гносеологии. Культуры можно считать естественными до тех пор, пока действуют соответствующие им стереотипы. Уже Платон показал, что идеальное общество можно создать на основе декультуризации человека, свойственного данной культуре. В случае формирования неадекватного мировоззрения в культурном пространстве сознание идеологизируется и превращается в основу для повышения уровня конфликтности. При переходе от одной формы культуры к другой идеологичность ментальности, как правило, возрастает, что порождает всплеск насилия; это мы наблюдали в XX в. и наблюдаем сейчас.

Какие же феномены различия промышленной и информационной культур можно зафиксировать?

ровать? Основным отличием этих культур следует считать переход от локальной организации социального пространства к глобальной. Этот процесс происходит уже не один десяток лет (В. Вернадский), но до сих пор его основой выступает система рыночных отношений. Деятельность ТНК, форма движения рынков и капиталов, т. е. процессы, связанные с политэкономической конкуренцией, в максимальной степени влияют на параметры глобализации. Второй уровень оснований глобализации еще не проявлен в достаточной мере. Несмотря на то что написано об этом феномене много, к нему мы относим единую ментальную планетарную систему, которая возникает естественным образом в форме информационных технологий. Поскольку эта единая ментальность будет существовать в реальном времени, а технические возможности ее развития, по всей видимости, неисчерпаемы, то представить себе ее ресурсные возможности попросту нельзя. Ресурсная неограниченность и непредсказуемость возможностей информационной культуры позволяет сделать ряд выводов.

Характер информационного пространства уже в настоящее время позволяет заключить, что его тотальность, целостность входит в принципиальное противоречие с прежней основой культурной организации – локальностью. Культурная, политическая, национально-этническая, языковая, правовая и многочисленные другие виды локальности теряют свой технологический смысл. Призыв современных психологов – «Никаких границ» (К. Уилбер) – можно считать базовым символом перехода к глобальной форме организации культуры. Следует сразу оговориться, что этот символ не нужно понимать вульгарно. Процесс объединения локальных субпространств будет проходить во времени по мере содержательной востребованности. В то же время осевая ориентация в современной культуре может опереться на критерий продвижения к интеграции субпространств в единое целое.

Очевидно, что преодоление культурно-организационных границ будет связано с большими затруднениями. Человечеству придется столкнуться с необходимостью трансляции практически всех наработанных за тысячелетия стереотипов, что не может не восприниматься болезненно.

Следует сделать принципиальный вывод: стихийно, опираясь на локальные инициативы и интересы, перейти к глобальной организации невозможно, а без глобального культурного пространства мы не сможем воспользоваться ресурсами информационных технологий. Как ни стран-

но, в этой ситуации под удар культурного преобразования попадают развитые страны, в первую очередь, США. Не случайно в некоторых футурологических прогнозах в ближайшие десятилетия предсказывается разрушение экономики этой страны! Осмыслить реальность этого трагического предположения поможет рассмотрение европейской истории за последние две с половиной тысячи лет как «прорыв» человечества к информационной культуре. В этой парадигме лидер – страны золотого миллиарда – создает новую форму технологических и организационных отношений, используя для этой цели ресурсы практически всех других стран. Потребности глобального пространства теперь заключаются не в продолжении гонки в старой форме, а в переходе к новой глобальной организации. В принципе ресурсы всего человечества должны быть направлены на реализацию данной цели, а не на увеличение разрыва между развитыми странами и всем остальным человечеством. Можно утверждать, что сохранение в настоящее время локальных стереотипов организации взорвет изнутри существующую цивилизацию.

Изменение направления вектора развития, позволяющего осуществить постепенный переход к глобальной организации культуры на основе адекватного использования информационных технологий, не может не сопрягаться с другим источником ресурсов на планете – оптимизацией использования продуктов деятельности общества, а в более широком смысле – оптимизацией расходования и потребления «социальной энергии». Под социальной энергией в данном случае понимаются любые ресурсы, которые могут использоваться в культурных целях. Использование ресурсов в форме социальной энергии может быть как ее потреблением, так и ее экономией, ограничением потребления, сохранением или перераспределением.

В настоящее время пространство социальной энергии подчиняется законам локальной организации культуры. Можно констатировать, что «гены локальности» пронизывают все без исключения культурные пространства, являются матрицей, которая служит основой для формирования условий создания и циркулирования социальной энергии. Локальная форма организации энергетических потоков на планете уничтожает резонансность общего энергетического пространства, если выражаться метафорически. Выразить это содержание в привычных категориях практически невозможно, подсчитать – затруднительно. Суть проблемы заключается в том, что социальная энергия – символ самого широкого диапазона,

в котором интегрированы разнообразнейшие проявления жизнедеятельности, включая практически любые материальные и духовные процессы. В то же время эта энергия, как и любая другая, может резонировать, увеличивать свою напряженность, а может стагнировать, нейтрализовать свои колебания. Локальность как принцип организации данного энергетического пространства создает бесчисленное множество субпространств, которые существуют за счет подавления, нейтрализации своих противоположностей-конкурентов. В излишние затраты социальной энергии можно включить военные расходы и потери от использования интеллекта в разрушительных, а не созидательных целях; потери от невостребованных продуктов производства и деформацию человека, которого общество использует в качестве наемной рабочей силы, особенно в России; также сюда можно включить потери от разрушения биоценоза и культуру человека, оторванного от природы и равнодушного к ней. Эти составляющие (их можно перечислять очень долго) приводят к чрезмерным затратам всех видов ресурсов и создают для человечества массу проблем. В то же время антикультурные затраты социальной энергии в информационном пространстве можно резко сократить.

На самом деле, локальный принцип организации пространства, преобразованный в принцип глобального единства, высвободит громадное количество энергии. Так, информационные технологии уже позволяют осуществить включение субъекта культуры в единое интеллектуальное пространство в реальном времени. Ясно, что подобные ресурсы позволят осуществить экономию энергии за счет самых различных интеллектуальных действий миллиардов субъектов в общем пространстве, начиная от моментов его осознания и заканчивая организационными технологиями по его структурированию. Переход от локальности к единству организации позволит уничтожить целый ряд разграничительных линий в пространстве, что приведет к принципиальному изменению в его структуре и способах взаимодействия субпространств. Посмотрим, что же следует из приведенных обстоятельств? Обстоятельство первое заключается в том, что человечество нуждается в смене ориентации, а значит, в преобразовании культурных стереотипов.

М. Фуко с удивлением и возмущением описал тотальную политическую инфраструктуру, которая пронизывает все общественные отношения. На самом деле оказывается, что любая культура в высшей степени стереотипична, т. е. она может существовать только тогда, когда создается

система матриц, которые программируют как институциональное, так и личностное воспроизводство субъектов культуры. Систему стереотипов можно представить себе в виде двух пространств, одно из которых представляет собой систему стереотипов макровоспроизводства общества, а другое – микровоспроизводства. Макровоспроизводство можно отнести к институциональному, общественному уровню, а микровоспроизводство – к индивидуальному, личностному. Данные пространства взаимодействуют сложным образом, представляя собой единую, универсальную для конкретной культуры систему или пространство стереотипов. Действие стереотипов модифицируется в случаях необходимости сознательными усилиями субъектов управления и различных институтов. Систему стереотипов и сознательных усилий по организации культуры можно сравнить с психикой. Стереотипы можно отождествить с «самостью», бессознательным, а телеологические усилия – с «эго». Вполне возможно, что пропорция стереотипического и телеологического в формировании культурного пространства совпадает с пропорцией самости и «эго» в оценке К. Юнга в пределах 10:1.

Стереотипы можно понимать как матрицу пространства и в этом случае становится понятным то обстоятельство, что они для человека «незаметны». Скрытый характер стереотипов для сознания заключается в иллюзии естественности этого регулирующего начала. В том идеальном случае, когда макро- и микропространства матрицирования резонируют, находятся в состоянии гармонии, ментальность не фиксирует никакого движения, что, в сущности, и является счастьем. Рассогласования микро- и макроматрицирования осознаются как диссонанс, порождают эмоции, страдания и протест в отношении собственной жизни или культуры. «Настроенность» человека на конкретную матрицированность культуры является основанием для неприятия и отрицательности реакции на любую другую культуру, поскольку иное матрицирование воспринимается как «неестественное».

В парадигме стереотипического культурологического подхода к обществу меняется и общая антропологическая ориентация. Основное отличие заключается в том, что стандартное определение *Homo sapiens* может быть отнесено только к родовой сущности человека. В то же время эта сущность должна быть дополнена определением *Homo stereotipicus*. Причем для макровоспроизводства определяющей противоположностью будет выступать разумность, а для микровоспроизводства – стереотипичность. В принципе разли-

чение культуры и цивилизации (О. Шпенглер, М. Бахтин) вырастает из этой основы: создание новой формы культуры характеризуется разумом и творчеством, поскольку осмысливаются и матрицируются новые культурные феномены, а воспроизводство культуры основывается на господстве стереотипов и минимизации их ревизии.

Исходя из этих предпосылок, можно заключить, что каждая культура предполагает как определенность матриц, стереотипов, так и конкретность содержания форм институционализации и форм индивидуализации, создания определенного *Homo culturis*. Пространство *Homo culturis* ограничивается двумя противоположностями: подобная разновидность человека не должна представлять собой угрозу для господствующих стереотипов и институционализации и в то же время выступать субъектом культуры, способным на индивидуализированное микровоспроизводство в пространстве той же самой институционализации. Основу конкретной матрицированности индивида представляет пространство социокультурного содержания, ограниченное по оси «консервативность – мобильность», или содержательно-определенная форма «конформизма» (Э. Аронсон). Необходимость в той или иной форме консервации стереотипов, а также способы совмещения противоположных друг другу макро- и микрокультурных пространств (как, например, в России) создают основу для «дозировки» насилия. Чем выше уровень противоречивости при интеграции субпространств в единую культуру, тем больший потенциал насилия востребован в целях ее сохранения и воспроизводства.

Какие же стереотипы характерны для доинформационного общества? В данном случае попытаемся доминантные феномены культуры интерпретировать в парадигме, которую пока условно назовем «культурэкология». В этом случае в соответствии с либеральными ценностями можно основу западной культуры видеть в персонализации социокультурных ресурсов или в институте частной собственности. Отличием позиций будет расширительное понимание частной собственности, которая в экологизме принимает форму пространства, в котором господствует стереотип персонификации в управлении или организации движения социальной энергией. На самом деле, не только движение средств производства или капиталов, но и судьбы мира такие, как управление ядерными и иными средствами массового уничтожения, носят персонифицированный характер. В условиях крайней неравновесности современной геополитической ситуации судьбы мира могут попасть в руки экстремистов-

фанатиков. Причем эта ситуация с необходимостью воспроизводится консервацией локальных стереотипов организации в еще не развитом, но «уже» информатизированном обществе.

Стереотипы локальной организации могут совпадать только с такой культурой, в которой субъектность носит соразмерно локальный характер. Поясним, что имеется в виду. В ситуации локальной организации целое создается или, точнее, возникает, складывается за счет достаточно хаотичного, случайного взаимодействия субсистем. Любая субсистема обладает ресурсами, которые определяют характер ее субъектности или возможности влиять на систему в целом. Субъектность локального пространства не может переходить определенную границу, которая уравнивает взаимодействие субсистем и метасистемы, в противном случае локальность может уничтожить целое. В медицине, например, это называется неизлечимым заболеванием, т. е. таким локальным воздействием на организм, которое делает невозможным его целостное существование. В чистом виде локальная организация не может не подчиняться закону ограниченности субъектности: в системе с локальной организацией невозможна субъектность, соизмеримая по ресурсным возможностям с субъектностью целого. Например, все великие политики стали великими потому, что они перешли границы локальной субъектности и подчинили себе большую часть пространства, чем возможно при локальной организации. В то же время несоответствие подобной субъектности локальной организации препятствует сохранению подобных конфигуративных монстров – они всегда разрушаются.

Персонификация ресурсообмена при локальной организации, таким образом, должна ограничиваться каким-либо способом. В европейской культуре сложился ряд институтов, выполняющих эту необходимую функцию. К ним можно отнести, в первую очередь, конкуренцию и правовое пространство. Конкуренция выступает системообразующей противоположностью персонифицированной свободы формирования субъектности. Соревнование локальных субсистем позволяет не только «выигрывать сильнейшим», но и связывает, ограничивает ресурсные пики сверхсубъектов, возвращает их в пространство локальности. Правовое пространство нейтрализует сверхсубъектность как метасистема, которая устанавливает «правила игры» и, регулируя конкуренцию, усредняет субъектные возможности, восстанавливая равновесие локальной инициативности. Из описанной системы вырастают основные институциональные формы доинформационного обще-

ства: рыночное конкурентное регулирование в пространстве равного права.

В то же время подобная институционализация является агрессивной и бесчеловечной, точнее, негуманной, поскольку основой межсубъектного взаимодействия выступает в общем и целом только ресурсность, которая направлена как на максимизацию результата деятельности, так и на нейтрализацию, десубъективизацию конкурента. Причем максимизация результатов составляет непосредственное единство с десубъективизацией конкурента – это двойной результат одного и того же процесса. «Очеловечивание» персонифицированной локальности в Европе было осуществлено в пространстве христианской религии, которая в качестве метасистемы позволила интегрировать конкурирующие субпространства.

Следует подчеркнуть, что в рамках конкретной культуры стереотипы, которые возникают естественным путем, являются имманентными ей, они ни плохи, ни хороши и изнутри культуры воспринимаются как адекватные в своей сути и, как мы уже говорили, практически не осознаются в качестве матрицирующих воздействий. В то же время сознание одной культуры воспринимает другую культуру исключительно модально и может легко осмыслить чужие матрицирующие паттерны. В этом случае культуры с непроницаемой локальностью могут характеризоваться как неосознающие себя и не способные к диалогу с представителями других культур. Проницаемая локальность облегчает задачу осознания самокультурности и создает основу для культурного взаимодействия.

Культурное самоосознание и способность к сотрудничеству в пространствах с проницаемой локальностью в значительной степени зависят от господствующих стереотипов, программирующих структуру культурных субпространств в рамках целостной системы. По поводу доинформационного общества можно сказать, что оно имеет ярко выраженный европоцентристский характер. Если согласиться с идеей пиратского характера происхождения европейской культуры (М. Петров), то можно заключить, что пиратство и агрессия в отношении метакультурного пространства сохранились на всем протяжении существования западной культуры. Стереотип прогрессивности и права на культурную доминантность не преодолен до сих пор, порождая высокий уровень конфликтогенности геопространства. Пожалуй, паттерн доминантности Запада – это первый стереотип, который нуждается в трансформации при переходе от локальной к глобальной организации.

Потребность в смене идеологических установок и ориентации стереотипов в процессе перехода от локальной к глобальной организации может быть связана с изменением мировоззренческой ориентации глобальной цивилизации с преимущественно материалистической на идеалистическую. Суть проблемы заключается в изменении конфигурации ресурсного пространства. Если понимать человеческую деятельность как целесообразное преобразование ресурсов в продукты или феномены культуры, то ресурсное пространство может быть дефицитным и избыточным в отношении общественной потребности в продуктах культурного потребления. Дефицитная конфигурация ресурсного пространства воспроизводит зависимость общества от ресурсов, ориентирует его установки на распределение готовых продуктов, создает зависимость человека от условий его существования, в первую очередь, от развитости экономики. Данные условия существования превращаются в основу для материалистической идеологии, закрепляясь сциентизированным мировоззрением эпохи становления индустриального общества, в условиях которой осуществляется сакрализация научно-промышленных стереотипов и технологий. Уже Маркс доказал стихийный характер воспроизводства рыночного общества и возможность применения сциентистских технологий к его организации. Ресурсы информационных технологий, используемые при оптимальной организации в глобальном масштабе, позволяют в принципе перейти к сознательной организации культурно-экономической деятельности, тем более, что эта конфигурация технологических стереотипов адекватна информационному пространству. Без оптимизации ресурсообмена в пределах глобального пространства, по идее, добиться социально-политической равновесности планетарной системы не удастся.

Указанные обстоятельства закрепляются еще одним свойством культуры перехода к информационному обществу. Имеется в виду скорость изменения глобального пространства, развитие знания и технологий, а также их отношение к культуре. Стереотипичность ориентации людей в собственном пространстве приводит, зачастую, к непониманию многих новационных феноменов и их влияния на общество в целом. Изменения в культуре подвержены издержкам метода «проб и ошибок». Население Земли страдает от тех или иных усилий политиков и других субъектов общественного управления. История России и других стран мира, в которых был высок уровень культурной инновационности, на протяжении XX в. изобиловала примерами совершенно не-

предсказуемых деструктивных последствий организационных усилий, направленных на всевозможные «построения». Счастья эти усилия не прибавили, но социальный опыт получен богатейший, только никто его толком осмыслить как бы и не собирается. Трудно себе представить, возможно ли серьезно ограничить негативные последствия культурных инноваций, но проблема эта превращается в одну из самых насущных.

В соответствии с логикой данного исследования нормативная подсистема социальности, которая выступает продуктом политической организации, и, одновременно, паттерном, лежащим в основе ее воспроизводства, не может не быть соразмерной культурно-технологической организации. По этой причине в рыночном пространстве востребована демократическая система политической власти, нормативность которой и способ принятия политических решений осуществляется в пространстве распределенной субъектности. В неразвитом рыночном пространстве (в котором не все процессы осуществляются на основе стоимости или равновесной цены) демократические реформы, как правило, стабилизируются в авторитарном режиме, суть которого – искусственная корректировка ценовых пропорций при ограничении незлитной части населения от соответствующих аспектов культурной целостности.

Авторитарно-тоталитарная конфигурация власти позволяет компенсировать недостатки системы в отношении макровоспроизводства, но приводит к различным системным деструкциям, например, деградации рабочей силы и коррупции. Все эти процессы приводят к эскалации насилия и в современном обществе тем или иным образом связаны с неадекватным использованием инноваций. Сочетание системных элементов доиндустриальных и постиндустриальных паттернов в различных системных конфигурациях может приводить как к определенной модернизации, так и к консервации традиционных отношений при использовании инновационных технологий.

В то же время с появлением средств массового поражения, сетевых отношений и других сверхмощных ресурсов массового воздействия на людей, выделенная субъектность вышла за границы закономерностей локальной организации. Развитие инновационности в сетевой форме приво-

дит к возрастанию субъектности отдельных акторов за счет изменения их содержательного потенциала когнитивно-технологического характера при включении пользователей в единую информационно-ментальную систему планеты. Сейчас трудно оценить параметры этого скачка, но можно предположить, что прогрессия изменения содержания будет геометрической. На самом деле, если сетевые акторы смогут работать корпоративно в реальном времени без каких-либо внешних ограничений, результативность подобной интеграции может быть самой фантастической. В то же время результат подобной деятельности может быть как культурным, так и антикультурным. Все указанные обстоятельства позволяют сделать вывод, что бросок инновационности как в когнитивном, так и в субъектном отношении может быть таким мощным, что осуществлять интеграцию новаций при помощи имеющихся технологий человечество не сможет, поскольку осуществление контроля над характером инновационности при помощи ресурсов наличной политической конфигурации становится невозможным. По всей видимости, данный контроль должен осуществляться при помощи всеобщих ресурсов культурного характера, что противоречит принципам вертикальной организации власти. Появляется угроза декультуризации из-за избытка инновационности и невостребованных ресурсов. Потенциальная энергия, которую дефицит культурных ресурсов освоить не позволит, может превратиться в разрушительную силу.

Какие общие выводы можно сделать из приведенных культурных изменений и тех потребностей нового социального пространства, которое становится глобальным в тотальном отношении? В принципиальном отношении следует согласиться с рядом авторов (С. Гроф, Ф. Капра), что мировоззрение современного мира не может не носить интегративного, экологического характера. Во-вторых, политическая конфигурация и содержание правовых норм не могут не быть соразмерными в отношении инновационных культурно-технологических паттернов, что предполагает не только развитие содержательной демократии в форме полиархии (Р. Даль), но и соответствующее преодоление политической организации (Г. Хакен).

УДК 347.471.02

СПЕЦИФИКА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И УСЛОВИЯ ЕГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ

Р. М. Ламзин

В статье происходит анализ возможностей функционирования институтов гражданского общества при их взаимодействии с органами государственной власти. Определены важнейшие условия развития участия общественности в процессе осуществления государственной власти.

Ключевые слова: гражданское общество, государство, социальные интересы, государственная власть, экономическая автономия, взаимодействие, общественные институты, политическая активность.

SPECIFICITY OF THE CIVIL SOCIETY AND CONDITION OF ITS INTERACTION WITH THE GOVERNMENT

R. M. Lamzin

In article there is an analysis of possibilities of functioning of institutes of a civil society at their interaction to public authorities. The major conditions of development of participation of the public in the course of government realization are defined.

Keywords: civil society, state, social interests, government, economic autonomy, interaction, public institutes, political activity.

Для определения условий взаимодействия гражданского общества и государства необходимо установить сущность и специфику институтов гражданского социума. Сущность гражданского общества может быть представлена в виде совокупности различных социальных образований, объединенных общими интересами и целями, которые реализуются вне поля деятельности органов государственной власти. Действуя в самостоятельном режиме, элементы гражданского общества создают благоприятные условия для выявления и претворения в жизнь индивидуальных и общественно-групповых инициатив по отношению к государственным органам власти.

Гражданское общество включает в себя элементы социальной жизни, которые непосредственно не находятся в сфере государственного контроля, но при этом данное общество должно быть неразрывно связано с порядком осуществления государственной власти на основе норм права, что обеспечивает равенство граждан перед законом и закрепляет основные политические и социальные права. В данных условиях существует стабильное и благоустроенное сообщество с достаточно высоким уровнем жизни людей, свободой частной собственности, высоким уровнем производства и потребления. Отдельные граждане и общественные группы имеют определенную автономию по отношению к государству, но в то же время могут тесно взаимодействовать с ним по различным вопросам.

Понятие гражданского общества основывается на ряде основополагающих принципов:

1. Общественная свобода граждан выражается в реализации своих потребностей и действий в соб-

ственных интересах в рамках существующей законности, а также гарантированных законодательством и правом создания добровольных общественных объединений.

2. Гарантия со стороны государства свободы приобретения собственности и распоряжения ею.

3. Создание правового государства, основанного на принципе разделения и взаимодействия властей при наличии механизмов, стабилизирующих отношения между гражданским обществом и государством, и дающих обществу необходимый уровень защищенности от государственного вмешательства.

С появлением представлений о гражданском обществе оно сравнивалось с природой государства. Между гражданским социумом и государственной сферой существует тесная взаимосвязь, от качества которой зависит уровень демократии в государстве и уровень гражданской самостоятельности. В соответствии с этим прогресс гражданского общества определяется в реальной жизни эволюцией самого государства. Государство создает благоприятные условия для беспрепятственной деятельности индивидуальных и коллективных собственников, реализации ими своих прав и свобод [8. С. 48].

Обязанности граждан перед государством состоят, прежде всего, в исполнении и соблюдении существующих законов и политических решений. Формирование гражданского общества связано с выделением особой сферы социальной жизни, относительно самостоятельной от вмешательства со стороны государства.

При этом важнейшее значение имеет активная деятельность общественных объединений,

созданных по инициативе граждан, стремящихся установить взаимосвязи с государственными органами власти. Общественные организации, созданные в результате реализации проектов государственной власти, существуют, как правило, с целью выполнения того или иного заказа власти. После исчезновения такого заказа данные организации перестают существовать.

Одной из проблем в жизни российского общества является низкий уровень признания морально-этических ценностей, на основе которых способно возникнуть сообщество граждан с самостоятельными политическими взглядами. Данные взгляды формируют основу защиты социальных интересов по отношению к деятельности государственной власти, что связано с возникновением противоречивой ситуации в обществе. «С одной стороны, существует общественный запрос населения на гражданские ассоциации как каналы реализации своих интересов, но с другой, – люди не проявляют непосредственной активности как в создании подобных организаций, так и в деятельности уже имеющихся. Гражданские ассоциации все еще остаются сферой активности узкой группы единомышленников» [8. С. 49].

Причинами данного явления выступают:

- Отсутствие уверенности у граждан в то, что деятельность общественных организаций эффективна в рамках коллективной защиты социальных интересов в отношениях с государственными органами власти.

- Низкий уровень развития и слабости информационных коммуникаций между институтами гражданского общества и населением.

Условия возникновения институтов гражданского общества при взаимодействии с государственной властью связаны с наличием умения у граждан пользоваться собственными социальными благами, возникающими и существующие посредством деятельности общественных объединений. Как справедливо замечает М. Р. Деметрадзе, должна иметь место «готовность граждан действовать в соответствии с универсальными принципами личных прав и свобод, исходя из личных социально значимых интересов» [5].

Основами государственной политики современной России являются децентрализация и демократизация власти, что связано с передачей ряда властных полномочий региональным органам власти и органам местного самоуправления с повышением влияния населения на принятие политических решений. Но зачастую этот процесс происходит при отсутствии необходимого финансового и экономического обеспечения. Хотя в соответствии с принципами федерализма уровень

региональной государственной власти и уровень местного самоуправления должны быть обеспечены соответствующими финансовыми ресурсами с возможностью самостоятельно ими распоряжаться.

Одна из главных проблем становления гражданского общества в России состоит в том, что роль государства связывается с функцией обеспечения общественной безопасности, в то время как эта роль должна, в значительной степени, заключаться в развитии гражданских ценностей и создании условий для проявления независимых общественных инициатив.

Необходима экономическая автономия от государственной власти элементов гражданского общества для самостоятельного участия в социально-политических отношениях. При наличии материальной и организационной поддержки со стороны государства деятельность общественных объединений будет координироваться государственными органами, при отсутствии возможностей «выработки навыков самоорганизующихся начал гражданского общества» [8. С. 52].

В связи с этим государству необходимо предоставить возможность гражданским объединениям самим распределять обязанности в своей деятельности, при этом их руководители будут ориентироваться на принятие компромиссных решений для совместной деятельности.

Между общественными организациями необходимо наличие взаимодействий в целях объединения своих усилий по защите интересов граждан перед государственной властью. Совокупность таких взаимодействий способна обеспечить наличие договорных связей между равными по статусу социальными субъектами.

Существует две крайние точки зрения на состав и структуру гражданского общества – широкая и узкая трактовки данного социального явления. В. Чернов, характеризуя эти два подхода, отмечает, что модель гражданского общества в расширенном смысле включает в его состав «всю совокупность индивидов и социальных групп, действующих за пределами реализации функций государства» [9]. А в толковании гражданского общества в узком смысле выделяют лишь тех общественных субъектов, которые связаны с реализацией «высоких демократических стандартов, связанных с внешнеэкономическими интересами и культурой соглашений» [9]. Ограниченность данных трактовок состоит в том, что первый подход связан с трудностями выделения отличительных черт гражданского общества, которые отличали бы его от других негосударственных структур. Второй подход уязвим в том, что гражданское общество во всех случаях понимается как идеальный тип демократической

системы отношений, которых нет и в зрелых демократиях.

Наиболее приемлемой выступает промежуточная позиция, изложенная Х. И. Лаут и В. Маркель. Они полагают, что необходимо учитывать «...специфику развития гражданского общества на разных стадиях развития» [6. С. 370]. В соответствии с этим подходом гражданское общество должно соответствовать трем критериям:

1. «Гражданское общество находится в промежуточной области между частной сферой и государством. Оно состоит из большого числа созданных на добровольной основе плюралистических групп интересов (организаций и движений), а иногда и отдельных граждан, которые автономно организуют и артикулируют свои специфические материальные и духовные интересы.

2. Гражданские организации свободны от непосредственного государственного контроля. Государственные органы не вправе вмешиваться во внутреннюю деятельность гражданских организаций и их публичную активность, если они действуют на основе и в рамках существующего законодательства.

3. Гражданское общество представляет собой плюралистическое средоточие крайне разнородных и нередко конкурирующих субъектов, которых, тем не менее, объединяет хотя бы минимальный нормативный консенсус. Такой консенсус основывается на отказе от использования физического насилия, толерантности, признании прав и интересов других групп, гражданственности, стремлении к справедливости» [7. С. 172].

Главной ценностью в процессе развития гражданского общества является человек как личность со всей его системой потребностей и интересов, соответствующей структурой ценностей. Человек обладает разнообразными интересами, удовлетворение которых является неотъемлемым условием его собственного развития и развития общества в целом. Эти интересы реализуются через общественные отношения и институты, которые и представляют собой структурные элементы гражданского общества.

Составляющими гражданского общества являются различные общественные образования и общественные институты, лежащие за пределами официального государственного аппарата и обеспечивающие условия для реализации частных интересов и потребностей индивидов, коллективов. Институты саморегулирующегося гражданского общества строятся таким образом, чтобы они сдерживали и уравновешивали друг друга, прибегая к использованию государства как правового арбитра. Общественные организации должны действо-

вать на основе инициативы отдельных граждан, их финансовой поддержки либо средств финансовых структур. Государство лишь следит за соблюдением законов, регулирующих эту деятельность.

Прежде чем говорить о процессах взаимодействия государственной власти и институтов гражданского общества, необходимо выделить ряд трудностей формирования этих институтов. В связи с этим можно остановиться на следующих проблемах:

1. Низкая степень включенности общественных элементов в процесс принятия политических решений федеральными и региональными органами власти.

2. Наличие чрезмерного количества административных барьеров и бюрократизация процессов взаимодействия власти и населения.

3. Отсутствие развитого механизма двустороннего информационного обмена в коммуникативном процессе между властью и обществом, отсутствие полноценного партнерства, преобладание монолога государственных властных структур по отношению к обществу.

В поддержку обозначенных проблем выявлены факторы, тормозящие развитие гражданской активности в России и в отдельных субъектах РФ. В качестве этих факторов выделяют:

1. «Противоречия между лично-корпоративными интересами бюрократии и общественными интересами, что приводит к скрытому сопротивлению развитию гражданской активности и гражданского общества, а также к стремлению сделать формирующиеся институты такого общества управляемыми.

2. Государство не может сформировать гражданское общество сверху, а лишь создает условия для активной и творческой самореализации людей» [3. С. 19].

Преодоление обозначенных проблем позволит создать надежную основу для развития плодотворного сотрудничества представителей общественности с региональной государственной властью.

Процессы формирования самостоятельных общественных институтов выступают основой развития институциональной основы гражданского социума, что признается самой властью в рамках повышения роли государства в планомерном развитии общества, но при условии дебюрократизации системы государственного управления.

Значение механизма государственной власти в общественных отношениях особенно проявляется в процессе возникновения полноценных институтов гражданского социума. В этом случае возникает следующий вопрос: в чем состоит роль государства

до и после существования самостоятельных общественных структур в обществе? В период полного господства системы государственной власти и покорности всех участников общественных отношений происходит надежная защита интересов правящей политической элиты с полным утверждением ее высшего статуса. Со стороны государства происходит монополизация порядка принятия политических решений на всех уровнях социально-политической деятельности. В данных условиях незрелость самостоятельных гражданских позиций во многом зависит от неспособности или нежелания брать на себя членами общества ответственность за эффективное исполнение функций общественного самоуправления.

Необходимо преодолеть стереотип, когда в активной деятельности некоммерческих и негосударственных организаций многие чиновники и государственный аппарат в целом рассматривают угрозу для своего неограниченного правления.

Различные варианты взаимодействия существующих элементов гражданского общества и государственной власти зависят, в частности, от двух условий:

1. Степени открытости структур государственной власти в субъектах РФ по отношению к обществу, возможностей осуществления общественного контроля по отношению к деятельности государственного аппарата.

2. Возможности выражать законные политические интересы слоев общества, социальных групп и отдельных граждан.

Указанные социально-политические условия возникают в случае существования свободного выражения обществом своих интересов в различных сферах политических отношений.

Функционирование институтов гражданского общества возможно на основе участия в политических процессах множества центров социальной власти, смысл которых воплощается посредством проявления многообразия общественных инициатив и активной гражданской позиции отдельных лиц и организаций в решении существующих в обществе проблем. Можно согласиться с Т. А. Васильевой в том, что в условиях существующего социально-экономического кризиса «не только сохраняется, но и усиливается роль социального партнерства органов государственной власти и институтов гражданского общества при усилении ряда его функций. Прежде всего, речь идет о более активном участии представителей негосударственных некоммерческих организаций в разработке и принятии антикризисных программ, контроля за их неукоснительной реализацией» [2. С. 12].

Необходима общественная экспертиза законодательных актов, и в том числе принятых в про-

цессе развития законодательства субъектов РФ, что является одним из условий укрепления правовой сферы жизни общества в отдельных регионах. «В настоящее время, – пишет Т. А. Васильева, – идет поиск наиболее эффективных форм такой экспертизы. Представляется целесообразным принятие специального закона о формах и принципах общественной экспертизы. Публичное обсуждение в различных формах, в том числе при участии институтов гражданского общества, должно стать важнейшим каналом воздействия населения страны на разработку антикризисных мер, адекватных решаемым задачам, и их успешную реализацию» [2. С. 12]. С этим утверждением можно согласиться лишь в определении пути развития социума, но в реальной практике взаимодействие государства и социума постоянно создает противоречие, связанное с плюрализмом гражданской сферы и суверенностью государственной власти. Нужна устойчивая взаимосвязь между государственными структурами и гражданским обществом в конструктивном формате, что выступает основой для развития партнерства, «технологии которого сегодня называют «межсекторным взаимодействием». Власть и общество заинтересованы в «превентивных шагах», которые предохранили бы их от бесконечного роста противоречий, заложили каналы действенной обратной связи и завязали реальный диалог государства и развивающегося гражданского общества» [4. С. 5].

Политическая активность тесно связана с экономической самостоятельностью участников общественных отношений, что зависит от гарантий неприкосновенности частной собственности со стороны государства при условии использования этой собственности в законных интересах. В период трансформации государства одним из ключевых процессов становится развитие основ демократии как формы государственно-правового режима. Протекает процесс расширения возможностей различных слоев общества участвовать в деятельности структур политической власти посредством функционирования политических партий и движений. В этот период особо необходимо совершенствование порядка реализации официальных полномочий, относящихся к компетенции представительных органов власти на федеральном, региональном и местном уровнях. Широчайший перечень вопросов общественной жизни должен получить рассмотрение с точки зрения различных социальных позиций благодаря активному выражению многообразия социально-политических позиций.

В условиях проведения реформы местного самоуправления могут возникнуть благоприятные условия для развития форм непосредственного само-

управления как основы самостоятельного решения стоящих проблем на отдельных территориях при минимальном вмешательстве государственных структур. Институты гражданского общества способны автономно решать стоящие перед ними задачи, прежде всего, на уровне местных сообществ и на отдельных территориях, при наличии необходимой поддержки со стороны региональной власти.

Общественная самостоятельность представлена не только широкими возможностями участия в политическом процессе регионального характера, но и защитой прав на собственность, которая выступает основой удовлетворения экономических интересов. Материальная стабильность в жизни отдельных людей предопределяет развитие экономического элемента свободы гражданского общества.

Таким образом, в процессе развития устойчивых институтов гражданского общества происходит активизация общественных инициатив, позволяющих без вмешательства механизма государственной власти решать множество общественных задач. Может быть изменен и усовершенствован характер деятельности органов государственной власти, которые способны превратиться в партнера по отношению к гражданскому социуму. Данное партнерство государства и общества закрепляется и утверждается в форме демократического режима. Демократия определяет открытость государственной власти к проявлению общественных инициатив и деятельности общественных организаций.

Библиографический список

1. Будов, А. И. Институциональная сфера гражданского общества [Текст] / А. И. Будов // Власть. – 2009. – № 7.
2. Васильева, Т. А. Власть и гражданское общество [Текст] / Т. А. Васильева // Власть. – 2009. – № 8.
3. Воробьев, С. М. Гражданское общество и модернизация России [Текст] / С. М. Воробьев // Власть. – 2009. – № 5.
4. Галкина, Е. В. Укрепление вертикали власти и проблемы развития гражданского общества в РФ [Текст] / Е. В. Галкина, Г. В. Косов // Власть. – 2008. – № 9.
5. Деметрадзе, М. Р. Современные подходы правовых оценок институтов гражданского общества [Электронный ресурс] / М. Р. Деметрадзе. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Publication/> (дата обращения: 24.03.2011).
6. Лаут, Х. И. Гражданское общество и трансформация [Текст] / Х. И. Лаут, В. Маркель // Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. В 2 т. – Т. 2. – М., 2003.
7. Нисневич, Ю. А. Концепт правового государства [Текст] / Ю. А. Нисневич // Актуальные вопросы политической науки: сборник статей российских и зарубежных ученых к 50-летию Российского университета дружбы народов. – М., 2010.
8. Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия [Текст]. – М.: Российская ассоциация политической науки; РОССПЭН, 2008. – 357 с.
9. Чернов, В. Современное понимание гражданского общества [Электронный ресурс] / В. Чернов. – Режим доступа: <http://www.belintellectuals.eu/publications/312> (дата обращения: 24.03.2011).

УДК 321.01

ТРАДИЦИЯ ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ В РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОВЕТСКОГО ОПЫТА И СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКИ

С. В. Числов

В статье анализируется современное положение муниципального района в системе государственного управления сквозь призму советского опыта местного управления. Особый акцент делается на закономерности углубления политического пространства государства до уровня муниципальных районов.

Ключевые слова: традиция, местное самоуправление, муниципальный район, представительство, политическое пространство, централизация.

TRADITION OF THE POWER VERTICAL IN RUSSIA: THE COMPARATIVE ANALYSIS OF THE SOVIET EXPERIENCE AND MODERN PRACTICE

S. V. Chislov

In article is analyzed modern position of municipal area in government system through a prism of the Soviet experience of local management. The special accent becomes on law of deepening of political space of the state to level of municipal areas.

Keywords: tradition, local government, municipal area, representation, political space, centralization.

Современный этап реформирования общественной системы России с неизбежностью стимулирует поиск традиционных оснований социаль-

ного переустройства. В своем стремлении к социальной и экономической стабилизации власть российского общества старается опереться на

определенные исторические основы, возведя их в статус «традиционных». В данном ключе говорят о российских традициях парламентаризма, традициях централизма, традициях местного самоуправления и т. д. При этом советский период развития государства и всех общественно-политических институтов определяется как тупиковый, как историческая случайность, как прерывание традиции, восстановившейся в современной России. Говоря о принципиальной, почти антагонистической инаковости советской системы по отношению к современной демократической России, российское политическое руководство делает акцент на коренных трансформациях, произошедших на рубеже 80–90-х гг. XX в. Как заявил в январе 2010 г. Президент РФ Д. А. Медведев на заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России: «Возврат к политической системе периода Советского Союза невозможен» [1].

Вместе с тем «выяснение истинных причин существующей системы власти возможно лишь при адекватном отражении исторической и логической последовательности изменения власти в нашей стране» [2. С. 34], при которой непрерывность форм управления и объективность существующей власти признается методологическим основанием научного анализа. С точки зрения данного подхода советский опыт управления (и местного управления, в частности) необходимо рассматривать как закономерный и объективный этап развития системы властных отношений в нашей стране, который не выпадает за рамки традиций эволюционного развития данной системы. Изучение данного опыта позволит прояснить процессы, происходящие на современном этапе развития российского государства.

Кроме того, крайне важным приемом научного анализа политических процессов является вычленение единой неизменной сущности из многообразия ее проявлений в реальной действительности. «Сущность – это внутреннее содержание предмета, выражающееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия; явление – то или иное обнаружение (выражение) предмета, внешние формы его существования. В мышлении категории сущность и явление выражают переход от многообразия наличных форм предмета к его внутреннему содержанию и единству – к понятию» [3. С. 665].

Политическое представительство интересов населения в самом общем виде можно определить как сложное социально-политическое явление, которое в теории представительной демократии является механизмом формирования и легитимации системы государственного управления

на различных уровнях с позиции реализации социальных интересов и потребностей общества, механизмом рекрутирования политико-управленческой элиты общества. Ее сущность проявляется в наделении определенной части правом представлять интересы целого в сфере политических взаимоотношений.

Функции института политического представительства интересов населения в Советском Союзе исполняли Советы – избираемые населением на определенный срок коллегиальные представительные органы публичной власти. Они представляли собой единую систему представительской вертикали власти – от городских и сельских Советов народных депутатов до Верховного Совета СССР, – пронизывающую все уровни государственного управления. Всего в Советском Союзе было три вертикали власти: партийная (главная), промышленная (отраслевая) и представительская, которые стягивали все уровни управления в единое целое.

В результате распада СССР и демократических реформ конца 80-х – начала 90-х гг. была уничтожена партийная вертикаль и, естественно, все остальные существующие вертикали начали разрушаться. Вместо них образовались локальные общности в пределах субъектов федерации, которые отчасти воспроизвели советскую структуру уже в границах отдельных субъектов. Начался этап децентрализации всей системы управления государством, которая по плану реформаторов должна была дать толчок развитию страны.

Разрушив единую управленческую вертикаль, демократы попытались перейти к качественно иным формам управления, определив три уровня (федеральный, региональный и местный) управления и предоставив им самостоятельность. Однако действительность 90-х гг. со всей полнотой показала несостоятельность данной политики. Данная политика в конечном итоге привела к снижению общей эффективности управления страной, выражающейся в утрате рычагов воздействия на региональные политические процессы и в дезинтеграционных процессах, подставивших страну под угрозу распада.

Глубина и характер угроз, вставших перед государством, заставили политическое руководство вернуться к советскому опыту выстраивания вертикали власти, пронизывающую все уровни управления. В. Я. Гельман сравнил характер трансформационных процессов в России на рубеже веков с колебаниями маятника: «Этот маятник, начав движение в точке полной централизации управления страной и достигнув к моменту экономического кризиса 1998 г. рубежа, за которым маячила угроза исчезновения Центра как значимого

актора, стал стремительно смещаться в направлении «нового централизма», прорвавшись эквилибриум между централизацией и децентрализацией» [4. С. 93].

Таким образом, после политики децентрализации 1990-х гг. руководство страны объявило об укреплении так называемой «вертикали власти», т. е. системы соподчиненности органов различных уровней управления с единым руководящим центром во главе, будь то царь, генеральный секретарь или президент. Данная система взаимоотношений различных уровней власти выражается в усилении административного контроля над деятельностью низовых звеньев управленческой иерархии.

Однако восстановление вертикали власти не означает в полной мере возврат к советской системе управления. Как справедливо отметил А. И. Бардаков: «Вернуться к советской модели вертикали власти, к прежним формам организации управления нет возможности и необходимости. Однако возвращение к вертикали восстанавливает, по сути, основные элементы советских форм управления. При восстановлении вертикали власти необходимо избавиться от представления, что данная вертикаль во всех проявлениях плоха и нерезультативна, даже если это советская вертикаль. Важнейшим моментом выстраивания дееспособной системы власти может стать оптимальное соотношение ее элементов и их эффективное взаимодействие» [1. С. 37]. Здесь-то как раз и проявляется соотношение сущности и явления предмета исследования, где вертикаль власти вообще – это объективная и необходимая часть системы управления, а советская вертикаль власти – одна из форм бытия данной системы.

Заявленное укрепление вертикали власти в современной России разворачивалось как процесс постепенного углубления единого политического пространства. Первым шагом в этом направлении было создание в 2000 г. семи федеральных округов (в настоящий момент их в Российской Федерации восемь) во главе с полномочными представителями Президента РФ, призванными осуществлять надзор за соблюдением в регионах федеральных нормативных актов и координировать деятельность региональных отделений федеральных ведомств. В дальнейшем, в период 2000–2005 гг., были проведены меры как административного (замена выборов главных должностных лиц регионов их назначением, изменение порядка формирования Совета Федерации, централизация бюджетной системы), так и политического (запрет регистрации региональных политических партий, обязательство применения пропорциональной избирательной системы при выборах не менее 50 %

состава региональных законодательных собраний) характера по укреплению вертикали власти и в отношении субъектов федерации. Тем самым оба уровня государственного управления оказались встроены в единую властную вертикаль.

Однако объективная логика развития системы управления предсказывала дальнейшее углубление единого политического пространства до уровня муниципальных районов и городских округов. Это во многом связано с двойственностью статуса данного уровня публичной власти, одной из сторон которого выступает доминирование вопросов государственного значения, что и предполагает встраивание данного уровня в единую управленческую вертикаль. В рамках данной тенденции 20 марта 2011 г. был принят Федеральный закон №38-ФЗ, внесший ряд поправок в федеральные законы №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» и №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», касающихся применения пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов [5]. Данные поправки позволяют встроить в единую политико-властную вертикаль муниципальные районы и городские округа через представительство общефедеральных политических партий в представительных органах этих административно-территориальных образований.

В современной российской действительности имеет место возврат к единой системе политической вертикали власти, которая, конечно, не повторяет в полной мере советский опыт, но позволяет выявить единое объективное основание, а именно – система представительства интересов населения на уровне муниципальных районов есть часть единой политической вертикали, позволяющая унифицировать государственную систему управления. Шаги по восстановлению вертикали власти носят закономерный характер. Поэтому развитие институтов представительства интересов населения на уровне муниципальных районов является обязательным компонентом совершенствования социального управления в России.

Таким образом, место районов в системе публичного управления в советский и российский периоды оказывается схожим, что, однако, является закономерным их развитием, так как на уровне муниципальных районов доминируют вопросы государственного значения, что предполагает встраивание данного уровня в единую управленческую вертикаль. С другой стороны, в Федеральном законе №131-ФЗ муниципальным районам вполне логично и оправданно отведена роль выполнения межпоселенческих функций. Однако

отсутствие традиции самоуправления в местных сообществах городских и сельских поселений искажает межпоселенческие функции, осуществляемые муниципальным районом.

В результате, несмотря на стремления отмежеваться от советского опыта построения местного управления, как от зигзага истории, тем не менее, в ходе подробного рассмотрения выявляются его некоторые общие черты в современном состоянии районного уровня местного самоуправления России. Однако не стоит воспринимать это как «злонамеренную политическую волю» власти. Данная тенденция имеет объективные основания в системе развития и соотношения таких форм организации жизнедеятельности общества, как управление и самоуправление.

Таким образом, современное состояние местного самоуправления в России необходимо рассматривать не только как результат проводимых демократических реформ, но и как результат влияния исторических традиций местного управления. На это справедливо указывает А. А. Джагарян, определяя обусловленность действительности российского местного самоуправления национально-исторической традицией муниципального устройства России, которую он характеризует, как составную часть государственно-правовой традиции российского народа, определяющуюся тесным переплетением и взаимообусловленностью индивидуальной свободы, коллективного взаимодействия и государственной организованности, связанность которых формирует целостное единство. «В контексте русской философской мысли такие отношения могут быть охарактеризованы как соборность, единство во множестве. При различном удельном весе и соотношении сущностных элементов это единство было характерно и для русского «деревен-

ского мира», и для земств, и для системы местных Советов» [б. С. 114]. Не касаясь оценки содержания муниципально-правовой традиции, тем не менее, согласимся с автором в объективности и универсальности традиционных оснований.

Библиографический список и список источников

1. Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. – Режим доступа: <http://президент.рф/выступления/6693>.
2. Бардаков, А. И. Вертикаль власти в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития [Текст] / А. И. Бардаков // *Философия права*. – 2002. – №1.
3. Философский энциклопедический словарь [Текст] / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Советская Энциклопедия, 1983. – 840 с.
4. Гельман, В. Я. Возвращение Левиафана? Политика децентрализации в современной России [Текст] / В. Я. Гельман // *Полис*. – 2006. – №2.
5. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статьи 35 и 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и в Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с применением пропорциональной избирательной системы на выборах депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов: федер. закон [принят 20 марта 2011 г.] // *СЗ РФ*. – 2011. – № 13. – Ст. 1685.
6. Джагарян, А. А. Местное самоуправление в РФ: основы конституционной концепции и тенденции развития в контексте национальной муниципально-правовой традиции [Текст] / А. А. Джагарян // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2008. – № 6.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 614

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РОЛИ МЕДИЦИНСКИХ ДИНАСТИЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ИНСТИТУТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

К. А. Калашникова, М. А. Анипкин, Е. Г. Попова

Кадровый потенциал медицинских учреждений. Роль медицинских династий как канала формирования кадров системы здравоохранения. Профессиональные ориентации студентов-медиков и их включенность в профессию врача.

Ключевые слова: медицинская династия, профессиональная ориентация, эмпирический индикатор, модернизация института здравоохранения.

A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE ROLE OF HEALTH IN THE MODERNIZATION OF CONTEMPORARY DYNASTIES OF THE INSTITUTE OF HEALTH

K. A. Kalashnikov, M. A. Anipkin, E. G. Popova

Staff potential of the medical institutions. The medical dynasties' role in the staff recruitment process in the health care system. The medical students' professional orientation and motivation.

Keywords: medical dynasties, professional orientation, empirical indicator, health care system modernization.

Одним из компонентов, определяющих эффективность деятельности медицинских учреждений, является ее кадровый потенциал. Анализируя результативность функционирования медицинских учреждений, мы оцениваем качество профессиональной деятельности конкретных медицинских работников, которое может выступать в виде индикаторов, выявляющих уровень соответствия социального института здравоохранения общественной потребности в сохранении жизни и здоровья граждан.

Исследовательскую совокупность человеческих ресурсов здравоохранения можно представить в виде двух больших групп – тех, кто только планирует заниматься врачебной деятельностью, т. е. студентов профильных вузов, и уже работающих врачей. В проведенном исследовании медицинскими работниками мы условно называем обучающихся в медицинском университете, так как они являются единственными резервными силами института здравоохранения (в отличие от многих других профессий, кадровый состав которых может пополняться неспециалистами или специалистами других областей знаний) и, по сути, уже являются неотъемлемой частью этой структуры. Понятие «медицинские работники» употребляется здесь в качестве синонима более абстрактного и эконо-

мически окрашенного словосочетания «человеческие ресурсы здравоохранения».

Особенностью трудовых ресурсов медицинской отрасли является устойчивое наличие династий, под которыми понимается совокупность индивидов, занимающихся одной и той же профессиональной деятельностью и объединенных родственными отношениями. Идентификация династий в качестве составного элемента общей структуры института здравоохранения позволяет классифицировать медицинских работников на две группы и выявить профессиональную эффективность каждой из них.

В представленной статье проанализированы результаты анкетного опроса студентов пятого курса лечебного, педиатрического и стоматологического факультетов Волгоградского государственного медицинского университета. В целях поиска доказательной базы для подтверждения гипотезы о значимости медицинских династий в отрасли, определен структурный состав студентов медицинского университета. В качестве индикаторов, выявляющих степень их готовности к профессии, рассматривались два признака: уровень профессиональной мотивации и объективный показатель их учебной деятельности – средний балл в зачетной книжке.

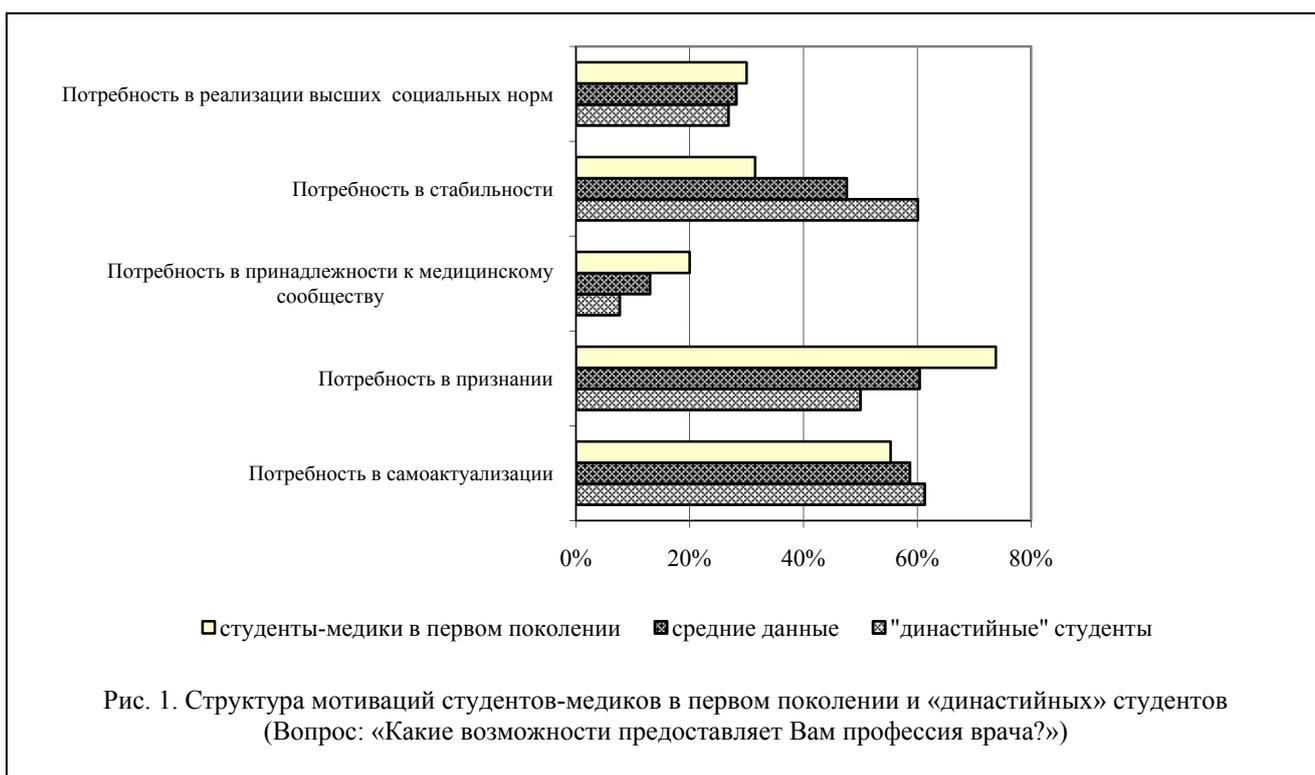
Согласно данным анкетного опроса (сплошная выборка), 71,8 % студентов медицинского университета – представительницы женского пола, 28,2 % – мужского. Из них соответственно 57,4 % и 53,6 % указали на генетическую или родственную связь с медицинскими работниками. Выявленная структурная дифференциация представляется специфичной и позволяет утверждать, что медицинские династии, составляя более половины общего числа студентов ВолГМУ, играют важную роль в функционировании системы оказания медицинской помощи населению.

Объективный показатель оценки учебной деятельности, представленный в виде среднего балла в зачетной книжке, характеризует результативность процесса обучения. Общий средний балл студентов медицинского вуза довольно высок. В ответах 41,2 % респондентов отмечена «пятерка», 52,3 % – «четверка» и только 6,4 % учащихся признались, что основной оценкой в их зачетной книжке является «тройка». При этом успеваемость незначительно зависит от принадлежности к медицинской династии. Так, «пятерку» как свой средний балл успеваемости указали только 34,5 % студентов, продолжающих дело своих родных, и 50 % студентов-медиков в первом поколении. Зато хорошистов значительно больше в первой группе – 61,3 % против 40,7 %. Это практически уравнивает процентное соотношение студентов, обучающихся на «пять» и «четыре». Троечники распределены следующим образом: 4,1 % относятся к потомственным медикам и 9,2 % – к медикам в первом поколении. Таким образом, большинство дина-

стийных студентов обучаются на «четверки», среди них практически нет троечников, но и несколько меньше отличников. Иное распределение оценок у студентов-медиков в первом поколении. У них каждый второй – отличник, однако, и больше тех, кто едва справляется с требованиями образовательной программы.

Уровень профессиональной мотивации, как предпосылка для успешной и эффективной работы на медицинском поприще, оценивался нами с помощью позитивной теории человеческой мотивации А. Маслоу. Использование четкой иерархии базовых потребностей человека позволило выявить существенные различия в мотивационной структуре «династийных» и «нединастийных» студентов.

Отвечая на вопрос о том, какие возможности предоставляет им профессия врача, большинство студентов, относящихся к медицинским династиям (61,3 %), ответило, что это путь к самореализации. Существенным является и желание этой группы респондентов устроиться на работу в медицинские учреждения и организации, со стабильной и прозрачной структурой, обеспечивающие своим работникам выполнение социальных гарантий (60,1 %), а также желание добиться одобрения и признания общества (50 %). Последняя возможность для «нединастийных» респондентов выступает в качестве основной (73,8 %). Для этой группы студентов также важны самореализация заложенных потенций (55,3 %) и нацеленность на получение приемлемого и стабильного заработка (33 %) (рис. 1).

Таким образом, можно сделать вывод, что представления о медицинской профессии «династийных» и «нединастийных» студентов существенно отличаются. Для первой группы респондентов это, в первую очередь, средство самореализации, а для второй группы – путь к получению общественного признания. Стоит отметить, что одобрение социума значимо и для «династийных» студентов, но в меньшей степени. Своеобразная рокировка указанных потребностей может быть интерпретирована как ориентация «династийных» студентов-медиков на себя, их уверенность в том, что они предназначены именно для этой профессии и имеют заведомо большой потенциал для реализации своих возможностей. Для «нединастийных» студентов важнее удовлетворить потребность в оценке и уважении со стороны других, что, по А. Маслоу, придаст им чувство собственной значимости и убедит в том, что они «полезны и необходимы в этом мире» [1]. Уверенность в том, что они уже обладают необходимым профессиональным потенциалом значительно ниже и поэтому требует поддержки извне.

Стремление «династийных» студентов устроиться в стабильно работающую медицинскую организацию можно охарактеризовать как потребность в безопасности, а желание «нединастийных» студентов в получении приемлемого заработка – не столько потребность в удовлетворении физиологических нужд, сколько путь к достижению уже отмеченной нами безопасности. Однако, если студенты-медики в первом поколении связывают стабильность своей жизни в первую очередь с материальным достатком, то для «династийных» студентов-медиков это понятие значительно шире и включает в себя наличие социальных гарантий, трудоустройство в высокопрофессиональном и хорошо оснащенном учреждении или организации, работу в комфортных условиях, стремление к сохранению привычного образа жизни и т. д., что говорит о большей требовательности этой группы респондентов к организации своей трудовой деятельности.

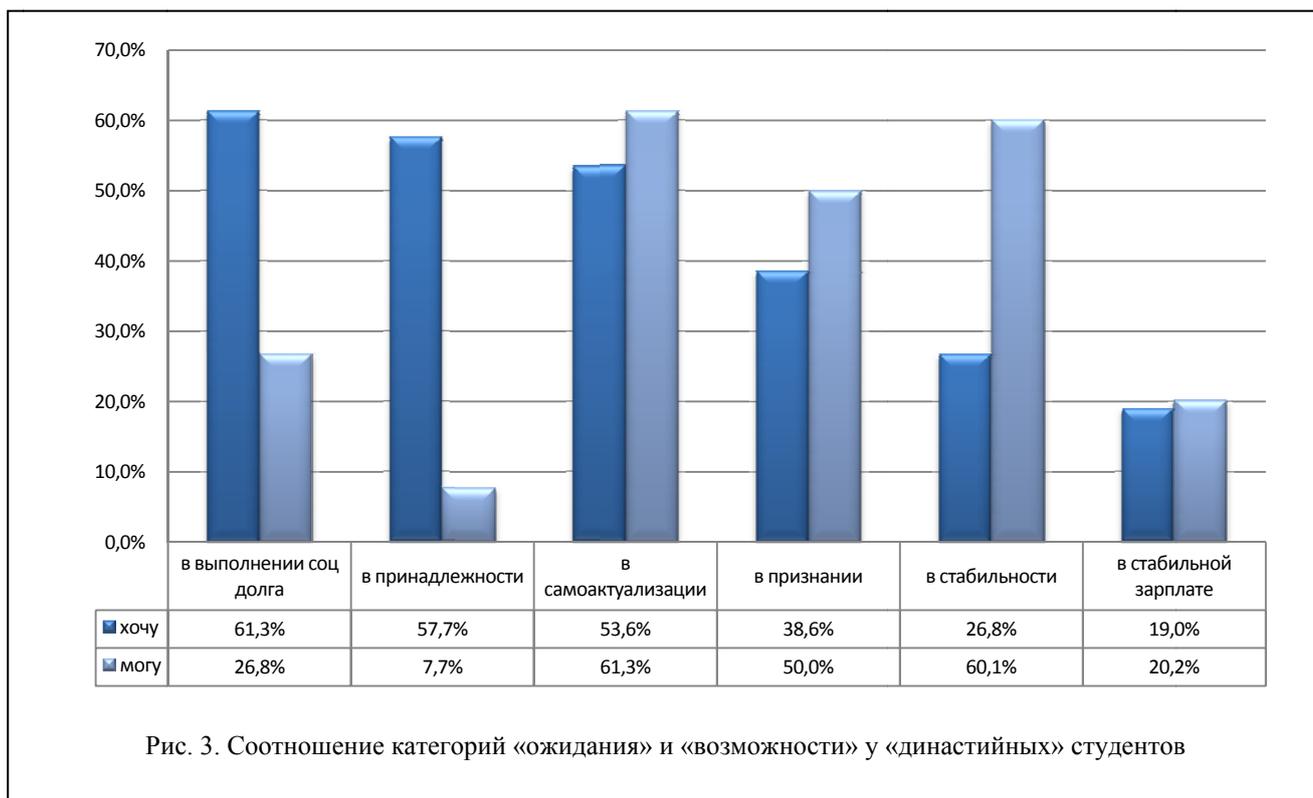
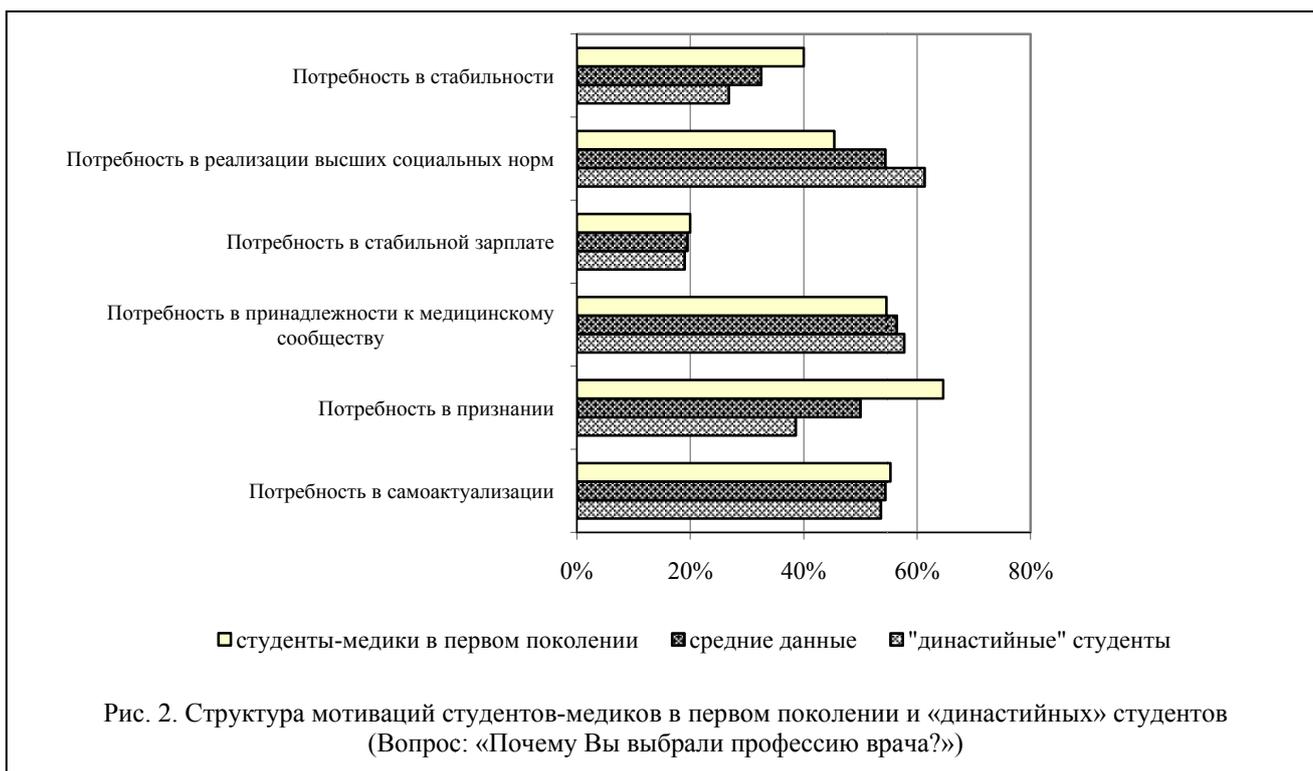
Второй вопрос о профессиональной мотивации студентов медицинского вуза был сформулирован следующим образом: «Почему вы выбрали профессию врача?». Варианты ответов были сопоставимыми с вариантами ответов на вопрос о возможностях, которые открывает медицинская профессия для респондентов. Оказалось, что для «династийных» студентов основной является потребность в помощи другим людям (61,3 %). При этом лишь 26,8 % опрошенных из этой группы проассоциировало профессию врача со своим со-

циальным долгом. Стремление работать среди высокообразованных и квалифицированных специалистов выявлено у 57,7 % респондентов, но в то же время на желание принадлежать к сообществу врачей указало всего 7,7 %. Стабильно высокой оказалась потребность «династийных» студентов в реализации заложенного в них потенциала (53,6 %).

Устойчивым является желание «нединастийных» студентов завоевать в своей профессии авторитет. Потребность в признании общества отметило 64,6 % респондентов. Высоким является и стремление студентов-медиков в первом поколении принадлежать к группе высокообразованных и квалифицированных специалистов (54,6 %), тогда как только 20 % из них указало на ценность подобной возможности в вопросе о том, какие пути открывает для них профессиональная деятельность. Что касается реализации своего потенциала, то здесь ответы респондентов с математической точностью подтверждают друг друга, указывая на важность мотива самоактуализации (55,3 % студентов отметило этот вариант при ответе на первый вопрос и 55,3 % при ответе на второй) (рис. 2).

Обобщая данные проведенного социологического исследования, можно сделать вывод, что мотивация «династийных» студентов более устойчива, так как основана на стремлении к удовлетворению высших профессиональных потребностей, среди которых особенно выделяются: желание раскрыть свой творческий потенциал и стремление к реализации высших социальных норм. Общие для этой группы респондентов, указанные потребности выступают в качестве основных детерминант их поведения, а также определяют их «философию будущего, философию ценностей» [1].

Трактовка вопросов о мотивации студентов-медиков в плоскости «стремления – возможность реализации» позволяет выявить связь или ее отсутствие в цепочке «хочу – могу». То, почему респонденты выбрали профессию врача, свидетельствует об их стремлениях. Вопрос же о путях, которые медицинская профессия открывает перед ними, связан с тем, как сами студенты оценивают возможность реализации своих ожиданий. Анализ ответов респондентов в этой плоскости дает возможность взглянуть на мотивационную структуру студентов-медиков с другой стороны. Система потребностей в этом разрезе находится в состоянии дисбаланса как у «династийных» студентов, так и у студентов-медиков в первом поколении, что отражено на рис. 3 и 4.

Наибольший дисбаланс мотивационной системе «династийных» студентов-медиков придает несоответствие стремлений возможностям по двум основным показателям: потребность в принадлежности к сообществу врачей и потребность в реализации высших социальным норм. В отве-

тах этой группы респондентов зафиксировано устойчивое желание выполнять свой социальный долг, понимаемый как бескорыстная помощь и поддержка людей в трудных жизненных ситуациях, и осознание ими низкой вероятности реализации этого желания посредством своей профес-

сии. 61,3 % «династийных» студентов хотят выполнить свой социальный долг, но только 26,8 % все еще надеются реализовать его через профессию врача.

Желание принадлежать к медицинскому сообществу, выявленное у 57,7 % респондентов, также сопровождается низким показателем вероятности его реализации. Только 7,7 % представи-

телей медицинских династий видит в своей будущей профессии возможность удовлетворения потребности в принадлежности. Наибольшее сближение осей, отражающих ожидания и возможность реализации этого ожидания, наблюдается по параметрам: потребность в стабильной зарплате и получении признания, а также потребность в самоактуализации.

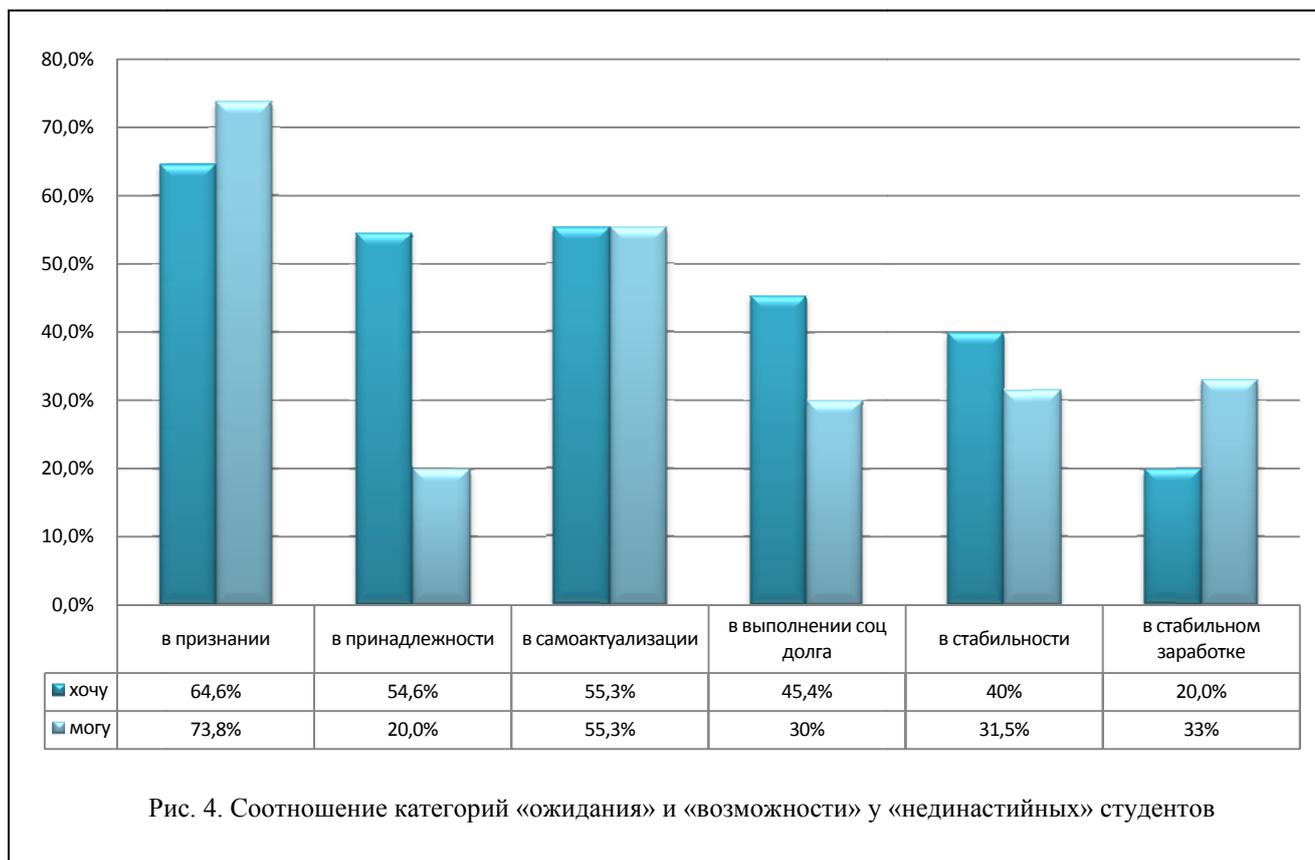

Рис. 4. Соотношение категорий «ожидания» и «возможности» у «нединастийных» студентов

У «нединастийных» студентов медицинского вуза отрицательный дисбаланс системе «хочу–могу» придают три показателя. К уже отмеченным нами потребностям в принадлежности и реализации высшего социального долга у студентов-медиков в первом поколении добавляется потребность в безопасности. Желание достичь посредством своей профессии искомой стабильности выразило 40 % респондентов, но только 31,5 % отметило возможность ее достижения. Однако в целом у данной группы опрошенных проявляются более оптимистичные, нежели у «династийных» студентов, настроения. Разрыв в системе «хочу–могу» по всем показателям является менее глубоким, чем у их сокурсников, имеющих медиков среди своих родственников (по потребности в реализации высших социальных норм этот разрыв составляет 15,4 % у «нединастийных» и 34,5 % у «династийных» студентов, по потребности в при-

надлежности к медицинскому сообществу – 34,6 % и 50 % соответственно).

Соотношение других потребностей респондентов в плоскости «стремления – возможность реализации» указывает на преобладающие в кругу будущих медицинских работников жизнеутверждающие настроения. Они абсолютно уверены в полном удовлетворении своей потребности в самоактуализации. Среди «династийных» студентов этот процент особенно высок – у 53,6 % респондентов зафиксировано желание реализоваться в своей профессии, в то время как о возможности достижения этого высказалось еще большее количество опрошенных – 61,3 %. Подобное процентное соотношение демонстрирует абсолютную уверенность этой группы респондентов в своих силах и знаниях, но в то же время их уверенность в помощи и поддержке со стороны своих родственников. У «нединастийных» студентов по данным показателям наблюдается полное равновесие (55,3 % против 55,3 %).

У студентов медицинского вуза нет сомнений и в том, что они получают признание и одобрение общества. По этому показателю разрыв между стремлением и возможностью реализации в пользу последнего фактора достаточно высок и у «династийных» студентов (11,4 %), и у студентов-медиков в первом поколении (9,2 %). Не сомневаются будущие медработники в том, что смогут получать стабильную зарплату. Среди студентов-медиков, продолжающих дело своих родных, о потребности в стабильной материальной компенсации за свой труд высказалось 19 % опрошенных, среди их сокурсников из немедицинских семей – 20 %, а вот возможность ее получения отметило 20,2 % и 33 % респондентов соответственно. Таким образом, по этим показателям нами зафиксировано значительное превышение оценки своих возможностей над желаниями, осознание преобладания «могу» над «хочу».

Анализ мотивационной системы студентов медицинского вуза с точки зрения соответствия стремлений возможностям идентифицирует проблемные зоны института здравоохранения. Симптоматично, что только 28,2 % студентов-медиков считают, что профессия врача поможет им реализовать свою потребность в выполнении высших социальных норм, хотя в выборе медицинской профессии более половины всех респондентов (54,4 %) руководствовались именно желанием помогать людям. Абсурдность ситуации, когда сами врачи теряют веру в то, что в своей профессиональной деятельности смогут придерживаться высших социальных норм и ценностей, свидетельствует о кризисе в отрасли здравоохранения. Факт же того, что именно у «династийных» студентов-медиков наблюдается наибольший разрыв между стремлением реализовать свой социальный долг и осознанием низкой возможности его достижения, говорит не столько об их пессимистичности или разочаровании в медицинской профессии, сколько о высоких требованиях к себе, основанных на нормах и ценностях, которые им передали бабушки и дедушки, мамы и папы. Среди этих ценностей можно назвать бескорыстность и добросовестность, сформировавшиеся в рамках идеологии солидарности – базиса советской системы здравоохранения. Компетентность, информированность, бескорыстность и доброжелательность были основными компонентами личности доктора, чей статус, несмотря на низкую заработанную плату, оценивался достаточно высоко.

Современный институт здравоохранения ценностно дезориентирован. Глубокие социальные изменения, связанные с переходом к рыночной

экономике и превалированием отношений «купли–продажи», требуют пересмотра принципов взаимоотношений медицинских работников и их пациентов. Изменилось самосознание врачей, предоставляющих медицинскую помощь как услугу – теперь они воспринимают себя не как демиургов, научно творящих чудеса, а как продавцов жизненно важного знания. В подобных условиях врач может злоупотребить своим положением и по незнанию и некомпетентности пациента (а ныне покупателя услуг) «продать» ему некачественную услугу или навязать ненужный товар. «Рычагом», препятствующим подобному положению дел, являются издаваемые профильным министерством приказы, так и устойчивые нормы и ценности, передаваемые медицинскими работниками из поколения в поколение. Переоценка культурных основ невозможна без сохранения того лучшего, что было достигнуто за более чем вековой опыт советского и российского здравоохранения. Только на почве активного использования традиции возможен инновационный прорыв. Видя проблемы системы здравоохранения изнутри, студенты, представляющие медицинские династии, скептически относятся к возможности полной реализации своего социального долга.

Симптоматичным является и оценка уже работающими медиками возможности получения пациентами бесплатной помощи. В 2009–2010 гг. в муниципальных учреждениях здравоохранения Волгограда только 14,6 % врачей стационаров и 36,5 % работников поликлиник считали, что в их лечебном учреждении пациент располагает возможностями получения бесплатных медицинских услуг в полном объеме в соответствии с федеральными стандартами оказания медицинской помощи, что свидетельствует о «санкционированном замещении бесплатных медицинских услуг платными», приводит к возникновению конфликтов в лечебно-профилактических учреждениях и «имеет прямым следствием существенное неравенство в доступности медицинской помощи» [2].

Фиксируемые самими медиками многочисленные препятствия, с которыми сталкивается пациент, реализующий свое право на получение бесплатной медицинской помощи: недофинансирование отрасли, являющееся причиной недостаточной оснащенности лечебных учреждений современной аппаратурой; использование малоэффективных, устаревших лекарственных средств; отсутствие возможностей для использования новейших медицинских технологий; недостаточность информационного обмена, а также состоя-

ние аномии (ценностной и социальной дезориентации), в которой находится современный институт здравоохранения, являются основными помехами в осознании медицинскими работниками своей трудовой деятельности как возможности реализации высших социальных норм [3. С. 27–50].

Разочарование, связанное с трудностями вхождения в коллектив медицинских сотрудников, отсутствие уверенности в получении их поддержки, выявлено нами как среди студентов-медиков в первом поколении, так и среди их «династийных» сокурсников (20 % и 7,7 % соответственно). Причина этому – нарастающий индивидуализм, замена непосредственного общения опосредованным и увеличение количества социальных связей за счет их качества. На уровне системы здравоохранения это проявляется, в частности, в упразднении института наставничества, в основе которого лежала поддержка молодых врачей более опытными коллегами. Вчерашним студентам медицинского вуза приходится самим (без возможности получения совета коллеги) принимать решения, к которым они не всегда готовы в связи с отсутствием профессионального опыта.

Другим фактором, способствующим разобщенности медицинского коллектива, стало изменение системы оплаты труда врачей и медсестер, в результате чего резко обострилась нездоровая конкуренция в медицинской среде. Зарплата врачей и медсестер стала напрямую зависеть от количества принятых (заметим, не вылеченных) больных. Имевший целью улучшение финансирования системы здравоохранения и повышение качества оказания медицинских услуг, данный порядок стал причиной конфликтов, в основе которых лежит борьба за пациента всеми доступными (часто находящимися вне моральных и этических норм) методами (в частности, распространение слухов о некомпетентности коллег, необоснованное назначение различных медобследований и т. п.). Складывающаяся в лечебных учреждениях конфликтная атмосфера не может быть не замечена студентами медицинского вуза, практические занятия которых проходят не только в закрытых аудиториях, но и в отделениях больниц и поликлиник, а также обсуждается в семьях «династийных» студентов.

Неравномерное финансирование различных групп медработников разобщает трудовой коллектив. Так, по данным опроса сотрудников муниципальных учреждений здравоохранения Волгограда, проведенного нами в рамках исследования в 2009 г., всего 7,5 % организаторов здравоохранения и 4,2 % и 2,2 % «узких» специа-

листов хирургического и терапевтического профиля (соответственно) отметили важность повышения зарплаты врачам – участковым терапевтам и их медсестрам, которое было осуществлено в рамках Приоритетного национального проекта «Здоровье». Среди участковых терапевтов этот процент значительно выше – 74,1 %. Таким образом, обострившиеся конфликты, в основе которых лежит экономический фактор, расшатывают единство медицинского сообщества, что подтверждают результаты анкетирования студентов медицинского вуза, выражающих слабую уверенность в том, что их примет это сообщество.

Несоответствие потребности как желания и потребности с точки зрения ее возможного удовлетворения (субъективно оцениваемого респондентами) свидетельствует о дезориентации студентов-медиков в своем профессиональном пространстве. Уже на этапе учебы они осознают, что в полной мере реализовать свои ожидания через профессию врача не смогут. С одной стороны, указанный дисбаланс представляется опасным и может привести к ослаблению мотивационной структуры и снижению уровня адаптации. С другой стороны, именно четкое осознание конкретных возможностей реализации своих потребностей является необходимым базисом, на котором может быть построена профессиональная карьера. Представляется важным осознание будущими медиками тех возможностей, которые на данный момент открывает перед ними профессиональная деятельность в условиях объективной реальности.

Таким образом, с точки зрения объективного показателя оценки учебной деятельности студентов медицинского вуза, их дифференциация на «династийных» и «нединастийных» представляется несущественной. Наличие или отсутствие связи с медицинскими работниками не влияет на уровень их интеллектуальных способностей. Однако именно эта связь в значительной степени детерминирует профессиональную мотивацию студентов-медиков и способствует формированию мировоззрения, учитывающего традиции и в то же время адекватного реалиям современной системы здравоохранения. Интериоризация ценностей и норм профессионального поведения с детства предопределяет их жизненную философию.

Важность взаимосвязи и взаимовлияния членов общества подчеркивал Э. Дюркгейм. Выдвигая в качестве условия развития общества преемственность, классик социологии отмечал, что «цивилизация возможна только в том случае, если результаты, достигнутые одним поколением, пе-

редаются следующему поколению, так чтобы они могли приобрести к тем результатам, которых достигло предыдущее» [4. С. 12]. В эпоху, когда знание становится не только силой, но и капиталом, оно приобретает свойственные ему атрибуты. Накопленным опытом, умениями и концептуальными построениями и схемами делятся, как и капиталом, далеко не со всеми. Понятия «развитие» и «прогресс» все больше связываются с карьерным ростом и приобретают не социальное, а индивидуальное значение. Династичность поможет не только восстановить межличностную взаимосвязь, «чтобы следующие друг за другом поколения, по мере того как они достигают зрелого возраста, не отделялись друг от друга, а оставались в тесном контакте, т. е. ассоциировались постоянным образом» [1], но и обеспечит уско-

ренное формирование профессиональных навыков и умений, верность профессии даже в эпоху социальных перемен.

Библиографический список

1. Маслоу, А. Мотивация и личность [Текст] / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2006. – 352 с.
2. Попова, Е. Г. Конфликты в лечебно-профилактических учреждениях: причины, условия и социальные последствия [Текст]: дис. ... канд. мед. наук / Попова Е. Г. – Волгоград, 2005. – 136 с.
3. Шишкин, С. В. Стратегии трансформации государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи [Текст] / С. В. Шишкин // *Sperо*. – 2007. – №7.
4. Дюркгейм, Э. Социология и социальные науки [Текст] / Э. Дюркгейм // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. – М.: Книжный дом «Университет», 2002.

УДК 378.124

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ КАК ОСНОВА
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА**

Т. В. Овсянникова

В статье рассматривается проблема снижения уровня профессионального самообразования преподавателей высших учебных заведений, раскрываются основные причины, влияющие на этот процесс. Использован материал опроса преподавателей вузов Волгограда.

Ключевые слова: профессиональные знания, преподаватель вуза, профессиональное чтение, компетентность.

**PROFESSIONAL READING AS A BASIS OF A PROFESSIONAL KNOWLEDGE
OF THE TEACHER OF HIGH SCHOOL**

T. V. Ovsyannikova

In article is considered a problem of decrease in level of professional self-education of teachers of higher educational institutions, the principal causes influencing this process reveal. The material of interrogation of teachers of high schools of Volgograd is used.

Keywords: a professional knowledge, teacher of high school, professional reading, competence.

Преподаватель современной высшей школы должен обладать высоким уровнем профессиональной деятельности, способностью решать поставленные задачи, а также успешно совершенствовать и пополнять профессиональные знания. Показателем качества образования является, прежде всего, компетентность преподавателя, в основе которой лежат прочные специальные знания, которые сочетаются с комплексом умений и навыков, опытом и стремлением к самосовершенствованию. Стоит отметить, что профессиональная компетентность педагога – это способность педагога к осуществлению своей профессиональной деятельности [1].

Значимым критерием для оценки квалификации преподавателей является их умение сочетать

в методике преподавания теоретические знания и практические навыки. Высококвалифицированные преподаватели обладают компетентностью не только в своей отрасли, но и в области общекультурной компетенции личности, которая обеспечивает взаимодействие знаний из разных предметных областей, создает целостный аспект знаний самого преподавателя.

Качество преподавательской деятельности в вузе зависит от следующих факторов: статуса вуза как учебного и научного центра и его готовности к саморазвитию в этом направлении, сплоченности педагогического коллектива на основе современных концепций образования, владения преподавательским составом новыми вузовскими технологиями, уровня профессионализма и культуры преподавателей.

Наиболее действенным путем реализации тенденции к самообразованию и повышению профессионального мастерства является чтение профессиональной литературы, повышение квалификации, участие в научной жизни вуза, умение ориентироваться в существующем потоке информации.

Профессиональное самообразовательное чтение сопровождается высокой активностью со стороны специалистов как в поиске материалов для чтения, которое осуществляется в соответствии с целями и мотивами профессиональной деятельности, так и по собственной инициативе, с учетом информативной значимости каждого документа, т. е. побудителями, создаваемыми условиями профессиональной деятельности. Специалист, решающий конкретные профессиональные задачи, испытывает необходимость в конкретной информации, способной удовлетворить и восполнить информационный дефицит.

Важное значение в этом процессе играет самообразование преподавателя, постоянное повышение его профессионального мастерства. Преподаватель имеет несколько путей повышения своей квалификации. Во-первых, он может, оставаясь на одном и том же формальном базовом уровне, совершенствовать свою профессиональную квалификацию через регулярное прохождение курсов повышения квалификации. Сюда относится участие в научной жизни вуза (научных конференциях, семинарах), совершенствование и пополнение новыми знаниями в своей деятельности. Во-вторых, преподаватель может последовательно подниматься по ступеням и уровням профессионального образования: аспирантура, докторантура, должностной рост. В-третьих, имеет возможность смены специальности, продиктованной как собственными потребностями, так потребностями вуза, расширение специализации.

Таким образом, уровень компетентности преподавателя определяется базовым образованием, последующим самообразованием, наличием ученой степени и звания; стажем педагогической работы; опытом практической работы в конкретной области.

Однако можно отметить, что сегодня диплом вуза или научная степень – еще не гарантия того, что преподаватель является действительно профессионалом своего дела, владеющим современной информацией по преподаваемой дисциплине.

Наша задача состояла в том, чтобы выявить основные источники, влияющие на формирование системы профессиональных знаний преподавателей. В частности, проследив, насколько это возможно, зависимость профессионального чтения от занимаемой должности, стажа работы, сложившейся современной ситуации в сфере образования. С этой целью нами было проведено пилотажное исследование в форме опроса (анкетирование и интервьюирование) 52 преподавателей 6 вузов Волгограда (ВГПУ, ВГИИК, ВолГУ, ВолгГТУ, ВИЭСП, ВолГМУ). Это были университеты и институты разных уровней и направлений: государственные и коммерческие, федеральные и муниципальные, технические и гуманитарные. Анализ результатов исследования показал, что профиль вуза не оказывает решающего влияния на выбор источников получения профессиональных знаний.

Важным фактором, влияющим на отношение людей к собственному профессиональному росту, является стаж работы. Так, трудовой стаж 65 % опрошенных составляет 15–20 лет; у 35 % работающих преподавателей – от 5 до 10 лет. Все опрошенные респонденты имеют ученую степень кандидата или доктора наук, должности доцента и профессора (табл. 1).

Таблица 1

Контингент преподавателей (в %) по занимаемой должности и званию

Научная степень, научное звание	Занимаемая должность	Количество опрошенных (в %)
Кандидат наук	Доцент	21 (40,4 %)
Кандидат наук, доцент	Доцент	16 (30,8 %)
Кандидат наук, доцент	Профессор	6 (11,5 %)
Доктор наук, профессор	Профессор	9 (17,3 %)

Анкета включала десять основных вопросов, связанных с профессиональным чтением и касающихся социально-демографических характеристик опрашиваемых. Вопросы 1–3 были направлены на определение круга профессионального

чтения преподавателей (периодические издания, научные монографии, научно-методические пособия и др.). Также ставилась задача выяснить, способствовало ли, по мнению того или иного респондента, чтение конкретных публикаций его

профессиональному росту. Вопрос 4 касался частоты обращения к перечисленным изданиям. Вопрос 5 должен был выявить те отрасли знания, которые преподавателю приходится изучать в своей работе. Вопросы 6–8 – об источниках получения профессиональной литературы, количестве времени, затрачиваемом на чтение в неделю, и месте чтения в структуре рабочего и свободного времени. Ответы на вопрос 9–10 позволяли оценить отношение к различным формам повышения квалификации, существующим в современных вузах и инновационным изменениям в системе высшей школы.

В ходе анкетирования ставились следующие задачи: выявить наиболее читаемые профессиональные издания, составить их рейтинг; установить соответствие этих изданий и публикаций профессиональным ожиданиям респондентов; выявить связь между профессиональным статусом респондента, кругом его чтения по специальности и ожиданиями; определить наиболее предпочтительные формы повышения квалификации и те негативные факторы, которые препятствуют своевременному получению информации.

Какова же картина профессионального чтения преподавателей, их предпочтений и отношения к повышению своей квалификации?

Понятие «чтение» представляет вид коммуникативной деятельности, в процессе которой субъект извлекает из печатного или рукописного текста зафиксированные в нем сообщения.

Под профессиональным чтением мы будем понимать изучение научной и методической литературы (монографических, периодических и продолжающихся изданий, научных сборников), связанной непосредственно с определенной сферой деятельности преподавателя вуза и требующей целенаправленности в чтении и тщательной проработки текста. Соответственно чем выше уровень подготовки специалиста и чем больше он знаком с тематикой изучаемой литературы, тем быстрее создается своеобразная установка на восприятие новой информации.

Абсолютно все опрошенные утвердительно ответили на вопрос о чтении ими профессиональной литературы. Среди наиболее читаемых респонденты назвали ведущие центральные журналы по своей специальности и реферативные журналы. Это такие издания как: «Социологические исследования», «Психология», «Педагогика», «Вопросы философии», «Общественные науки и современность», «Высшее образование в России», «Социально-гуманитарные знания», «Клиническая медицина», «Российский медицинский журнал», «Терапевтический архив» и др.

Так, 48 % преподавателей в качестве своего профессионального чтения указали на журналы

по смежным отраслям знаний: по педагогике, психологии, искусству, литературоведению и др.

Потребность в профессиональном самосовершенствовании проявилась у большинства преподавателей вузов (65 %). Это, на наш взгляд, связано с подготовкой к учебным занятиям (лекциям, практическим и семинарским занятиям); 35 % опрошенных преподавателей связывают свое профессиональное чтение с желанием дополнить уже имеющиеся знания и быть информированными о последних научных взглядах и концепциях. Такие ответы характерны для преподавателей со стажем от десяти и более лет.

Анализ собранного материала позволил выявить определенную взаимосвязь между уровнем образования, стажем работы, занимаемой должностью, объемом и качеством чтения специальных периодических изданий. Под качеством профессионального чтения преподавателей мы понимаем степень усвоения и использования прочитанного ими материала в своей педагогической деятельности.

Таким образом, была выявлена следующая закономерность: чем выше показатели стажа, должности, тем значительно шире и разнообразнее круг изучаемых проблем, более целенаправленно ведется поиск необходимых изданий (книг, журналов, электронных изданий). Данные о влиянии читаемых материалов на профессиональный рост аналогичны картине чтения периодических изданий.

Один из вопросов анкеты был направлен на выяснение частоты обращения специалистов к печатным изданиям. Ответ «обращаюсь постоянно» характерен для 85 % респондентов, вариант «по мере необходимости» – для 15 % и никто не отметил позицию «редко».

Источники были ранжированы следующим образом: наиболее высокая степень обращения – к периодике, на втором месте – к методическим пособиям, на третьем – к монографиям.

Следующий вопрос был: «Из каких источников Вы получаете необходимую научную и методическую литературу?». Отвечая на этот вопрос, большинство респондентов (72 %) отметили, что всю необходимую для самообразования и профессионального роста литературу они находят в вузовской библиотеке. Однако при этом многие из них указали на недостаточность комплектования фондов своих библиотек новыми изданиями, несвоевременность их поступления, сокращение подписки на журналы, отсутствие новых монографий. Также были названы такие причины, как высокая стоимость книг, отсутствие их в книжных магазинах.

Таким образом, основным источником получения профессиональных изданий для большин-

ства специалистов остаются фонды вузовских библиотек. На вопрос интервью: «Какие еще библиотеки города посещают преподаватели?» 34 % респондента назвали Областную универсальную научную библиотеку им. Горького.

Нас интересовало использование преподавателями интернет-ресурсов. Так, сегодня постоянными пользователями Интернета являются 96 % опрошенных. Интернет позволяет провести оперативный поиск информации, обладает быстротой доступа, в нем представлены научные и образовательные ресурсы и специальные порталы. Все ведущие периодические издания имеют собственные электронные версии. Опять же доступ к Интернет можно осуществлять дистанционно в домашних условиях, что позволяет экономить время. Фактор экономии времени и большой объем информационных ресурсов, возможность максимально полного получения полнотекстовой

информации были отмечены как главные достоинства Интернета.

Наше внимание было направлено на изучение приоритетности источников информации (печатных или электронных) для преподавателей. Сегодня все больше говорится о важности электронных ресурсов, переходе на новые формы информационного обеспечения, отходе от традиционных носителей информации, в частности печатных. Однако большинство опрошенных (85 %) отметили, что предпочитают печатные книги и журналы, объясняя такой выбор лучшим восприятием информации, более глубоким ее осознанием (рисунок). По их мнению, данные издания обладают некой композиционной законченностью, и текст воспринимается в неразрывном единстве с иллюстрациями. Наиболее необходимые электронные материалы большинство специалистов распечатывают на бумажные носители.

В своем исследовании мы изучали оценки качества профессиональных публикаций. Результаты анкетирования показали, что 85 % респондентов оценили качество публикаций как положительное, 15 % дали нейтральную или в чем-то негативную оценку, объясняя это тем, что сегодня можно встретить мало новых имен в науке и что высок процент публикаций, носящих тезисный характер.

Мы попросили также ранжировать чтение в ряду других способов получения профессиональной информации – на конференциях и семинарах, работе в профессиональных организациях; сведениях, полученных от коллег в ходе различных семинаров, школ, курсов и т. п. На основе ответов можно констатировать, что основным стимулом и источником получения информации являются научные конференции (32 %), чтение оказалось на втором месте (28 %), на третьем (24 %) – курсы

повышения квалификации, а информация от коллег – на четвертом (16 %).

Уверенность в том, что чтение профессиональной литературы является важным фактором повышения профессиональной грамотности, подтверждается количеством прочитываемых журналов: 63 % преподавателей ответили, что они читают или просматривают 3–4 журнала в месяц, 30 % – 4–5 журналов, 7 % – изучают журналы по возможности «от случая к случаю».

Получив необходимый журнал, многие преподаватели (44 %) читают только те статьи, которые им важны и интересны; примерно 20 % респондентов «пробегают» журнал целиком, читая затем отдельные статьи или весь номер. 30 % предпочитают просматривать только содержание для выбора нужной статьи; только 6 % отметили, что прочитывают журнал полностью.

При выяснении типа и вида публикаций, стимулирующих профессиональное чтение, 50 % респондентов признались, что они предпочитают научные статьи, касающиеся характера их деятельности, с изложением практических данных научных исследований. Это они объясняют тем, что теоретические знания должны подкрепляться конкретными результатами, так как это свидетельствует о том, что преподаватели вузов, в большей степени, ориентируются на прикладной аспект деятельности, поскольку высока востребованность специалистов-практиков, кем большинство из опрошенных и является. Также пользуются спросом: новостная информация (14 %), статьи по теоретическим профессиональным проблемам (24 %), методике преподавания (12 %).

Нас, кроме этого, интересовали и проблемы, которые не позволяют преподавателям регулярно заниматься самообразованием. Среди основных причин была названа нехватка свободного времени, которая связана с увеличением рабочей нагрузки. Так, 76 % профессорско-преподавательского состава работают не в одном учебном заведении, а еще в двух и даже трех (!) вузах или организациях по специальности (клиниках, комитетах, социальных службах и т. д.), т. е. вынуждены совмещать 2–3 места работы, чтобы иметь достойный уровень жизни; 21 % преподавателей имеют нагрузку более одной ставки; 3 % работают меньше, чем на ставку, что связано с проблемами здоровья (их и близких), наличием маленьких детей и обеспеченностью семьи (табл. 2).

Таблица 2

Основные проблемы, негативно влияющие на процесс самообразования преподавателей

Основные причины	% респондентов
Увеличение рабочей нагрузки	48
Совмещение должностей	62
Работа в нескольких вузах (организациях, комитетах и т. д.)	78
Проблемы со здоровьем	34
Наличие маленьких детей	21

Преподаватели отмечают, что имеется дефицит времени и средств, поэтому на вопрос: «В какое время (рабочее или свободное) они предпочитают заниматься самообразованием?» большинство (60 %) ответили, что читают профессиональные издания в читальном зале библиотеки вуза в течение рабочего дня, а 36 % – в свое свободное время. Методические дни отметили лишь 4 %, что объясняется достаточно высокой загруженностью специалистов.

Не достаточно времени и средств для изучения новых вузовских технологий, командировок в другие города, что часто связано с материальным положением вуза. Не в полной мере используются ими курсы повышения квалификации, поездки в центры вузовского образования, стажировки в вузах других городов. Все эти формы сегодня, к сожалению, во многом носят чисто формальный характер и не всегда оказываются на высоком профессиональном уровне.

Чаще всего практикуются выступления преподавателей на практических семинарах, доклады на научных преподавательских конференциях, а также дни науки в вузах. 60 % респондентов использует именно эту форму повышения квалификации. Только 5 % опрошенных выпускают авторские программы, руководят научно-исследо-

вательскими лабораториями, 35 % готовят учебные и методические пособия, 58 % привлекают студентов к исследовательской работе.

Результаты данного исследования показали, что для 78 % преподавателей научно-исследовательская работа в вузе более приоритетна, чем учебная и методическая. По их мнению, она служит обновлению и обогащению современного образования за счет новых научных идей, взглядов, научных исследований. При этом, в свою очередь, одновременно совершенствуется профессиональная компетентность преподавателей, которая влияет на учебный процесс в вузе. Вместе с тем 56 % участников опроса считают, что отличительной чертой научной деятельности преподавателей является высокая степень «индивидуализма». Данная проблема о месте научной работы наряду с образовательной является достаточно актуальной в последнее время и рассматривается в ряде публикаций. При этом исследователи считают, что вуз должен четко обозначить место научной деятельности, а не только декларировать ее, учитывать в учебных планах преподавателей и критериях их (пере)аттестации. При этом научная и учебная деятельность педагога должны гомеостатически взаимодополнять друг друга (уменьшение одной – увеличение другой может быть

при наличии обязательного минимума той и другой). Именно в принципах этой взаимозаменяемости (такого-то типа научная работа эквивалентна такой-то учебной нагрузке) проявится действенный, а не декларируемый подход вуза к значимости ведущихся в нем научных исследований [2].

Научная деятельность, по мнению 86 % опрошенных, помогает выработать общие позиции по отношению к совершенствованию вузовского процесса обучения, способствует повышению качества преподавательской деятельности. По мнению преподавателей, исследовательская работа на кафедре повышает статус кафедры вуза, в результате чего повышается значимость каждой учебной дисциплины. По отношению к административной, организационной и другой деятельности научно-исследовательская работа повышает педагогический потенциал кафедры и вуза и создает благоприятные предпосылки для дальнейшего развития.

Таким образом, повышение качества профессиональных знаний, на наш взгляд, напрямую связано с наличием свободного времени и качест-

вом уровня жизни преподавателей. Так, современные преподаватели, по их собственному признанию, стали меньше читать научной литературы (монографий и периодических изданий), чем ранее. Это связано с увеличением учебной нагрузки и невысоким уровнем оплаты преподавателя высшей школы, в связи с чем 95 % опрошенных работают более чем на ставку в своем вузе и имеют совмещение в других вузах или профессиональных организациях. В беседе мы выяснили, что при совмещении им приходится порой осваивать другие дисциплины и изучать литературу по другим отраслям знаний, на что также требуется время.

Библиографический список

1. *Петрунева, Р.* О главной цели образования [Текст] / Р. Петрунева, Н. Дулина, В. Токарев // Высшее образование в России. – 2008. – № 3.
2. *Солодников, В. В.* Проблемы научно-исследовательской деятельности в вузах [Текст] / В. В. Солодников // Социс. – 2006. – № 11.

УДК 376.6

**ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ-СИРОТ
(ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)**

К. П. Африкантов

Статья посвящена определению потенциала гражданского общества в сфере социальной поддержки детей-сирот на основе данных социологического исследования, проведенного в Саратове. В результате исследования выявлено отношение населения Саратова к проблеме социальной поддержки детей-сирот и организации взаимодействия власти и общества в данной сфере.

Ключевые слова: дети-сироты, социальная поддержка, взаимодействие органов власти и гражданского общества, отношение населения.

**THE CAPACITY OF CIVIL SOCIETY IN THE FIELD OF SOCIAL SUPPORT
FOR ORPHANS (EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

K. P. Afrikantov

The article is devoted to determining the civil society's capacity in the orphan children social support, based on the sociological research conducted in Saratov. The research found the population's ratio in Saratov to the orphan children social support and the organization of interaction between government and society in this area.

Keywords: orphan children, social support, interaction between authorities and civil society, the population's attitude.

Проблема детей-сирот является одной из наиболее актуальных проблем в современной России. Согласно статистическим данным, сейчас в России насчитывается 780 тысяч детей, оставшихся без попечения родителей [1. С. 107, 121], 676 тысяч – находятся в опасном социальном по-

ложении [2]. При этом надо учитывать, что порядка 80 % российских сирот – «социальные», т. е. сироты при живых родителях. Но есть в России и «скрытые». По данным Генпрокуратуры, в стране насчитывается около 2 миллионов беспризорников, по данным Российского детского

фонда, – 3 миллиона, а по данным движения «В защиту детства», – около 4 миллионов [3].

Действующую в настоящее время систему социальной поддержки детей-сирот при всем многообразии применяемых мер трудно назвать эффективной. Оказанием помощи семье и детям занимаются различные структуры, обладающие определенными властными полномочиями. Однако для достижения максимального результата необходима консолидация их усилий с гражданским обществом. На сегодняшний день российское общество поставлено перед необходимостью формирования современной целостной системы социальной поддержки детей-сирот, ее устойчивого и надежного функционирования. Важным условием становления подобной системы должен стать научный анализ взаимодействия власти и общества в данной сфере.

Оптимизация деятельности по организации социальной поддержки детей-сирот в Саратовской области предполагает изучение мнения жителей Саратова с целью выявления доли участия населения в оказании социальной поддержки детям-сиротам в настоящее время, определения потенциала данного участия, а также определения отношения к качеству взаимодействия власти и общества в сфере социальной поддержки детей-сирот. С этой целью в октябре–декабре 2010 г. автором был проведено прикладное социологическое исследование, объектом которого являлось население Саратова, предметом исследования – отношение населения города к проблеме социальной поддержки детей-сирот и организации взаимодействия власти и общества в данной сфере.

Сбор информации проводился методом массового опроса населения по формализованной анкете путем личного интервью. Общий объем заявленной выборки составил 500 человек. Отбор респондентов осуществлялся по маршруту с отслеживанием ряда социально-демографических характеристик (пол, возраст, образование, род основной деятельности), которые служили основанием для сравнительного анализа данных. Среди опрошенных 64,9 % составили женщины и 35,1 % – мужчины; 46,8 % – люди в возрасте от 20 до 30 лет, среди них – с высшим и неполным высшим (72,2 %), а также средним образованием 26,2 %. Значительная доля респондентов работает (83,8 %), в частности, в сфере коммерции и бизнеса – 29,8 %, образования – 23,2 %, заняты на производстве и транспорте – 8,7 % и других сферах. Это позволяет говорить о репрезентативности выборки, о достоверности результатов исследования и о том, что сделанные в соответствии с ними выводы отражают реальные тенденции в изучаемой области.

Результаты исследования свидетельствуют, что, по мнению респондентов, проблема обеспечения социальной поддержки детей-сирот является достаточно актуальной для Саратовской области. В той или иной степени обеспокоенность проблемами детского сиротства проявляют 92 % опрошенного населения, что, однако, не говорит о реальной готовности предложить личную помощь детям-сиротам.

Анализ результатов опроса населения продемонстрировал несовпадение представлений о должной роли и реальном участии власти и общества в сфере социальной поддержки детей-сирот. Несмотря на то что большинство опрошенных возлагают наибольшую ответственность за судьбы детей-сирот на государство (75 %) и их родственников (36 %), треть респондентов полагают, что роль общества в данной сфере должна быть значительной. 15 % респондентов считают, что каждый член общества должен нести ответственность за судьбу сирот, 14 % – что это обязанность общественных организаций. Характерно, что ответ «каждый член общества» более свойственен для молодежи (до 30 лет). Это является свидетельством, прежде всего, того, что, несмотря на осознание значимости данных проблем современным обществом, для россиян они носят скорее «внешний» характер, никак не связанный с их личными интересами и жизненными планами и не входят в круг их насущных проблем. Большая часть населения Саратова не видит необходимости помогать сиротам.

Среди людей, имеющих высшее образование, доля респондентов, разделяющих мнение, что забота о детях-сиротах является долгом всего общества, выше, чем у респондентов, имеющих среднее образование.

Фактическое участие как органов власти, так и общества в сфере социальной поддержки детей-сирот оказалось, по данным опроса, ниже ожидаемого. Только 1 из 10 респондентов полагает, что каждый член общества в той или иной степени оказывает социальную поддержку детям-сиротам. Около 80 % опрошенных уверены, что помощь детям-сиротам оказывает государство, 15 % убеждены, что помощь оказывается со стороны общественных и благотворительных организаций. Таким образом, большинством населения государство позиционируется как основной и фактически единственный субъект социальной поддержки детей-сирот, на фоне которого оценка потенциала иных возможных субъектов выглядит незначительно. Ожидания и объем реального содействия со стороны родных вполне сопоставимы (фактическая помощь оценена даже несколько выше). 8 % рес-

пондентов высказали мнение, что в настоящее время никто реально не занимается оказанием помощи детям-сиротам.

Следует отметить наличие неиспользованного потенциала участия общества в сфере социальной поддержки детей-сирот. 25 % опрошенных готовы оказывать помощь детям-сиротам. Среди них 10 % уже помогают детям-сиротам различными способами, 5 % выказали желание помогать детям-сиротам в том случае, если их об этом попросят, при этом всего 4 % респондентов, не оказывающих социальную поддержку детям-сиротам, считают помощь им недостаточно важной на данный момент времени. Однако роль общества в сфере социальной поддержки детей-сирот ограничивается в основном пожертвованием денежных средств сиротским учреждениям (45 %), передачей одежды и игрушек (38 %), участием в судьбе ребенка посредством посещений (14 %).

Исходя из полученных данных, следует отметить, что оказание социальной поддержки детям-сиротам в Саратовской области связано с рядом трудностей, и поэтому количество респондентов, готовых оказать помощь, довольно низко. Практически половина опрошенных полагает, что главной трудностью для оказания социальной поддержки детям-сиротам лично для них является недостаточное наличие материальных средств. Вероятно, их могли бы заинтересовать формами помощи, не требующих значительных денежных трат. Это свидетельствует о том, что проблема сравнительно небольшого числа тех, кто уже оказывает помощь детям-сиротам или имеет такое желание, связана, главным образом, с трудностями материального характера, а не с идеологическими препятствиями. Поэтому нет повода утверждать о том, что российское общество в своем большинстве настроено против оказания помощи детям-сиротам.

Результаты проведенного исследования также позволяют зафиксировать определенную дифференциацию особенностей поведения по отношению к детям-сиротам среди различных социально-демографических групп населения. Стоит отметить, что мужчин, оказывающих помощь детям-сиротам, меньше, чем женщин (55 % против 70 % ответивших).

Отвечая на вопрос касательно наиболее предпочтительных форм жизнеустройства детей-сирот, респонденты чаще всего указывают те, которые предполагают длительное проживание в семье и подразумевают полную ответственность за детей. 80 % респондентов считают, что наиболее подходящей формой устройства детей-сирот является усыновление, 35 % – предпочли такую

форму, как семейный детский дом. 30 % респондентов остановили свой выбор на опеке и попечительстве как наиболее благоприятной и удобной форме устройства для детей-сирот. Наиболее низкий уровень предпочтения среди опрошенных имеют патронат (3 %) и кратковременное семейное устройство (2 %).

Тем не менее следует отметить, что помещение в сиротские учреждения в качестве оптимальной формы устройства детей-сирот отмечено всего 17 % респондентов. Однако в то время 75 % опрошенных уверены, что забота о детях-сиротах является заботой государства. Большинство опрошенных среди наиболее благоприятных форм устройства детей-сирот называют те формы, которые предполагают личное участие граждан. Таким образом, следует говорить о том, что отдача приоритета роли государства в деле социальной поддержки детей-сирот выступает показателем не негативного отношения к детям-сиротам или нежелания принимать участие в их судьбе со стороны рядовых членов общества, а лишь о наличии тех или иных объективных факторов, затрудняющих личное участие граждан в оказании социальной поддержки детям-сиротам.

Решение проблем детского сиротства нам видится в целенаправленной государственной политике в данной области. Причем реализация такой политики невозможна, по мнению опрошенных, без активного участия общественности. Большинство респондентов считают наиболее эффективными общественно-государственные формы контроля за обеспечением прав детей-сирот. В частности, создание смешанных общественно-государственных советов, контролирующих ситуацию с защитой детей-сирот в каждом муниципальном образовании (55 %). Противоположной точки зрения придерживается четверть опрошенных (25 %).

Результаты проведенного исследования говорят о том, что уровень информированности населения Саратова о проблемах детей-сирот достаточно высок (86 %). Источниками информации респонденты называли: средства массовой информации (СМИ), знакомых, родственников. Личный опыт в качестве приемных родителей имеют всего 3 % опрошенных. Основным источником информации о проблемах детей для респондентов выступают новостные передачи на федеральных каналах (71 %). Около четверти опрошенных (30 %) получают такие сведения из специальных программ на телевидении, еще 25 % – из новостей регионального и местного телевидения. Реже респонденты называют в качестве основных источников информации печатные СМИ – федеральные (10 %), а также региональные и местные (7 %).

Качественная сторона функционирования общественных организаций, занимающихся оказанием помощи детям-сиротам, свидетельствует о недостаточно результативном взаимодействии с властными структурами на уровне реализации решений, узости целей и задач, узкой социальной основе, кадровых проблемах. Наблюдается существенный недостаток информации о развитии системы благотворительности и слабая развитость благотворительной инфраструктуры. Результаты опроса населения свидетельствуют о том, что лишь 4 % респондентов хорошо знают о деятельности благотворительных организаций в сфере социальной поддержки детей-сирот, 22 % – слышали о таких организациях, но мало знают об их деятельности, 74 % – респондентов ничего не знают о таких организациях. При этом число респондентов, которые положительно относятся к работе благотворительных и общественных организаций, составило 39 %.

Характерно, что большинство респондентов оказывали помощь детям-сиротам в одиночку (51 %), в инициативной группе (7 %), через религиозные организации (2 %), по месту работы/учебы – 9 %, НКО – 5 %, затруднились ответить – 15 %. Это связано с тем, что благотворительные фонды мало рассказывают о своей деятельности. Обычным гражданам зачастую просто не предоставляется возможность принять активное участие в благотворительности.

Ответ на прямой вопрос с просьбой назвать какие-либо благотворительные организации, оказывающие помощь детям-сиротам, также вызвал затруднения. Среди названных участниками опроса организаций лидирует «Детский фонд», за которым идет телевизионная программа «Где ты, мама?» и церковь. Полученные данные свидетельствуют о том, что информации о благотворительной деятельности, которой бы могли воспользоваться граждане, желающие оказать помощь детям-сиротам, недостаточно. Отсутствует продуманный подход к освещению темы благотворительности в СМИ. Некоммерческие организации и благотворительные фонды в основном ограничиваются рассылкой собственной информации, публикациями на сайтах в сети Интернет и изданием специальной литературы. Лишь немногие размещают свои материалы в печати, на телевидении и радио. Информацию, которую предоставляют сами благотворительные организации (с помощью интернет-сайтов, листовок, электронных рассылок), принимают во внимание в среднем только 2 % населения.

Благотворительность в большинстве случаев воспринимается обществом исключительно как материальная поддержка, адресно переданная

нуждающимся, что в значительной степени затрудняет возможность личного участия в благотворительности большинства опрошенных по причине их материального положения, в данном случае следует говорить о низкой осведомленности населения относительно других форм благотворительной деятельности. Характерно, что только 12 % респондентов отметили волонтерство в качестве эффективной формы участия в благотворительной деятельности.

Таким образом, в целом полученные результаты социологического исследования позволяют сделать вывод о том, что население Саратовской области не равнодушно к судьбам детей-сирот, но данный потенциал не используется максимально эффективно. В этой связи, на наш взгляд, необходимо предпринять следующие меры для оптимизации использования имеющихся ресурсов гражданского общества в сфере социальной поддержки детей-сирот:

- обеспечить развитие разнообразных форм устройства детей, ориентированных на активную роль общественности. В частности, установление правовых основ патронатного воспитания как самостоятельной формы устройства ребенка, потерявшего попечение родителей, на воспитание в семью;
  - организовать совместное с институтами гражданского общества и средствами массовой информации проведение информационных кампаний, направленных на пропаганду семейных ценностей, а также на разработку и реализацию мер по формированию мотивации граждан к участию в семейном устройстве детей-сирот;
  - обеспечить преодоление недопустимой закрытости информации о детях, нуждающихся в семейном устройстве, для чего необходимо внесение в законодательство изменений, допускающих (при условии соблюдения конфиденциальности информации о личности ребенка) создание живой внятной информации о детях-сиротах для последующего ее широкого распространения в печатных и электронных СМИ;
  - поддерживать развитие волонтерского движения по оказанию помощи семьям с детьми, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, детям-сиротам;
  - обеспечение поддержки гражданских инициатив в области решения проблем детей-сирот и приемных семей, и создание комфортной среды в образовательных учреждениях и организациях социального обслуживания детей-сирот.
- Представляется, что только организация эффективного взаимодействия власти и гражданского общества в сфере социальной поддержки детей-сирот может действительно переломить неблаго-

приятную ситуацию, сложившуюся с сиротством в настоящее время в России.

Библиографический список

1. Дети в России. 2009 [Текст]: стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2009.
 2. Российская Федерация. Правительство. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы

«Дети России» на 2007–2010 годы: распоряжение Правительства РФ [принято 26 января 2007 г.] // Российская газета. – 2007. – № 22. – 2 февраля.

3. Точно сосчитать российских сирот пока не могут [Электронный ресурс] // Отказники.ру. Волонтеры в помощь детям-сиротам. – Режим доступа: <http://www.otkazniki.ru/articles.php?ocd=view&id=43> (дата обращения 30.12.2010).

УДК 364

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
 В ВОПРОСЕ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ
 НАИБОЛЕЕ НУЖДАЮЩИМСЯ СЛОЯМ НАСЕЛЕНИЯ**

Ю. В. Бабушкин

Современное социально-экономическое развитие российского общества в сфере социальной политики выдвинуло новые формы социальной поддержки населения. Произошла значительная трансформация субъектов социальной поддержки. В обществе формируется рынок социальных услуг. Многоканальность рынка социальных услуг.

Ключевые слова: социальная поддержка населения, социальная ответственность, социальная услуга, рынок социальных услуг, субъекты социальной поддержки населения.

**DISTRIBUTION OF SOCIAL RESPONSIBILITY REGARDING SOCIAL SERVICES
 TO THOSE MOST IN NEED**

U. V. Babushkin

Contemporary social-economic development of Russian society in social policy has brought new forms of social support of the population. There was a significant transformation of the subjects of social support. Market of social services is formed in the society. Multi-channel market for social services.

Keywords: social support of the population, social responsibility, social services, social services market, the subjects of social support of the population.

Экономические и социальные преобразования, осуществляемые в России в течение последнего десятилетия, привели к глубокой трансформации всех сфер жизнедеятельности общества. Особо существенные изменения произошли в социальной сфере, что актуализировало вопросы формирования социальной ответственности государства и других социальных институтов по оказанию мер социальной поддержки нуждающимся категориям населения путем использования имеющихся в их распоряжении ресурсов.

Словосочетание «социальная ответственность» в последнее десятилетие стало активно использоваться в отечественной науке и управленческой практике. В аспекте социальной составляющей понятие ответственности в большей степени эксплуатируется в контексте уменьшения социальных обязательств государства и перераспределения их в сторону других общественных

субъектов. Благодаря этому утверждению появляются попытки определения индивидуальной социальной ответственности, интерпретируемой как способность индивида, семьи, малой группы максимально активизировать и оптимизировать свои собственные усилия для самообеспечения и самопомощи. Кроме того, в научно-практический оборот входит понятие субсидарной ответственности, понимаемой как ответственность сообществ и институтов более высокого уровня за вспоможение сообществам более низкого уровня, осуществляемого ради общего блага, при условии невмешательства в сферу их индивидуальной ответственности.

В широком смысле, социальная ответственность может быть интерпретирована как взаимная ответственность общественных субъектов (групп, общностей, организаций, институтов) по отношению друг к другу, возникающая в процессе их совместной деятельности.

Характер социальной поддержки населения определяется взаимодействием ее основных макросубъектов (от греч. *makros* – большой) – индивид; семья; корпорация; государство; общество. Каждый макросубъект генерирует свой, соответствующий уровень социальной поддержки, что позволяет выделить следующие уровни: индивидуальный (самозащита); семейно-родственный; профессионально-групповой (корпоративный); государственный (гарантированный) и общественный (благотворительный).

Рассмотрим более подробно указанные субъекты социальной поддержки населения.

1. *Индивид*. Как субъект социальной поддержки реализует ее индивидуальный уровень. Поскольку на данном уровне человек поддерживает себя сам, то он и будет являться субъектом и объектом социальной поддержки одновременно.

2. *Семья, род*. Данный субъект реализует семейно-родственный уровень социальной поддержки, являясь наиболее близким к объекту помощи.

3. *Корпорация*. Данный субъект реализует профессионально-групповой уровень социальной поддержки. Это социальная поддержка на уровне предприятия, т. е. связанная с трудовой деятельностью индивида. Права на корпоративную социальную поддержку возникают у работников предприятия в соответствии с локальными правовыми актами: уставами предприятий, коллективными договорами, соглашениями и т. п.

4. *Государство*. Указанный макросубъект реализует законодательно закрепленный, гарантированный уровень социальной поддержки населения. Государство обеспечивает социальную поддержку при помощи таких социальных институтов, как государственная социальная защита, государственное социальное обеспечение, государственная социальная помощь, обязательное социальное страхование, а также определяет нормативно-правовую базу для негосударственных институтов социальной поддержки и регулирует их деятельность. Государство традиционно рассматривается как самый устойчивый и надежный субъект социальной поддержки, реализующий свои обязательства в безусловном порядке.

5. *Общество*. Данный макросубъект реализует благотворительный, факультативный уровень социальной поддержки. Социальной основой его деятельности являются милосердие, добровольность, безвозмездность. В силу особенностей общественной поддержки: субъективность, спонтанность, необязательность, отсутствие системности, она может рассматриваться лишь как дополнительный, факультативный уровень. В то же

время ее неформальный, децентрализованный характер, оперативность, инновационность, внебюджетные финансовые основы делают ее незаменимой и весьма эффективной особенно в тех сферах, где присутствие государства ограничено или вообще отсутствует.

Как видим, современные системы социальной поддержки населения многосубъектны, однако, основная нагрузка ложится не на все субъекты, а только на особенные для каждой национальной модели. Например, либеральная модель социальной поддержки населения (США, Великобритания) отличается упором на самозащиту и защиту общества (благотворительность), у японской модели доминирующие субъекты – семья и корпорация, для стран, придерживающихся социал-демократической модели (скандинавские страны), главный субъект – государство, в развивающихся странах доминирующий (а иногда и единственный) субъект социальной поддержки – семья, род и т. п.

Сегодня по многим критериям нам ближе американская структура построения социальных программ для нуждающихся, основанная на принципе взаимодействия и разделения функций всех уровней государственной власти, а также на привлечении частного сектора к решению ряда социальных вопросов. Американский опыт государственного регулирования сферы социальной поддержки носит всеобъемлющий характер и свидетельствует о необходимости решения ее проблем в тесном взаимодействии государственных, частных, общественных структур, каждого трудоспособного гражданина; четкого определения их прав и обязанностей при сохранении руководящей, координирующей, контролирующей, гарантирующей роли государства [1. С. 39].

Эта стратегия находит свое выражение в определении приоритетов социальной поддержки, основных социальных нормативов и механизмов их реализации, обеспечении правового базиса и общих методических принципов государственных гарантий в социальной сфере, широкомасштабном использовании бюджетного механизма как в целях финансирования социальных программ, перераспределения средств между различными по доходу, возрасту, трудоспособности, наличию иждивенцев группами населения, так и для стимулирования социальной ответственности негосударственных структур, а также каждого гражданина за самообеспечение себя и своей семьи.

Зарубежные модели социальной поддержки населения демонстрируют различные механизмы функционирования и взаимодействия государства

и общества. Однако каждая из них представляет собой специфический исторический общественный продукт и является уникальной по своей природе, адаптированной к условиям конкретной страны, потому заимствование в чистом виде любой из действующих за рубежом моделей социальной поддержки населения не представляется возможным.

Ввиду этого, наряду с рассмотрением зарубежных практик на первый план выдвигается задача исследования отечественного опыта помощи особо нуждающимся в мерах социальной поддержки слоям общества. Осмысление названного круга вопросов является важным условием модернизации социальной сферы в целом, поскольку только на основе объективного изучения и рационального использования исторического опыта, представляющего огромный научный и практический интерес, возможен эффективный поиск оптимальных вариантов разрешения социальных проблем.

Советская система социального обслуживания охватывала медицинскую гериатрическую помощь (как стационарную, так и поликлиническую), содержание и обслуживание в домах-интернатах, помощь на дому, протезную помощь, обеспечение транспортными средствами, трудоустройство и профессиональное обучение, организацию труда на специально созданных предприятиях, жилищно-бытовое, коммунальное обслуживание, организацию досуга и т. д. Существовавшая в СССР на протяжении длительного периода система социального обеспечения оказалась непригодной к решению новых задач, которые появились в результате «нового экономического курса». В частности, она не предусматривала многократного увеличения числа получателей и видов пособий, льгот и гарантий, появления таких категорий граждан, как беженцы, вынужденные переселенцы, безработные, многодетные семьи, жертвы политических репрессий, участники локальных войн и конфликтов. Этим людям нужны были не только и не столько социальное обеспечение, сколько социальная защита и социальные гарантии [2. С. 73–78].

Радикальные изменения российской действительности начала 90-х гг. сформировали новый тип взаимоотношений «государство – гражданин», на смену системе социального обеспечения СССР пришла система социальной защиты населения РФ [3. С. 34–36].

В отличие от социального обеспечения, ориентированного на всестороннее государственное попечение, система социальной защиты разнопланова, направлена на активизацию участия инсти-

тутов гражданского общества, отличается полиформизмом экономических основ, значительной ролью солидарной самозащиты и индивидуальной ответственности.

Приобретающие все более весомый характер способы косвенного вмешательства государства в систему социальной поддержки населения детерминируют собой необходимые условия для перехода от пассивной патерналистической социальной поддержки российского государства к ее активным формам.

Перспективным представляется то, что базовыми принципами, закладываемыми в формирующуюся модель российского социального государства, становятся принципы децентрализации и полисубъектности социальной поддержки населения. Реализация этих принципов позволяет в рамках единого социального пространства на территории всей страны формировать и реализовывать региональные и муниципальные модели социальной поддержки, позволяющие оптимизировать социальное развитие территорий с учетом местной специфики, реальных потребностей и интересов населения на основе имеющихся в регионах и муниципальных образованиях ресурсных возможностей. С реализацией этих принципов связан активно идущий процесс выделения новых значимых субъектов социальной поддержки в структуре основных социальных институтов общества, определение форм и доли их социального участия, а также нормативное оформление их деятельности. Такая тенденция является неизбежной, так как процесс активизации реформ в сфере социальной поддержки населения связан не только с оптимизацией государственного и муниципального управления, но и с формированием реальной многосубъектности в сфере социальной поддержки населения, при которой осуществляется распределение социальной ответственности между государственными, частными и общественными институтами.

Реализация принципа децентрализации государственного управления социальной сферой осуществляется путем закрепления за субъектами РФ возможно большего числа полномочий в области социальной поддержки населения и передачи определенных полномочий в непосредственное ведение региональных органов управления, в результате чего регионы получили возможность осуществлять собственную, самостоятельную социальную поддержку нуждающихся категорий населения, которая может быть определена как разрабатываемая и осуществляемая органами власти и иными общественными институтами субъекта Российской Федерации система мероприя-

тий, направленная на оптимизацию социального развития региона с учетом местной специфики, на основе ресурсных возможностей и нормативно-правовой базы.

На практике реализация регионами возможностей по осуществлению собственной социальной поддержки населения позволяет фиксировать тенденции изменения ее миссии от обеспечения основных государственных минимальных социальных гарантий, федеральных социальных программ и законов к введению дополнительных мер социальной поддержки, социального обслуживания и социального развития населения.

На данный момент финансирование социальной поддержки населения многоканально. Средства на социальные нужды поступают из федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ, внебюджетных социальных, негосударственных пенсионных фондов, предприятий, организаций и учреждений различных форм собственности, а также в виде личных пожертвований граждан, однако, спрос на социальную поддержку не удовлетворен в полной мере. Подобное вызвано главным образом сокращением размеров бесплатного или льготного обслуживания населения бюджетными организациями, учреждениями и предприятиями. При этом спрос на социальные услуги во многом спровоцирован недостаточным государственным обеспечением социальной сферы.

Наиболее важными направлениями в реформировании государственной социальной поддержки населения следует признать, во-первых, отмену исторически сложившихся льгот и замену их адресной социальной помощью по нуждаемости, во-вторых, постепенную передачу отдельных функций государства в области социальной поддержки населения и оказание ряда социальных услуг организациями «третьего сектора», и, в-третьих, возрождение общественной и частной благотворительности.

Одним из приоритетных направлений социальной поддержки населения является оказание социальных услуг особо нуждающимся гражданам. Социальная услуга есть фундаментальная технология, механизм, позволяющий практически решать сложнейшие вопросы жизнедеятельности человека.

В современной науке сформировались различные подходы к пониманию категории «услуга». В самом общем виде услуга рассматривается через действие, приносящее пользу, или помощь, которую одна сторона может предложить другой. Если товар передается покупателю из рук в руки, то услуга передается через какое-либо действие. Передавая товар, продавец передает конечный

продукт, в то время как передача услуги представляет собой процесс, состоящий из нескольких операций, которые должен осуществить продавец для удовлетворения потребностей клиента. Исходя из сказанного, следует заметить, что услуги – это деятельность, не создающая самостоятельного продукта, материального объекта или материальных ценностей.

Учитывая разработанные учеными подходы к пониманию сущности услуги, можно сформулировать следующее определение социальной услуги. Социальная услуга – это общественно полезная деятельность, не создающая самостоятельного продукта, материального объекта или материальных ценностей, выполняемая субъектом услуги в пользу объекта услуги.

Услуги обладают следующими существенными особенностями:

- 1) неосвязаемость – их нельзя передать и присвоить;
- 2) недолговечность (несохраняемость) – их нельзя хранить;
- 3) неоднородность (непостоянство качества) – их трудно стандартизировать;
- 4) неотделимость от источника – одновременность производства и потребления, необходимость участия клиента в предоставлении услуги.

Развивающийся на основе общественного разделения труда и его последующей специализации, определяемый в значительной степени интересами государства и регулируемый не только экономическими, но и в большей степени социально-политическими инструментами и методами, рынок социальных услуг становится сегодня значимой составляющей системы социальной поддержки населения.

Вопросы обеспечения реальных социальных гарантий и льгот для населения актуализируют проблему изучения рынка социальных услуг. Представления о потребностях граждан, наиболее нуждающихся в социальных услугах, позволяют органам власти осуществлять маркетинговый прогноз и выстраивать стратегический план развития системы социальной поддержки населения.

Под рынком социальных услуг понимается целостная и взаимосвязанная система экономических отношений, возникающих по поводу формирования и распределения государственных доходов, взаимоотношений получателей средств бюджета, коммерческих и некоммерческих хозяйствующих субъектов, органов исполнительной и представительной власти, исполняющих специальные функции для удовлетворения социальных потребностей особо нуждающихся граждан.

Рынок социальных услуг входит в так называемый общественный сектор экономики, который, в отличие от рыночного, имеет дело с общественными благами, в большинстве своем не являющимися предметом купли-продажи, в связи с чем доминирующее место здесь занимает деятельность государства. В соответствии с предназначением социальных услуг общество в лице государства как субъекта рынка социальных услуг берет на себя функции финансирования социальной сферы за счет средств, полученных от субъектов хозяйствования и отдельных граждан в виде налогов.

Кроме того, сфера социальных услуг вызывает необходимость общественных социальных инвестиций. «Социальные инвестиции представляют собой вложения ресурсов в человеческий капитал в целях получения нематериального блага, качественного повышения материального благополучия и здорового интеллекта членов общества. При этом основу воспроизводства человеческого капитала составляет инвестирование, выступающее его исходным условием» [4].

Все социальные услуги должны обладать определенными параметрами. Прежде всего они должны исключать соперничество среди государственных служб и некоммерческих организаций в вопросах оказания поддержки особо нуждающимся категориям населения. Кроме того, рынок социальных услуг необходимо формировать через целенаправленное регулирующее воздействие субъектов социальной поддержки населения с помощью правовых норм, налогов и государственных расходов. И не менее важным является отнесение социальных услуг к общественным благам, т. е. к тем, потребление которых общество желало бы сделать обязательными для всех своих членов.

Государством гарантируется возможность получения социальных услуг нуждающимся гражданам на основе принципа социальной справедливости независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств.

Социальные услуги предоставляются клиентам социальных служб стационарными учреждениями социального обслуживания, учреждениями социального обслуживания (отделениями дневного, ночного пребывания), осуществляющими полустационарное социальное обслуживание, и учреждениями (отделениями) социального обслуживания на дому и включают в себя:

- 1) социально-бытовые услуги;
- 2) социально-медицинские услуги;
- 3) социально-психологические услуги;
- 4) социально-педагогические услуги;
- 5) социальные услуги, связанные с социально-трудовой реабилитацией;
- 6) социально-правовые услуги;
- 7) социально-экономические услуги.

При принятии решения о предоставлении нуждающимся гражданам конкретных социальных услуг учитывают их интересы, состояние здоровья, специфику трудной жизненной ситуации, в которой они находятся, содержание индивидуальной программы реабилитации (при наличии такой программы), кратковременность или долговременность потребности в этих услугах, материальные возможности нуждающихся лиц и другие объективные факторы.

Приоритетными направлениями развития рынка социальных услуг являются:

- повышение качества социальных услуг и оптимизация расходов на их оказание;
- усиление ответственности и заинтересованности исполнителей в предоставлении социальных услуг;
- получение возможности гибкого реагирования на изменение запросов получателей социальных услуг;
- возможность использования более широкого набора форм и методов организации предоставления социальных услуг.

Основными критериями для отбора социальных услуг выступают:

- востребованность услуг, оказываемых теми или иными государственными организациями и учреждениями, со стороны населения;
- простота технологии оказания отдельных видов социальных услуг;
- наличие предложений об оказании аналогичных предоставляемым бюджетными учреждениями социальных услуг со стороны негосударственных организаций;
- оптимизация расходов на содержание оказываемых отдельных видов социальных услуг бюджетных учреждений и организаций;
- возможность контроля качества предоставляемых социальных услуг.

Последнему критерию следует уделить особое внимание. Дело в том, что качество обеспечения услуг гораздо более широкое понятие, чем простой сбор информации о результатах, понимаемые в узкокорпоративном смысле. А следовательно, и мониторинг качества в социальной сфере гораздо более сложен, чем простой мониторинг достижения целей отдельных услуг. Качество в со-

циальных услугах также подразумевает индивидуальный подход, позволяющий обеспечивать осуществление целенаправленных, продуманных, чутких адресных действий в предоставлении услуг нуждающимся гражданам.

Как правило, для мониторинга качества предоставляемых социальных услуг акцент делается на интенсивности и объемах работы, измеряемых обычно на основе «количества личных дел», т. е. количества клиентов, с которыми работал один служащий. Универсального метода измерения конкретных личных дел по интенсивности и сложности на данный момент не разработано, хотя попытки классифицировать конкретных клиентов по типам потребляемых услуг и предпринимались различными службами и организациями. Однако эта классификация опять же основана на расчете временных интервалов или по длительности затраченного времени для конкретного вида деятельности.

В действительности же невозможно дать полную и адекватную оценку качества предоставляемых социальных услуг без непосредственного участия их получателей. Это означает, что система мониторинга, оценивающая результаты по «деятельности» служб, должна смениться на систему результативности, эффективности, определяемую улучшением положения получателей социальных услуг.

Важным представляется не только формулирование ожидаемых результатов и организация деятельности, направленной на их достижение, но и регулярный мониторинг ситуации. Это необходимо прежде всего для принятия тех или иных мер по повышению результативности деятельности, если фактическая результативность оказывается недостаточной, изменения услуг или программ, форм и методов под конкретные запросы граждан, нуждающихся в социальной поддержке.

В рамках данной публикации наряду с анализом социальных условий, в которых складывается рынок социальных услуг, представляется необходимым рассмотреть мотивационную сферу служащих, занятых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях системы социальной поддержки населения.

Ни для кого не секрет, что кадровая ситуация в социальной сфере далека от совершенства. Чаще всего граждане и сами работники социальных служб отмечают недостаточную эффективность социальной поддержки населения, снижение ее престижа и доверия к ней со стороны граждан, порочные принципы кадровой политики, непрофессионализм большинства со-

циальных служащих. В государственной системе социальной поддержки населения оказываются люди без каких-либо идей о путях улучшения положения лиц, особо нуждающихся в помощи и поддержке, однако, умеющие манипулировать сознанием и извлекать из этого собственную выгоду.

Для модернизации сферы социальной поддержки населения российского государства требуется прежде всего улучшение качества кадрового состава социальных служб. В системе социальной поддержки необходима эффективная, профессиональная государственная служба, пользующаяся уважением большинства населения.

Привлечение к работе «правильных» людей, мотивированных работать эффективно для достижения всех целей организации, и поощрение их за хорошее выполнение работы во многих странах расценивается как жизненная часть любой длительной реформы государственной службы и, возможно, гораздо более эффективная и долгосрочная стратегия, чем структурные изменения.

Поход к мотивации как процессу поднимает вопрос о том, каким образом можно повлиять на поведение человека на рабочем месте для приведения его в соответствие с поставленной субъектом управления целью. В литературе выделяют следующие основные средства такого воздействия: мотивирование и стимулирование. По противоречивости суждений, высказываемых учеными, по поводу того, что представляют эти феномены и каково их соотношение между собой, они не уступают понятиям «мотив» и «мотивация». В. А. Костин отмечает, что «в отечественной и зарубежной литературе широко представлены редуccionистские позиции в отношении отмеченных понятий: либо мотивация растворяется в стимулировании, либо стимулирование в мотивации» [5. С. 133].

В буквальном значении «стимул» – это специальная палка, которой подгоняли домашних животных. В современной же теории управления персоналом под стимулами понимают предлагаемые руководством организации блага, ради достижения, сохранения которых человек готов затрачивать свой труд, где процесс формирования мотива напрямую связан с предполагаемым вознаграждением.

Таким образом, мы рассматриваем стимулирование как воздействие на мотивацию. Предпочтение той или иной модели, объясняющей поведение человека (в данном случае, служащего, занятого в системе социальной поддержки населения), на практике ведет к использованию соответствующих форм стимулирования.

Наиболее острой кадровой проблемой в сфере социальной поддержки населения является крайне низкий уровень оплаты труда работников, занятых в социальной сфере, и схема ее формирования, не ориентированная на результаты служебной деятельности. Система оплаты труда фактически является механизмом негативного отбора, способствующим ухудшению возрастной и квалификационной структуры государственных служащих, снижению этических стандартов.

Кроме того, ситуация усиливается применением сметной формы финансирования, которой свойственны недостатки. Дело в том, что при данной форме финансирования утрачивается, или, по крайней мере, существенно ослабляется связь затрат и результатов. Финансируется не столько качество предоставленных социальных услуг, сколько время присутствия служащего на рабочем месте. При таком подходе оплата труда ставится в прямую зависимость от образования, стажа работы, должности, отработанного времени, а качественная составляющая социальных услуг зачастую лишь подразумевается, но прямо и конкретно не учитывается. Способ нормирования труда при таком варианте финансирования неизбежно ведет к уравниловке и в конечном счете снижению стимулов эффективности деятельности.

С точки зрения социологического анализа мотивационная сфера включает в себя все виды социальных побуждений личности: потребности, интересы, стремления, притязания, ценностные ориентации (смысловые установки), идеалы. Мотивация, как движущая сила, детерминирующая человеческое поведение, пронизывает все структурные образования личности: направленность, характер, эмоции, способности. Опорой для понимания особенностей мотивации и правильной ее интерпретации являются изучение потребностей и процесс их удовлетворения [6. С. 113]. Возникновение потребности направляет активность человека на поиск достижения ее предмета, который может удовлетворить эту потребность. Ориентация как «результат» определяется свободным владением широким кругом знаний в конкретной области и подразумевает одновременно то, что приобретенный человеком уровень – это своеобразный, необходимый фундамент для постоянного поиска, развития, совершенствования и углубления имеющихся знаний и представлений.

А. Маслоу отмечал, что развитие личности зависит от того, на чем она «зациклена»: на ликвидации дефицита или же на самоактуализации (стремлению к развитию, воплощению своих жизненных планов) [7. С. 12–17]. В связи с чем

принципиально важным представляется выявление приоритетности качеств служащего системы социальной поддержки населения (опрос проводился в 2009 г. в управлениях социальной защиты населения администрации Волгоградской области, количество опрошенных – 165 человек). Единодушно все опрошенные отметили «компетентность», на втором месте был отмечен показатель «самостоятельности в решении поставленных задач» – (34 %), далее – «аналитико-прогностические способности» – (29 %), и на четвертое место опрошенные поставили «верность слову и делу» – (23 %). Почти каждый седьмой выделил «оперативность» – (14 %) и «принципиальность» – (11 %). Отмечается «профессиональная» мотивированность респондентов, которые видят в работе возможность реализовать свои знания, умения. Для такого работника главное – интересная, содержательная работа, возможность проявить себя и доказать не только окружающим, но и себе, что он может справиться с заданием, которое не каждому по силам.

В основе побуждающих мотивов, определивших выбор в пользу социальной службы, респонденты, в первую очередь, видят гарантии постоянной работы и стабильности положения (57 % опрошенных), желание приобрести необходимый опыт, иметь перспективу для дальнейшей карьеры (31 %), возможность заниматься интересным, удовлетворяющим с точки зрения творчества и реализации профессиональных возможностей содержанием работы (30 %), стремлением приносить в меру своих сил пользу обществу (29 %). Такие основания, как желание занять достойное место в обществе и войти в его элитный слой (4 %), надежда установить связи с людьми, которые могут быть полезны (6 %), как следует из материалов анкетирования, занимают последние места. Следует обратить внимание, что данные утверждения полностью расходятся с характеристиками, которые зачастую дают работникам социальных служб их клиенты, поскольку видят в них представителей власти, уровень доверия к которой крайне низкий. Стремление реализовать свои способности, рационализаторские качества в качестве побуждающего фактора профессиональной деятельности называют только 6 % опрошенных, а стремление быть оцененным по достоинству руководством и коллегами по работе – 14 %. При этом 9 % ответили, что у них не было иного выбора, кроме как работа в системе социальной поддержки населения.

Исследование удовлетворенности социальных ожиданий показывает угрожающе низкое количество социальных служащих, занятых в сфе-

ре социальной поддержки населения, полностью удовлетворенных своей работой – только 13,7 %. При этом ответили, что они «больше удовлетворены ею, чем не удовлетворены» 49,7 % респондентов. В целом в той или иной степени не удовлетворены своей работой 26 % опрошенных, при 7,7 % затруднившихся ответить. Таким образом, прямо или косвенно не высказывают удовлетворенность непосредственной профессиональной деятельностью более трети участников опроса. Возможно, этот показатель обусловлен низким материальным обеспечением системы социальной поддержки населения, как и в целом всей социальной сферы современного российского общества.

Очевидно, что активно идущих институциональных изменений в сфере социальной поддержки населения оказывается недостаточно для обретения ею системного характера. Процессы перераспределения социальной ответственности находят неоднозначное отражение на уровне социальных практик. В результате возникают ситуации, при которых стратегии личностного и группового поведения, ценностные ориентации, нормативные установки и спектр актуализированных потребностей населения не соответствуют либо не в полной мере соответствуют преобразованиям, задаваемым современным социальным государством.

Тем не менее, оценивая процессы развития социальной поддержки населения на современном этапе, можно констатировать, что пока основная роль в ее реализации остается у государства, которое пытается переложить большую часть социальной ответственности (расходов, гарантий, функций, полномочий) на негосударственный сектор, но в то же время не может этого сделать, так как на данный момент не в состоянии создать условия, стимулирующие формирование и эффективное функционирование полноценных негосударственных субъектов в социальной сфере.

Основные направления реформирования системы социальной поддержки населения в России

необходимо связывать с укреплением адресности социальных выплат, более эффективным управлением, совершенствованием системы минимальных социальных стандартов в целях более рационального распределения бюджетных средств в пользу действительно нуждающихся, совместными усилиями органов государственного управления всех уровней, обеспечивающих доступность социальных услуг населению.

Проведенный анализ процесса распределения социальной ответственности в вопросе оказания социальных услуг наиболее нуждающимся слоям населения позволяет заключить, что перечень способов ее осуществления и форм взаимодействия государства и негосударственных субъектов в реализации социальной поддержки населения не является исчерпывающим. Поле для инноваций государственного участия в реформировании социальной сферы лежит в области продуцирования новых стимулов, привлекающих семью, частный, общественный сектор к активному финансовому и деятельностному участию в реализации социальной поддержки населения.

Библиографический список

1. *Лебедева, Л.* Государственное регулирование социального обеспечения в США [Текст] / Л. Лебедева // Социальное обеспечение за рубежом. – 2005. – № 10.
2. *Кочетов, А.* Благотворительность и социальная защита: историческая преемственность [Текст] / А. Кочетов, Н. Крюков // Власть. – 2003. – № 1.
3. *Шарин, В.* «Социальное обеспечение» – понятие, требующее уточнения [Текст] / В. Шарин // Социальное обеспечение. – 2005. – № 6.
4. Проблемы совершенствования высшего профессионального образования. На пути к стратегии развития [Текст]: монография / под общ. науч. ред. Г. В. Астратовой, М. И. Хрущевой. – Екатеринбург, 2004. – 348 с.
5. *Костин, В. А.* Теория управления [Текст]: учебное пособие для вузов / В. А. Костин. – М., 2004.
6. *Здравомыслов, А. Г.* Социология конфликта [Текст] / А. Г. Здравомыслов. – М., 1995.
7. *Маслоу, А.* Психология бытия [Текст] / А. Маслоу. – Киев, 1997.

УДК 338.246.02

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ВОЛГОГРАДА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НОВОЙ СИСТЕМЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ

К. В. Колдин

В статье рассматривается профессиональная мотивация педагогических работников системы муниципального образования города Волгограда, направления реализации национального проекта «Образование». Особенности реализации системы стимулирования педагогических работников. Структура мотивационной сферы педагогических работников.

Ключевые слова: профессиональная мотивация, система стимулирования, Национальный проект, показатели мотивации учителей.

SPECIFIC MOTIVATING FEATURES FOR TEACHERS OF MUNICIPAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN VOLGOGRAD IN THE TRANSITION TO THE NEW INCENTIVE SYSTEM

K. V. Koldin

The article considers the professional motivation for teachers of the municipality of Volgograd, the direction of the national project «Education». Implementation features of the incentive system for teaching staff. The structure of the motivational sphere for teaching staff.

Keywords: professional motivation, stimulation system, the national project, the indicators of teachers' motivation.

Быстрые и существенные изменения в экономической, политической и социокультурной жизни общества за последние десятилетия привели к серьезным преобразованиям в области образования. Модернизация образования является процессом внедрения инноваций, а учитель – главным действующим лицом любых преобразований. От учителя, его мотивации, умения решать возникающие проблемы зависит, насколько полно и адекватно учащийся сможет реализовать свой потенциал в когнитивном личностном развитии.

На основе анализа современной ситуации в образовании можно предположить, что проблема мотивации педагогических работников к реализации работать по новой системе стимулирования является малоизученной, и наряду с устоявшимися положениями она включает достаточно широкий спектр вопросов, которые требуют своего решения. Специфичность проблемы проявляется в сложности ее экспериментального исследования – требуется тщательная разработка процедуры, подбор методов исследования, ибо методологический аппарат исследования мотивации педагогических работников муниципальной системы образования в условиях перехода к новой системе стимулирования практически отсутствует.

В муниципальных общеобразовательных учреждениях Волгограда (далее – МОУ) работают 12895 педагогических и руководящих работников (табл. 1).

Отметим, что 85 % педагогических и 96 % руководящих работников муниципальной системы образования имеют квалификационные кате-

гории, 24 % педагогических и 46 % руководящих работников МОУ имеют высшую квалификационную категорию. Наибольшее количество работников системы образования (41 % педагогических и 50 % руководящих работников) имеют первую квалификационную категорию. Вторую квалификационную категорию имеют 20 % педагогов. Восемь руководителей МОУ Волгограда имеют ученую степень (табл. 2).

Таким образом, совершенно очевидно, что по профессиональному потенциалу – это представительная высококвалифицированная большая социальная группа, представляющая педагогических работников общеобразовательных учреждений.

Актуальным проектом для всех работников МОУ стал Приоритетный национальный проект «Образование» (далее – ПНПО). ПНПО был разработан в соответствии с инициативами бывшего президента Российской Федерации В. В. Путина, объявленными 5 сентября 2005 г. на встрече с членами Правительства Российской Федерации, руководством Федерального Собрания Российской Федерации и членами президиума Государственного совета Российской Федерации. В рамках его реализации государство стимулирует учреждения и целые регионы, внедряющие инновационные программы и проекты, поощряет лучших учителей, выплачивает премии талантливой молодежи, т. е. делает ставку на лидеров и содействует распространению их опыта. Государство поощряет тех, кто может и хочет работать. Это касается, прежде всего, педагогических работников общеобразовательных учреждений. Поддержку полу-

чают наиболее эффективные и востребованные образовательные практики – образцы качественного образования, обеспечивающего прогресс и профессиональный успех.

Таблица 1

Район Волгограда	Категория работников	Общая численность работников, чел.	Численность работников, имеющих квалификационные категории, чел.				Процент от общей численности работников
			Высшая	Первая	Вторая	Всего	
Тракторозаводский	Педагогические	1520	298	518	349	1165	77
	Руководящие	160	59	101	0	160	100
	Итого	1680	357	619	349	1325	79
Краснооктябрьский	Педагогические	1577	421	619	369	1409	89
	Руководящие	193	79	113	0	192	99
	Итого	1770	500	732	369	1601	90
Дзержинский	Педагогические	2105	651	956	462	2069	98
	Руководящие	207	105	99	0	204	99
	Итого	2312	756	1055	462	2273	98
Центральный	Педагогические	1030	252	410	212	874	85
	Руководящие	87	51	36	0	87	100
	Итого	1117	303	446	212	961	86
Ворошиловский	Педагогические	1342	283	382	225	890	66
	Руководящие	96	39	41	0	80	83
	Итого	1438	322	423	225	970	67
Советский	Педагогические	944	202	391	157	750	79
	Руководящие	114	39	55	0	94	82
	Итого	1058	241	446	157	844	80
Кировский	Педагогические	1010	256	405	214	875	87
	Руководящие	104	57	47	0	104	100
	Итого	1114	313	452	214	979	88
Красноармейский	Педагогические	2204	443	1079	369	1891	86
	Руководящие	202	104	88	0	192	95
	Итого	2406	547	1167	369	2083	87
ИТОГО	Педагогические	11732	2806	4760	2357	9923	85
	Руководящие	1163	533	580	0	1113	96
	Итого	12895	3339	5340	2357	11036	86

Таблица 2

Категория работников	Общая численность работников, чел.	Работники, имеющие квалификационные категории							
		Высшая		Первая		Вторая		Всего	
		чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Педагогические	11732	2806	24	4760	41	2357	20	9923	85
Руководящие	1163	533	46	580	50	0	0	1113	96
Итого	12895	3339	26	5340	41	2357	18	11036	86

В Волгоградском регионе с 2006 по 2010 гг. реализация ПНПО ведется по нескольким направлениям:

1. Выплата вознаграждения за классное руководство в общеобразовательных учреждениях.
2. Поддержка лучших учителей.
3. Поддержка талантливой молодежи.
4. Укрепление материально-технической базы инновационных образовательных учреждений.

Так, в 2010 г. по направлению «Классное руководство» продолжалась выплата вознаграждений за выполнение классного руководства всем классным руководителям. Направление средств в субъекты Российской Федерации на выплату вознаграждения за выполнение функций классного руководителя с 2010 г. производится на условиях софинансирования за счет средств областного бюджета в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2009 г. №1122 «О предоставлении в 2010 г. субсидий на выплату денежного вознаграждения за выполнение функций классного руководителя педагогическим работникам государственных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных образовательных учреждений». В соответствии с Постановлением администрации Волгоградской области от 29.03.2010 г. №73-п «Об утверждении Правил осуществления в 2010 году расходов областного бюджета на выплату денежного вознаграждения за выполнение функций классного руководителя педагогическим работникам государственных образовательных учреждений Волгоградской области и на предоставление субвенций бюджетам городских округов и муниципальных районов Волгоградской области на выплату денежного вознаграждения за выполнение функций классного руководителя педагогическим работникам муниципальных образовательных учреждений Волгоградской области, источником финансового обеспечения которых являются субсидии из федерального бюджета» до городского округа города-героя Волгограда доведены ассигнования на осуществление выплаты вознаграждения за выполнение функций классного руководителя в 2010 г. Средняя сумма вознаграждения (зависит от наполняемости класса) составляла 879 рублей в месяц.

По второму направлению в 2010 г. в соответствии с Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 5.07.2010 г. №748 «Об утверждении списка победителей конкурса на получение денежного поощрения лучшими учителями» 12 человек муниципальных образовательных учреждений Волгограда получили денежные поощрения в размере 200 тыс. руб-

лей каждое. Также были поощрены и победители конкурсного отбора на звание «Лучший молодой учитель» – 17 педагогов муниципальных образовательных учреждений Волгограда и 1 педагог негосударственного образовательного учреждения, которые получили премии главы администрации Волгоградской области в размере 100 тыс. рублей каждая.

В соответствии с Постановлением главы Волгограда от 28.09.2010 г. №2490 «Об утверждении списка лучших учителей образовательных учреждений – победителей конкурсного отбора среди учителей образовательных учреждений Волгограда в 2010 году для присуждения премий главы Волгограда», в целях социальной поддержки лучших учителей образовательных учреждений Волгограда, повышения престижа профессии педагога, развития качественного образования детей, поощрения за педагогическое мастерство и значительный вклад в образование подрастающего поколения учреждены 20 премий в размере 50 тыс. рублей каждому. Не были забыты и педагоги муниципальных дошкольных образовательных учреждений Волгограда и муниципальных образовательных учреждений для детей дошкольного и младшего школьного возраста – победителей конкурсного отбора среди педагогов муниципальных дошкольных образовательных учреждений Волгограда. В целях поддержки лучших педагогов муниципальных дошкольных образовательных учреждений Волгограда и муниципальных образовательных учреждений для детей дошкольного и младшего школьного возраста Волгограда, реализующих инновационные образовательные программы, педагогические технологии, 50 лучших педагогов данных образовательных учреждений получили премии в размере 50 тыс. рублей каждая.

Образовательный сектор, включающий лучших педагогов дополнительного образования, был также поощрен в лице 50 лучших педагогов, которые были награждены премией в размере 50 тыс. рублей каждая.

Начиная с 2010 г. в Волгограде реализуется Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», направленная на модернизацию и развитие системы общего образования города.

Одним из направлений инициативы «Наша новая школа» является развитие учительского потенциала. В тексте инициативы сказано: «Новая школа – это новые учителя, открытые ко всему новому, понимающие детскую психологию и особенности развития школьников, хорошо знающие свой предмет. Задача учителя – помочь ребятам

найти себя в будущем, стать самостоятельными, творческими и уверенными в себе людьми. Чуткие, внимательные и восприимчивые к интересам школьников, открытые ко всему новому учителя – ключевая особенность школы будущего. В такой школе изменится роль директора, повысится степень его свободы и уровень ответственности». Целью инициативы является совершенствование учительского корпуса.

Для поддержки учительства, привлечения к учительской профессии молодых талантливых творческих учителей школы, педагогов дополнительного образования, педагогов-психологов и распространения передового педагогического опыта в Волгограде эффективно используется система материального и морального стимулирования. Это конкурсы педагогов («Учитель года», «Народный учитель», «Сердце отдаю детям», «Самый классный – классный», «Вожатый года», «Педагогический дебют», «Использование современных образовательных технологий в образовательном процессе»). В 2009/10 учебном году к работе приступили 174 молодых педагога, в том числе 93 учителя, 47 воспитателей, 34 молодых специалиста других категорий.

Необходимо отметить, что с 2007 г. в нашем регионе также реализуются комплексные проекты модернизации образования (далее – КПМО).

Главная цель КПМО заключается в обеспечении всем гражданам, независимо от места жительства, гарантий современного качества бюд-

жетных образовательных услуг. Конкретная цель проекта заключается в обеспечении комплекса системных и институциональных изменений в региональных системах общего образования, включающего: введение новой системы оплаты труда (НСОТ) работников общего образования, направленной на повышение доходов учителей; переход на нормативное подушевое финансирование (НПФ) образовательных учреждений; развитие региональной системы оценки качества образования; развитие региональной образовательной сети; обеспечение условий для получения качественного образования независимо от места жительства; расширение общественного участия в управлении образования.

В 2009 г. 36 МОУ включились в эксперимент по апробации Модельной методики формирования системы оплаты труда и стимулирования работников муниципальных общеобразовательных учреждений Волгограда. Это дало возможность эффективно использовать финансовые ресурсы, направляемые в сферу образования, экономически стимулировать повышение качества образования, а также повысить доходы работников МОУ.

Переход в 2010 г. МОУ Волгограда на новую систему оплаты труда обеспечил возможность увеличения заработной платы учителям в зависимости от качества и интенсивности труда. Рост средней заработной платы педагогических работников МОУ в Волгограде по сравнению с 2008 г. в среднем составил (табл. 3):

Таблица 3

Категория	2008 г.	2009 г.	2010 г.	Рост зарплаты, %
Работник МОУ	7730	10234	10234	132,39
Учитель	10520	14524	14524	138,06
Воспитатель	6070	7500	7500	123,56

Совершенно очевидно, что факт роста средней заработной платы педагогических работников сам по себе не говорит о росте эффективности расходования бюджетных средств, однако, стоит заметить несколько важных факторов, обеспечивающих эту эффективность одновременно с ростом зарплаты:

- уход от уравнилельных принципов в оплате труда (учителя получают заработную плату в зависимости от эффективности и интенсивности труда);
- оптимизация штатных расписаний учреждений и развитие сети общеобразовательных

учреждений (при среднем росте удельных расходов на общее образование в расчете на одного учащегося – 110 % удалось увеличить зарплаты учителей в среднем на 125 % по стране, что свидетельствует о том, что 15 % увеличения зарплат произошло за счет повышения эффективности расходования бюджетных средств);

- учет базовой части фонда оплаты труда всех видов деятельности учителя (в части общеобразовательных учреждений регионов успешно апробирована модель, в которой фиксируется норма рабочего времени учителя – 36 часов в неделю, включая все виды нагрузки учителя).

Это же обеспечило снижение социальной безнадзорности за счет экономического стимулирования перехода на школу полного дня и учителя полного дня;

- увеличение стимулирующей части фонда платы труда до уровня не меньшего 20 % ФОТ;
- обеспечение зависимости размера оплаты труда руководителя школы от среднего размера оплаты труда учителя;
- обеспечение общественного участия в распределении стимулирующей части ФОТ общеобразовательного учреждения.

На сегодняшний день можно утверждать, что соблюдение всех этих ключевых принципов НСОТ в наших муниципальных образовательных учреждениях обеспечило большую дифференциацию заработных плат учителей в зависимости от эффективности их работы.

Однако необходимо отметить, что, как и в случае с российской промышленностью, обновление образования как важнейшей сферы социальной практики общества, ответственной за наследование и расширенное воспроизводство культуры, за «выращивание» самого ценного ресурса процветания страны – компетентного специалиста и гражданина – требует значительных инвестиций.

Бюджет муниципальной отрасли образования Волгограда составляет в среднем около 5,2 млрд. рублей, в том числе 56 % – за счет средств местного бюджета, 44 % – за счет средств вышестоящих бюджетов.

Наибольший удельный вес в объеме бюджетных ассигнований, выделенных Комитету на исполнение бюджетных обязательств, составляют расходы на заработную плату и начисления на оплату труда – более 75 %.

По этим результатам можно утверждать, что наметилась тенденция позиционирования учителей муниципальных образовательных учреждений Волгограда как группы, имеющей доходы на уровне средних по экономике региона. Фактически, для педагогических работников постепенно создаются условия для перехода из группы «новых бедных» в средний класс, их работа перестает быть рутинной, ей возвращается креативный потенциал. Сегодня учителя получают зарплату и за новые образовательные программы, и за методическую работу, и за внедрение инноваций.

Система стимулирования в образовании Волгограда ставит реальный заслон «уроководительству»: те учителя, которые привыкли зарабатывать аудиторной нагрузкой, имея по полторы-две ставки, могут проиграть тем учителям, которые готовы продемонстрировать высокое качество работы, проявленное в достижениях учащихся, грамотно сочетать аудиторную и внеаудиторную нагрузки, вести воспитательную работу.

С точки зрения социологического анализа описанной выше социальной ситуации в системе муниципального образования города Волгограда следует учитывать немаловажный факт, связанный с естественным консерватизмом образовательной системы, ее сопротивлением нововведениям. Субъектами такого сопротивления является, прежде всего, учительский корпус, тяготеющий при любых, не убеждающих его изменениях, к старым, добрым, надежным методикам, способам и средствам обучения, к освещенным веками формам организации образовательного процесса, отношения с обучающимися.

Мотивационная сфера педагога здесь выделяется как связующее звено в профессиональной деятельности, которое обуславливает целенаправленный, сознательный характер действий человека и определяет потенциальные возможности личности.

Методами стимулирования могут выступать – повышение заработной платы (о чем шла речь выше), премии, моральное поощрение, которые наиболее эффективны для видов труда с рутинизированным разделением функций. Однако в педагогической деятельности высок элемент творчества, что связано с удовлетворением, прежде всего духовных потребностей, управлять которыми достаточно сложно. Их реализация во многом связана с атмосферой, складывающейся в коллективе, и тем способом взаимодействия, который выбрала администрация в качестве основного при взаимодействии с подчиненными.

Под «мотивацией» мы понимаем совокупность мотивов, причин социально-психологического характера, объясняющих поведение человека, его начало, направленность и активность. Следовательно, мотивация педагогических работников заключается в формировании мотивов, обеспечивающих их активность в стремлении к повышению качества учебно-воспитательного процесса, профессионального роста, выполнении социального заказа школы, общества и государства. Это предметное поле и легло в основу пилотажного исследования, проведенного на протяжении 2009–2010 гг. специалистами МОУ «Центр повышения квалификации» Волгограда. В нем приняли участие педагогические работники муниципальных образовательных учреждений Волгограда. Все группы испытуемых формировались на основе добровольного согласия к участию в исследовании. Общая выборка исследования составила – 291 педагог. Исследование проводилось в два этапа. Первый – в 2009 г., второй – в октябре 2010 г.

Анализ результатов «Анкеты на определение иерархии мотивов трудовой деятельности педагогов» позволил выявить ядро мотивационной структуры педагогических работников образова-

тельных учреждений Волгограда в условиях перехода к новой системе оплаты труда или «ядро стимулов инновационной активности»: мотивы, основанные на ведущих профессиональных ценностях, социально-нравственные мотивы и мотивы профессиональной и личностной самореализации.

К мотивам, основанным на ведущих профессиональных ценностях, исследователи отнесли: интерес к учащимся, к своей профессии; желание помочь учащимся стать настоящими людьми; сочувствие к отстающим ученикам, желание помочь им; желание заслужить доверие и признание учащихся; желание привить учащимся интерес к поиску новых, оригинальных методов работы.

Определены также мотивы социально-нравственного и профессионального самоутверждения: ответственность перед собой; привычка выполнять любое дело хорошо, добиваться успеха; стремление принести людям больше пользы; желание быть на высоте среди лидеров коллектива; желание полнее выразить себя, быть мастером-педагогом; стремление получить повышение в должности, награду, благодарность в приказ; впечатление от хороших уроков других педагогов; творческая атмосфера в коллективе; желание больше зарабатывать, повысить свой оклад.

Проведенное мониторинговое исследование позволяет сделать вывод о том, что внедрение новой системы оплаты труда педагогов муниципальных образовательных учреждений Волгограда стимулирует рост мотивации к содержанию профессионально-педагогической деятельности, стремление достичь позитивных результатов, самореализации в профессии, что, в свою очередь, спо-

собствует эмоциональной стабильности педагогических работников Волгограда.

Внедрение новой системы оплаты труда педагогических работников, безусловно, способствует повышению внутренней мотивации, основанной на ведущих профессиональных ценностях. Профессиональный мотив в наиболее общем виде выступает как: желание учить и воспитывать детей; желание добиться лучшего усвоения знаний и умений ученика; стремление стимулировать детей к большей активности; желание изучить индивидуальные особенности учащихся; стремление развить творческие способности детей. Для учителей с выраженным профессиональным мотивом характерен поиск инновационных форм и методов работы, осмысление своей деятельности, создание собственных концепций воспитания детей. Характерным для данного вида мотивации является направленность инновационной деятельности учителя на учеников. В каждом уроке такой учитель ищет возможности для личностно-ориентированного обучения.

Следует отметить, что введение инновационных процессов встречает определенное сопротивление участников инноваций. Преодоление сопротивления введению новшеств в образовательных учреждениях Волгограда невозможно без готовности педагогов, их заинтересованности в проводимых изменениях. При этом трудности оказывают стимулирующее влияние, если они актуализируют потенциальные возможности, скрытые резервы личности, а блокирующее влияние связано с приближением к пределу деятельностного потенциала или мотивационных возможностей личности.

УДК 316.77

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА И PR КАК ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНО-ОТВЕТСТВЕННОГО МАРКЕТИНГА

Л. М. Багаева, А. В. Зыгалова

В статье анализируется направленность социальной рекламы и ее продвижение на российском рынке. Для формирования мнения общественности об организации и создания ее высокой репутации специалисты в области PR используют различные социальные инструменты.

Ключевые слова: социальная реклама, социальные инструменты, социально-ответственный маркетинг, брендовые стратегии, социальный маркетинг.

SOCIAL ADVERTISING AND PR AS TOOLS OF SOCIALLY-RESPONSIBLE MARKETING

L. M. Bagaeva, A. V. Zygalova

The article analyzes the direction and promotion of social advertising in the Russian market. professionals in the field of PR use a variety of social tools For the formation of public opinion about the organization and development its high reputation

Keywords: social advertising, social tools, social responsible marketing, brand strategy, social marketing.

В настоящее время в России и за рубежом большое внимание уделяется вопросам места и роли PR и социальной рекламы в жизни общества. При существующих темпах эволюции и развития общества, а также увеличении числа социальных проблем, повышается значимость данных видов коммуникации и ставятся задачи их дальнейшего развития.

Социальная проблематика волнует людей во всех регионах России, образ бизнеса с «человеческим лицом» становится одним из самых привлекательных способов позиционирования на рынке [6. С. 30]. Благотворительная активность компаний-предпринимателей связана в основном с поддержанием положительного имиджа юридического лица, которое уже завоевало стабильное положение на рынке услуг и товаров и признание потребителей, или из гуманистических побуждений [5].

Многие компании сделали социальные и благотворительные программы и кампании частью интегрированной брендинговой стратегии, подчеркивая социально ответственную позицию бренда. Таким образом, идет распространение и внедрение принципов социально-этичного маркетинга в сферу ведения бизнеса.

Отличие социально-этической концепции состоит в том, что компания, помимо удовлетворения нужд, потребностей и запросов покупателей, должна действовать с учетом долговременного блага общества.

К концепции социально-этического маркетинга компании обратились в третьей четверти XX в. Данная концепция была призвана заменить традиционную концепцию маркетинга, в целях

рационализации потребления и экологической защищенности общества от нежелательных процессов производства.

Термин «социальный маркетинг» был впервые использован в 1971 г. Он обозначал попытку применения принципов маркетинга и его техники для содействия решению социальных задач, реализации социальных идей, а также в процессе социальных действий. Именно тогда в сферу деятельности организаций все чаще стало вплетаться решение различных общественных проблем. М. Брун и Дж. Тилмес писали: «Важнее, чем формальные критерии характеристики организации, является ее готовность к решению социальных задач, способность организации инициировать деятельность в области социального маркетинга. Поэтому для оценки значения социального маркетинга необходимо выявить относительное значение постановки социальных вопросов» [12. S. 23].

Эволюция маркетинга и возникновение концепции, нацеленной на сочетание учета интересов производителей, потребителей и общества в целом, обуславливается постепенным повышением степени зрелости рыночного хозяйства, укреплением в нем регулирующих начал и появлением современного социально ориентированного рыночного хозяйства.

Социально ответственный бизнес начинается с признания «капитанами экономики» необходимости целенаправленных усилий по перечисленным ниже направлениям (в реалиях сегодняшней России подобное поведение деловых кругов еще слишком редко, на Западе, при большем распространении норм социально-этического маркетинга, ответственность бизнеса также далеко не общепринята):

- соблюдение законодательства;
- экологическая деятельность как в форме соблюдения природоохранных норм, внедрения ресурсосберегающих и «чистых» технологий, так и взаимодействия с «зеленым движением»;
- серьезные усилия в сфере благотворительности;
- работа на экспорт и импортозамещение;
- решение социальных проблем своих наемных работников и местного сообщества, на территории которого находятся производства и офисы фирмы [9].

Анализируя вышеуказанные направления, следует отметить, что социально-этический маркетинг имеет не просто точки соприкосновения с PR, но и общие цели. PR (связи с общественностью) – управленческая функция, которая призвана устанавливать и поддерживать взаимовыгодные отношения между организацией и общественностью, от которой зависит ее успех, или, наоборот, неудача. PR – это наука управления общественным мнением. Под общественностью обычно понимается внешнее окружение компании в лице клиентов, партнеров, сотрудники компании и прочие объекты.

Существует более 500 определений PR. Если систематизировать все эти определения, то можно выделить несколько точек зрения на интерпретацию данного термина:

1. PR – это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информации.

2. PR – планируемые, продолжительные усилия, направленные на создание и поддержание доброжелательных отношений и взаимопонимания между организацией и ее общественностью (Великобританский Институт общественных отношений).

3. PR – управленческая деятельность, направленная на взаимовыгодные отношения между личностью, организацией и другими людьми, группами людей или обществом в целом посредством распространения и разъяснения материала, развития обмена информацией и оценки общей реакции [10. С. 7].

4. PR – политика и деятельность по распространению гармонии информации о чем-либо или создание благоприятного отношения к человеку, корпорациям, организации.

5. PR – это коммуникативная деятельность, направленная на формирование и поддержание гармоничных отношений между учреждением и общественностью, на основе целенаправленной, оперативной, правдивой и достаточной информации.

Основной целью ведения деятельности PR организацией является создание внешней и внут-

ренней социально-политико-психологической среды, благоприятной для успеха организации, обеспечение необходимого поведения этой среды в отношении фирмы. Деятельность PR в организации может вестись по нескольким направлениям, ориентированным на различные группы ответственности (широкую или местную общественность) или на достижение конкретных целей (формирование имиджа организации, преодоление кризиса). Основными сферами, или направлениями деятельности PR являются: работа со средствами массовой информации, или СМИ (отношения с широкой общественностью), отношения с потребителями, отношения с партнерами, отношения с местной общественностью, отношения с занятыми, отношения с государством и местными органами управления, отношения с инвесторами (финансовые PR), управление кризисом (антикризисный PR).

Условиями, определяющими действенность PR-сообщений, являются: ориентация на социальные и психологические особенности воспринимающей аудитории, ясность, простота, краткость и убедительность текста.

Для формирования мнения общественности об организации и создания ее высокой репутации специалисты в области PR используют различные инструменты. К ним относятся:

1. Работа со СМИ. Основными видами работы в данной области являются:

- заявление – краткий документ, призванный объявить или объяснить позицию одной или нескольких организаций по какому-либо вопросу;
- информационный бюллетень выпускается с определенной периодичностью или по мере необходимости, сообщает внутренней и внешней общественности новости организации;
- кварталный информационно-аналитический отчет описывает внутрикорпоративные события, изменения во внешних связях, показывает открытость организации;
- биографическая справка предназначена для информирования заинтересованной аудитории о биографии политиков, бизнесменов, общественных деятелей;
- приглашение на PR-мероприятие – документ, содержащий приглашение на выставку, пресс-конференцию, юбилейное торжество и т. п. В нем содержится личное обращение, дата, время и место проведения, повод, программа, список всех участников.

В работе со СМИ используются такие виды текстовых сообщений, как пресс-релиз, бэкграунд, авторская статья, обзорная статья и другие.

2. Фото- и видеоматериалы. Данные материалы используются для:

- сопровождения новостных релизов;
- иллюстрации в фирменных изданиях;
- использования их в процессе презентации;
- иллюстрации статей во внешних изданиях;
- использования их в виде рассказов в фотографиях. Например, фотоотчет о каком-либо мероприятии на сайте организации;
- иллюстрации PR-материалов (видеоматериалы, листовки, буклеты, постеры, истории компаний, годовые отчеты, руководства по пользованию и технические отчеты). Хорошие PR-материалы могут использоваться для продажи и рекламных целей, а также вкладываться для прямой почтовой рассылки;
- оформления передвижных выставок и переносных стендов для семинаров, мероприятий для представителей прессы и других подобных событий.

3. Публичные выступления.

4. Специальные события. К широко используемым в практике PR-акциям или специальным событиям можно отнести:

- выставки, ярмарки, фестивали;
- встречи, семинары, «круглые столы», конференции, съезды, симпозиумы, конгрессы;
- годовщины, юбилеи, знаменательные даты;
- специальные премии, конкурсы;
- дни открытых дверей, экскурсии по предприятию;
- митинги, публичные дебаты, тематические вечера;
- банкеты, фуршеты;
- соревнования, викторины;
- парады, конкурсы красоты;
- спонсорские премии, благотворительные вечера, создание благотворительных и просветительских фондов;
- приемы, балы, презентации, кинофестивали;
- выезды на природу;
- церемонии открытия новых строительных площадок, закладки первого камня в фундамент;
- визиты заслуженных и выдающихся людей, церемонии встреч и проводов;
- отчеты о разрешении проблем, оглашение результатов опросов общественного мнения, социологических исследований;

- церемонии открытия фестивалей, спартакиад и других масштабных мероприятий;
- оглашение новых назначений на ответственные посты;
- провозглашение нового политического курса, программ, изменений в политическом курсе, программах деятельности;
- любительские соревнования;
- встречи с известными спортсменами, коллективное посещение музеев, выставок, концертов, театральных спектаклей;
- встречи с выдающимися людьми, церемонии раздачи автографов;
- участие в общественных мероприятиях, благоустройстве парков, улиц, детских площадок и др.;
- празднования государственных, национальных, религиозных праздников;
- мероприятия по чествованию дат истории и культуры других стран и народов [4. С. 89].

Связи с общественностью в рамках социального маркетинга – это деятельность, сочетающая элементы менеджмента и социальных технологий, способствующая успеху бизнеса и удовлетворению социальных потребностей. СО-приемы используются на всех этапах работы с товаром или услугой. Уже на стадии замысла учитываются пожелания и замечания потребителей. В производстве же принимаются в расчет не только интересы потребителя, но и необходимость выполнения госзаказа, экспортной деятельности, импортозамещения, выпуска товаров для социально незащищенных групп населения. Необходимо отметить тот факт, что при взаимодействии с потребителем личные контакты наиболее надежны. К наиболее распространенным формам установления долгосрочных контактов с клиентом относятся:

- дни открытых дверей;
- опросные анкеты, вложенные в упаковку или предложенные посетителю магазина и офиса;
- прием клиентов топ-менеджментом и ответственными специалистами;
- взаимодействие с потребителями по различным коммуникационным каналам;
- создание так называемого «офиса претензий», целенаправленно учитывающего даже незначительные пожелания и жалобы клиента;
- создание базы данных постоянных клиентов, содержащей различную информацию.

Социально ответственный бизнес подразумевает неразрывность экономических принципов существования компании и ее социальной ответственности перед обществом. На практике это означает выделение компаниями различных ресурсов на поддержку социально значимых об-

ластей, с целью формирования среды для развития бизнеса и создания благоприятного общественного мнения о компании. Последнее – очень важно, так как это добавление определяет отличие корпоративной благотворительности от любой другой: здесь важна связанность со стратегией компании, четкость механизмов выделения средств. На Западе корпоративная благотворительность рассматривается как неотъемлемая составляющая PR. В наиболее крупных и развитых компаниях России ситуация аналогична. В качестве примера можно назвать РОСБАНК, у которого существует Грантовая программа «Новый день», осуществляемая Банком совместно с Детским фондом ООН (ЮНИСЕФ) с 1999 г. «Новый день» – это грантовый конкурс среди государственных и общественных организаций, оказывающих помощь детям. В течение трех лет в рамках Программы были поддержаны 123 проекта, в которых использовались различные виды искусства в реабилитации детей-инвалидов, воспитании трудных подростков, решении проблем детей, переживших стресс, насилие, испытывающих трудности в семье. Поддержку также получили программы помощи одаренным детям, организации спортивной реабилитации детей-инвалидов и спортивных секций для трудных подростков. Общий бюджет Программы за время ее существования составил 465,5 тыс. долл. США. Действие Программы распространялось на Москву и основные российские регионы с центрами в Краснодаре, Липецке, Норильске, Омске, Перми, Томске, Туле, Хабаровске, Южно-Сахалинске, Улан-Удэ.

Таким образом, ключевым инструментом (социальной технологией) PR-активности фирмы является социальная реклама.

Реклама социальной ответственности бизнеса является одним из значимых тематических блоков современной социальной рекламы, наряду с рекламой определенного образа жизни и моделей поведения.

Реклама в этой концепции должна быть ответственна за результаты труда перед обществом в повышении его благосостояния и развития, защите окружающей среды, эффективно оптимизировать благотворительные возможности и прибыльность бизнеса, подчеркивая индивидуальность марки среди конкурентов [2. С. 57].

Например, страховая компания «Россия» спонсировала кампанию ГУВД Москвы по пропаганде телефонного номера «02». Интерес милиции состоял в том, чтобы перевести звонки с дежурных частей на этот единый номер. Своей цели она достигла: за полгода число звонков на него увеличилось с 6000 до 20000 в день. Однако страховая компания добилась не менее впечатляющих результатов. Согласно исследованию, проведен-

ному компанией «Эспар-Аналитик», более 50 % респондентов ассоциировали рекламу службы «02» со страховщиком [7. С. 79].

Бизнес активно и осознанно использует социальную рекламу для создания образа социально ответственного бизнеса и, как прямое следствие, повышения своей капитализации. (Phillip Morris: кампания против курения; AVON – предотвращение рака груди; Liz Claiborne – домашнее насилие над женщинами; Motorola – домашнее насилие, Pilot Pen – кампания о СПИДе; ЮКОС – программа «Федерация Интернет-образования», благотворительность и пр.) [8].

Иногда образцы коммерческой рекламы отчасти способствуют достижению социальных целей (Росбанк: «Россия. Новый век. Росбанк») [1].

И в России, и за рубежом участники рынка ставят перед собой похожие цели при разработке и распространении социальной рекламы. Основными задачами в данном случае выступают: позиционирование компании как социально ответственной, продвижение собственных продуктов/услуг. Но, к сожалению, в России, по сравнению с зарубежьем, наблюдается меньший процент компаний, нацеленных на долгосрочные отношения и задающихся вопросами социальной ответственности бизнеса. Часто компании ставят единственную цель – увеличение прибыли, мало задумываясь о проблемах общества. В данном случае социальная реклама служит инструментом оптимизации налогового бремени.

Согласно Закону «О рекламе», производство, размещение и распространение социальной рекламы является платным и производится на основе договора. Однако на практике социальная реклама может быть бесплатной для рекламодателя. В этом случае осуществляемая на безвозмездной основе деятельность юридических и физических лиц по производству и распространению социальной рекламы признается благотворительной деятельностью [11. С. 99].

Спонсоров привлекает то, что, экономя 80–90 % рекламного бюджета, они получают результат, как при коммерческом размещении.

По закону о рекламе владельцы щитов и других наружных носителей должны ежемесячно предоставлять 5 % своих площадей под информацию социальной направленности. Социальный рекламодатель не платит ни за что, кроме разработки дизайн-макета и работ по монтажу и расклейке рекламы. Однако и эти расходы предлагается оплатить спонсорам, которым законом позволено занимать 10 % от общей площади под свой логотип. Желающих находится немало. Почти в 70 % случаев социальная реклама имеет спонсора [6. С. 29].

Таким образом, на сегодняшний день самым популярным инструментом социально ответственного маркетинга является спонсорство или благотворительность, в то время как в мировой практике уже давно используются более эффективные инструменты, позволяющие обеспечить вовлеченность конечных потребителей. Одним их первопроходцев стала компания American Express, которая по собственной инициативе объявила о том, что каждые 10 центов с любой клиентской операции по картам будут направляться в специальный фонд на реставрацию статуи Свободы. Всего за четыре месяца было набрано 1,7 млн. долл., при этом количество использованных карточек выросло почти на треть, а количество обращений за новыми картами – почти в два раза. В России также начали появляться подобные программы. Например, совместная акция V Международного фестиваля «Богема Джаз» и Всемирного фонда дикой природы (WWF), когда с каждого проданного билета перечисляется по одному доллару на поддержку программы WWF «Живая природа» [3. С. 85].

Но необходимо отметить и то, что проблема социальной ответственности российского бизнеса пока не стала предметом серьезного и глубокого изучения. Отечественные научные публикации в данной области, хотя и стали появляться в последние годы, все же крайне малочисленны. Это особенно очевидно на фоне того огромного внимания, которое уделяется развитию социально ответственного предпринимательства во многих зарубежных странах. Опыт развития этих стран показывает, что систематическое и глубокое изучение этических аспектов развития предпринимательства является необходимым звеном в исследовательской практике всех специалистов, стремящихся серьезно взаимодействовать с «реальным» бизнесом [8].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что развитие PR и социальной рекламы в рамках

социально ответственного маркетинга, способствуют значительному укреплению позиций компании на рынке, путем формирования положительного имиджа организации.

Библиографический список

1. *Андряшкин, С.* Компаративный анализ российского и зарубежного опыта социальной рекламы [Электронный ресурс] / С. Андряшкин. – Режим доступа. – http://student.km.ru/ref_show_frame.asp
2. *Васильев, Г. А.* Основы рекламной деятельности [Текст]: учеб. пособие для вузов / Г. А. Васильев, В. А. Поляков. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 414 с.
3. *Вольнова, Е.* Модное понятие «Внутренней PR» [Текст] / Е. Вольнова // Персонал-микс. – 2006. – № 7–8.
4. *Джефкинс, Ф.* Паблик рилейшнз [Текст]: учебное пособие для вузов / Ф. Джефкинс, Д. Ядин; пер. с англ. под ред. Б. Л. Еремина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 400 с.
5. Комментарий к ФЗ «О рекламе» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prozakon.su>
6. *Николайшвили, Г.* Добрая воля + PR: фокусы социальной рекламы [Текст] / Г. Николайшвили, Д. Поляков // Деньги и благотворительность. – №3. – 2004.
7. *Николайшвили, Г.* Социальная реклама: что это такое [Текст] / Г. Николайшвили // Деньги и благотворительность. – 2004. – № 3.
8. *Паршенцева, Н.* Социальная Реклама [Электронный ресурс] / Н. Паршенцева. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Article/pars_h_soc.php
9. Социально ответственный бизнес и социально-этический маркетинг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dvo.sut.ru/libr/soirl/i218guse/4.htm>
10. *Уэбстер, Н.* Новый международный словарь [Текст] / Н. Уэбстер. – М.: Ваклер, 2000. – 526 с.
11. *Щекова, Е. Л.* Социальная реклама: основные понятия [Текст] / Е. Л. Щекова // Маркетинг в России и за рубежом. – 2003. – №5.
12. *Bruhn, M.* Social Marketing [Text] / M. Bruhn, J. Tilmes // Einsatz des Marketing für nichtkommerzielle Organisationen. – Stuttgart: W. Kohlhammer GmbH & Co., 1994.

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

УДК 316.722

КРИЗИС И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Д. Р. Яворский

В статье дается интерпретация эсхатологии как программы поведения социокультурной системы в экстремальных условиях; выявляются две эсхатологические стратегии: стратегия прохождения через точку катастрофы и стратегия отсрочки катастрофы; показаны три способа репрезентации этих стратегий: мифологический, календарный и монетарный.

Ключевые слова: эсхатология, кризис, катастрофа, календарь, отсрочка, различение, социокультурная система, цивилизация, кредит, финансы.

CRISIS AND THE ESCHATOLOGICAL STRATEGIES OF CIVILIZATIONS

D. R. Javorsky

In this paper the interpretation of eschatology as the programm of sociocultural systems behaviour in extreme conditions is given. Two eschatological strategies are explicated, namely the strategy of passage through a moment of catastrophe and the strategy of delay of a moment of catastrophe. Then the three ways of representation of these strategy are shown: mythology, a calendar and finance.

Keywords: eschatology, crisis, catastrophe, calendar, delay, difference, sociocultural system, civilization, credit, finance.

Ситуация кризиса актуализирует размышления над поведением социокультурных систем (цивилизаций) в экстремальных условиях. Это поведение далеко не исчерпывается техническими решениями в социальной, экономической и политической областях, принимаемыми группами экспертов, ибо эти решения возникают и реализуются в контексте глубинных и зачастую неосознаваемых или осознаваемых лишь отчасти культурных кодов, мыслительных установок. Среди них одно из центральных мест занимают эсхатологические представления, которые являются, в сущности, набором принципов поведения социокультурной системы в экстремальных условиях.

Для развёртывания дальнейших рассуждений следует учесть, что в современном словоупотреблении понятие эсхатологии сильно заужено, оно сведено к религиозно-мифологическим представлениям о финальной катастрофе, гибели социального и природного мира. Эсхатология рассматривается, по преимуществу, как плод фантазии, разгоряченной религиозными переживаниями, спонтанный выброс бессознательных архетипов. В сознании современного человека эсхатологические представления, разумеется, существенно видоизмененные, помещаются в зону фантастического, невероятного; и тем самым исключаются из сколько-нибудь серьезного рассмотрения.

В дальнейшем будет показано, что такое понимание и позиционирование эсхатологии само по себе является составной частью определенной эсхатологической стратегии. Пока же достаточно отмежеваться от узкой и фантастической трактовки эсхатологии.

Итак, эсхатология (от греч. *έσχατος* – крайний, последний, предельный, отдаленный и *λόγος* – слово, знание, наука) – это учение о конечном состоянии мира. Однако едва ли создателями эсхатологий двигало стремление к праздным футуристическим фантазиям, тем более желание парализовать волю к действию демонстрацией неотвратимости гибели. При анализе эсхатологических стратегий нужно руководствоваться презумпцией целесообразности, функциональности. Скорее всего, эсхатологии возникали как реакция на вызовы, бросаемые социокультурным системам и, не в последнюю очередь, вызовы вполне прогнозируемые, ожидаемые, вызовы, связанные с энтропией социокультурной целостности.

В самом деле, даже непродолжительный социальный опыт показывает, что всякое сообщество проходит жизненный цикл от первоначального энтузиазма до упадка, выраженного в обесценивании ценностей, обострении внутренних противоречий, ослаблении социальных связей, взаимном недоверии, недовольстве, социальной апатии или в стремлении к разрушению. Неотвратимость этого про-

цесса, замеченная, по всей видимости, еще на ранней стадии истории, побудила к поиску способов прохождения этой критической точки.

Однако процесс социальной энтропии всегда был не до конца прозрачен и обозрим для контролирующей рациональности из-за высокого уровня спонтанности поведения как индивида, так и социума. Поэтому с момента осознания этой проблемы предлагались различные способы репрезентации этого процесса, позволяющие сделать его хотя бы отчасти наглядным. Выбирается эталонный процесс, при посредстве которого можно было бы наблюдать закономерности жизни социума, прогнозировать его будущие состояния и даже управлять ею.

Исторически первой была мифологическая репрезентация. Она описывала динамику социокультурной системы при помощи символики жизни и смерти, а сама социокультурная целостность олицетворялась различными богами. То или иное божество репрезентировало эгрегориальную структуру, внутри которой возникают солидарные связи и которая индуцирует мотивацию к совместной и социально значимой деятельности. Поэтому всякое сообщество – род, племя, гражданская община, народ – имело своего бога или духа покровителя.

Динамика социокультурной системы описывалась через превратности жизни богов. Поэтому в политеистических мифологиях боги хоть и называются «бессмертными», но рождаются, взрослеют и даже старятся и умирают или погибают. В мифе о гибели богов или пагубном вмешательстве бога-разрушителя социокультурная система как бы заглядывала в собственное трагическое будущее и стремилась его заклясть. Уже на этой стадии осмысления социальной энтропии просматриваются две основные эсхатологические стратегии: стратегия прохождения через точку катастрофы и стратегия постоянной отсрочки катастрофы.

Первая стратегия кодируется при помощи мифа об умирающем и воскресающем божестве. В сущности, это попытка описать процесс прохождения социокультурной системы через точку катастрофы, когда энтропийные процессы достигают своего предела (эсхатона), губя эту систему, но затем определенным образом происходит ее регенерация.

Практической реализацией этой эсхатологической стратегии были ритуалы жертвоприношения. Поэтому неслучайно все мифы и религиозные учения о смерти и воскрешении бога содержат символику жертвы. Жертвоприношение – это, в сущности, способ прохождения общества через критическую точку, способ преодоления

катастрофы через временное и контролируемое, хотя бы отчасти, погружение в нее, когда *смерть*, согласно известной христианской литургической формуле, *попирается смертью*. Именно в этом ключе ритуал жертвоприношения проанализирован Рене Жиаром: жертвоприношение есть способ сбрасывания внутренней агрессии, накопление которой подошло к критической точке [1; 2]. Смерть определенной части целостности избавляет саму эту целостность от окончательной и полной гибели. Аналогами ритуала жертвоприношения, в этом смысле, являются: война, революция, реформа. Все они, даже война и революция, в определенной мере программируются субъектами политического действия, а вовсе не являются спонтанным выплеском накопившихся противоречий. В большинстве исторических события такого характера очевиден или, по крайней мере, угадывается сговор конфликтующих сторон. В виде явной политической технологии эта стратегия была реализована в маоистской «культурной революции», когда государственная власть открыто инспирировала революционные беспорядки ради снятия противоречий, накопленных в обществе, в целом и в политической элите, в частности.

Альтернативная первой, эсхатологическая стратегия отсрочки, допуская неотвратимость смерти системы, лелеет, тем не менее, надежду на возможность постоянного ее отсрочивания. Ритуально-магически этой отсрочки добиваются путем симуляции распада социальных порядков перед лицом бога катастрофы. Такой смысл имели ритуалы в честь Сатурна в Древнем Риме – так называемые «сатурналии», представляющие собой аналог карнавального действия. При этом участники верили, что они в очередной раз отодвинули катастрофу в будущее.

Примечательно, что такую эсхатологическую стратегию (стратегию отсрочки) использовала цивилизация, существовавшая преимущественно за счет привлечения внешних ресурсов, а не мобилизации собственных. Именно военный захват рабов и богатств обеспечивал ту самую отсрочку, которую вымаливали римские жрецы у Сатурна. Разумеется, здесь нельзя редуцировать религию к тривиальной политике. Захват богатств без ритуальной поддержки вряд ли мог бы обеспечить Римской империи такую жизнеспособность. Но нельзя игнорировать исторический урок, преподнесенный ее гибелью, он наглядно показывает, что эсхатологическая стратегия отсрочки имеет определенные условия своего существования.

Мотив отсрочки занимает важное место в библейских повествованиях. Вступая в договорные отношения с человеком или избранным

народом, Бог далеко не сразу исполняет взятые на себя обязательства, даже если вторая сторона свои выполнила. Этот мотив присутствует в повествовании об Аврааме: Бог откладывал исполнение обещания многочисленного потомства. Также он обнаруживается в рассказе об освобождении еврейского народа Моисеем из Египта: Бог долгое время откладывает исполнение завета об обетованной земле.

Особое значение мотив отсрочки принимает в связи с ожиданием мессии. Еврейская культура одновременно и живет в ожидании пришествия мессии, и стремится отсрочить это событие, отмечая всех исторически известных претендентов на эту роль и вырабатывая все новые интерпретации мессианских пророчеств. При этом ответственность за отсрочку ложится на Бога. Христианство, как и другие радикальные мессианские течения, стало отрицать эту отсрочку, допустив возможность катастрофы. Иисус в Евангелиях неоднократно говорит о разрушении Иерусалимского храма как о неминуемом событии, санкционированном Богом. Однако, преодолев все мессианские кризисы (христианство, саббатизм и проч.), иудаизм сделал выбор в пользу эсхатологической стратегии отсрочки.

Мессианство становится достоянием христианской религии (кстати, само название «христианство» указывает на ярко выраженный ее мессианский характер). Собственно, нормативное отношение христиан к исторической катастрофе предписывает жить в «последние времена», т. е. в условиях исторического финала. Поэтому значительная часть истории христианского мира насыщена эсхатологическими ожиданиями. Лишь начиная с эпохи Реформации предпринимаются попытки осуществить принципиальную перекодировку христианской эсхатологии со стратегии катастрофы на стратегию отсрочки.

Второй способ репрезентации социальной динамики связан с обращением к астрономическим процессам и реализуется в календаре [3; 4; 5]. Суть такой репрезентации состоит в ассоциировании непрозрачных социальных процессов с астрономическими циклами. Будучи «посаженной» на календарь динамика общественных процессов, в том числе и динамика энтропии, представляется наглядной. С появлением календарей возникает и специфическая эсхатология. Основанием для появления календарно-астрономической эсхатологии становится сравнительно быстро открытая несоотнесенность друг с другом астрономических процессов, лежащих в основе календарных циклов. Любая попытка математически согласовать различные астрономические циклы, используемые календарем, какой-либо регулярности обречена

на неудачу – рано или поздно, расхождения между календарем и астрономическими явлениями становились видимыми. Эта погрешность в условиях подчинения социальных ритмов астрономическим воспринималась как опасный сбой, стимулирующий возникновение эсхатологических представлений.

Было выработано два способа разрешения этой проблемы. Во-первых, высчитывались крупные астрономические циклы, по истечении которых возникшая погрешность погашалась сама собой. Во-вторых, использовалась практика периодических или произвольных вставок в календарь – «эмболизм» (от греч. εμβολή – вбрасывание, вставление). Первое решение вписывается в эсхатологическую стратегию прохождения через катастрофическую точку и привязывает эсхатологические ожидания к определенной календарной дате. Второе соответствует эсхатологической стратегии отсрочки.

Например, древнеегипетский Сотический год состоял ровно из 365 дней, и каждые четыре года его наступление (1 день месяца Тота) запаздывало на 1 день по сравнению с началом астрономического года. Таким образом, разница между календарными показаниями и астрономическими наблюдениями ежегодно накапливалась. Период расхождения календаря и картины звездного неба продолжался 1460 лет, образуя так называемый Великий год Древнего Египта. По истечении этого периода начала календарного и астрономического годов совпадали и цикл расхождения возобновлялся. Великий год регулировал катастрофические ожидания египтян, концентрируя их на моменте завершения Великого года и снимая эсхатологическое напряжение в другие календарные периоды.

Но в момент прохождения критической точки необходимо было предпринять нестандартные (соответствующие нестандартности календарной ситуации) меры, замещающие собой механизм жертвоприношения. В истории Древнего Египта смена эр сопровождалась грандиозной религиозной реформой фараона Аменхотепа IV (Эхнатона), попытавшегося заменить традиционный политеизм монотеистическим культом бога солнечного диска Атона. Несмотря на то что эсхатологический энтузиазм реформаторов не дал долгосрочных результатов, Египет прошел через критическую точку, в целом сохранив культурную идентичность и получив новый пассионарный толчок, обеспечивший этой цивилизации еще почти тысячелетнюю историю [6. С. 225].

Несмотря на появление линейного образа времени в иудео-христианской религиозной традиции, принципы организации календаря не пре-

терпели существенных изменений. Развертывание истории как череды неповторимых провиденциальных событий накладывалось на вполне традиционную циклическую модель календарного времени. Принятый первым Вселенским собором 325 года христианский календарь был основан на лунно-солнечных циклах – так называемых Великих индиктионах или Миротворных кругах, равных 532 годам [5]. Особое символическое значение имела библейская хронология, ассоциировавшая повествование о семи днях творения с семью тысячелетиями истории рода человеческого.

Насколько важны и эсхатологически заряжены были эти календарные циклы и периоды свидетельствуют древнерусские летописные сообщения XV в. В 1408 г. завершился очередной Миротворный круг; согласно византийской хронологии, принятой на Руси, в 1491 г. истекали 7000 лет от сотворения мира; пасхалии были рассчитаны только на 84 года вперед. Лишь созыв церковного собора в Москве в 1492 г. позволил снизить накал эсхатологической тревоги, охватившей общество [5. С. 96–97]. И даже, несмотря на это, следующий XVI в. стал временем религиозной экзальтации, причем не только для Руси (достаточно упомянуть в этой связи опричнину), но и для Западной Европы, охваченной реформаторским движением и религиозным расколом. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в западнохристианском мире в это время начинает активно обсуждаться возможность календарной реформы, которая бы позволила исключить повторение таких мощных эсхатологических всплесков.

Когда христианский календарь, с его пасхальными циклами, утратил свое значение, на первый план вышли «круглые» даты – рубежи веков и тысячелетий. Хорошо известно, как накалено было русское общество на рубеже XIX и XX столетий и как удачно легли инициативы организаторов Русской революции на эту эсхатологическую волну. Однако сравнительно вялая реакция на наступление 2000 г. (называемый «Миллениум») показала, что всплески социально-политической активности уже слабо коррелируют с календарными циклами. Лишь на периферии массовой культуры маячат в качестве разовых медийных сенсаций различные прорицания «конца света».

Альтернативная описанной, стратегия отсрочки реализуется в виде календарных вставок – «эмболизм». Эмболизмы используются во многих календарях, для того, чтобы либо погасить разницу между символически безупречным количеством дней в году или месяце и реальными

астрономическими циклами, либо для того, чтобы ликвидировать накопившуюся календарную погрешность. Типичный пример – календарная реформа Папы Григория XIII, который буллой 1582 г. повелел опустить десять дней (с 4 по 14 октября), чтобы совместить церковный и астрономический годы, а также установил новый принцип распределения високосных годов так, чтобы существенно замедлить дальнейшее накопление разницы между этими годами. В сущности, григорианская календарная реформа изменила сам принцип организации календаря, отменив ожидание самопогашения погрешности. Исторически введение Григорианского календаря было ответом на всплеск эсхатологических ожиданий, сопровождавших Реформацию; с ее помощью Католическая церковь пыталась сбить волну роста протестантизма.

То, что в Новое время не фиксируется всплесков эсхатологических ожиданий, сопоставимых по масштабам со средневековыми и связанных с календарем, свидетельствует о том, что проблема была решена: европейская цивилизация восприняла эсхатологическую стратегию отсрочки. Частью этой стратегии является экзотизация эсхатологии, превращение ее в фантастический курьез, не достойный серьезного обсуждения, в средство развлечения, как это происходит в коммерческом кинематографе, или в медийных сенсациях.

В современном мире тревоги и надежды коллективных субъектов фетишизируются в монетарной сфере. Монетаризм и манипуляции макроэкономическими показателями в большой политике, биржевые сводки в средствах массовой информации, привязка благополучия к «минимальному размеру заработной платы» или к «стоимости потребительской корзины» – все это красноречиво свидетельствует о том, что функция репрезентации динамики социокультурных систем переходит к финансам. Поэтому и эсхатологические стратегии выражаются теперь на языке макроэкономики, биржевых индексов и финансовых отчетов.

Связь социокультурной динамики и процессов обмена ценностями и ценностными эквивалентами была замечена, по-видимому, в античности. Еще Аристотель обратил внимание на субъективные причины финансово-экономического неблагополучия общества, прежде всего на накопление богатств путем изъятия денег из оборота и превращения их в сокровища. Не исключено, что возникновение развитых эсхатологий было продиктовано стремлением осмыслить кризисы именно в процессе денежного обращения, ведь оно, как и другие формы социальных коммуникаций, подвержено энтропии и периодически нуждается в обновлении, перезапуске.

Накопление системных ошибок в сфере финансового обращения может преодолеваться как путем перезагрузки всей системы (путь контролируемой катастрофы), так и путем отсрочки катастрофы. Первая стратегия реализуется при помощи денежной реформы, сопряженной с риском обесценивания накоплений, процедуры банкротства или, наоборот, аннулирования долговых обязательств. Перезагрузка кредитно-финансовой системы осуществляется также путем революций, гражданских или межнациональных войн. В этой связи примечательно то, что две мировые войны, пережитые значительной частью человечества в XX в., последовали сразу за мировыми финансово-экономическими кризисами.

Стратегия отсрочки была апробирована вскоре после изобретения денег. Снижение содержания драгоценного металла в монете – порча монеты – один из самых распространенных в древности способов отсрочки краха финансовой системы. Аналогом «порчи монеты» является необеспеченная эмиссия кредитных обязательств, которая, по существу, есть ни что иное, как отсрочка оплаты по долгам, реструктурирование долговых обязательств.

Переход к эсхатологической стратегии отсрочки в европейской культуре теоретически фундирован постмодернизмом. Адепты постмодернизма подвергли критике модернистский финализм, как тотализирующий принцип, ответственный за ужасы XX в. Взамен предлагается принцип различия (difference). То есть постоянного избегания окончательного отождествления означающего с означаемым, знака со смыслом, знания с реальностью. Претензии на окончательное знание, на пребывание в «моменте истины» ниспровергаются не просто как несостоятельные, но и как опасные, чреватые насилием с позиции истины (о содержании концепта «различие», введенного Ж. Деррида, см. [7. С. 22–24]). Вразумительная культурологическая критика этого понятия дана А. С. Панариным [8. С. 207–208].

Этой антитоталитарной риторикой обосновывается своеобразная финансово-экономическая стратегия – стратегия уклонения от решающей оценки активов. Наиболее показательный пример такой стратегии – открепление валютного курса от золотого эквивалента. Отныне не существует окончательного мерил стоимости валют. Их стоимость определяется путем соотношения разных курсов, а валютные манипуляции национальных и интернациональных финансовых организаций управляют этим соотношением. В такой си-

туации субъекты экономической деятельности не способны адекватно оценить реальную стоимость валюты, ибо таковой и нет.

Сходным образом стратегия отсрочки реализуется в крупной кредитной политике. США занимаются постоянным реструктурированием своего национального долга путем перманентного наращивания кредитных обязательств, в расчете, что все их кредитные обязательства не будут предъявлены к оплате сразу. Оплата по долговым обязательствам будет бесконечно отсрочиваться. В тени этой стратегии оказывается экспансионистский характер цивилизации, использующей стратегию отсрочки, ибо эта стратегия связана с привлечением внешних ресурсов для жизнеобеспечения социокультурной системы. Как в случае с Римской империей, которая отсрочивала катастрофическое явление Сатурна путем военного захвата рабов и богатств соседних народов, в случае с США отсрочка катастрофы финансовой системы обеспечивается готовностью других стран предоставлять неограниченные кредиты США, приобретая долговые обязательства этой страны. Причем в этой стратегии видят средство преодоления мирового финансово-экономического кризиса.

Исторический опыт подталкивает к сомнению в долгосрочности этой стратегии. Не усугубляет ли отсрочка масштаба неотвратимой и неконтролируемой катастрофы? Возможно, мировое сообщество, использующее эсхатологическую стратегию отсрочки, ставит себя в ситуацию, которую апостол Павел выразил так: «Сам себе собирает гнев на день гнева» (Рим. 2: 5).

Библиографический список

1. *Жирар, Р.* Насилие и священное [Текст] / Р. Жирар. – М., 2000.
2. *Жирар, Р.* Козел отпущения [Текст] / Р. Жирар. – СПб., 2010.
3. *Климишин, И. А.* Календарь и хронология [Текст] / И. А. Климишин. – М., 1990.
4. Календарь в культуре народов мира [Текст]. – М., 1993.
5. *Зелинский, А. Н.* Конструктивные принципы древнерусского календаря [Текст] / А. Н. Зелинский // Контекст. 1978: Литературно-теоретические исследования. – М., 1978.
6. *Розеншток-Хюсси, О.* Язык рода человеческого [Текст] / О. Розеншток-Хюсси. – М.–СПб., 2000.
7. *Автономова, Н.* Деррида и грамматология [Текст] / Н. Автономова. – М., 2000.
8. *Панарин, А. С.* Искушение глобализмом [Текст] / А. С. Панарин. – М., 2002.

УДК 338.246.025.2

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СТАБИЛЬНОСТИ И УСТОЙЧИВОСТИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНА: ОПЫТ В ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В. В. Малышева, О. В. Глазунова

В связи с кризисными явлениями в мировой экономике проблема совершенствования системы государственного финансового контроля становится все более актуальной. В настоящей статье анализируется процесс реализации возложенных на Территориальное управление Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Волгоградской области полномочий в контексте обеспечения национальной безопасности страны путем защиты финансовых интересов государства, а также повышения эффективности деятельности, ставятся задачи на следующий финансовый год.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, реализация полномочий в установленной сфере деятельности, результативность и эффективность использования бюджетных средств, нарушения бюджетного законодательства, представление о ненадлежащем исполнении бюджетного процесса, предписание по устранению нарушений бюджетного законодательства Российской Федерации, эффективность финансового управления, модернизация экономической составляющей региона, необходимость достижения заданных результатов, органы и агенты валютного контроля, Общественный совет, профессиональная компетентность государственных гражданских служащих.

ENSURING STABILITY AND SUSTAINABILITY IN THE DEVELOPMENT OF THE REGION: EXPERIENCE IN THE ORGANIZATION OF STATE FINANCIAL CONTROL IN THE VOLGOGRAD REGION

V. V. Malysheva, O. V. Glazunova

In connection with the crisis in the global economy, the problem of improving the system of state financial control is becoming increasingly important. This article analyzes the process of implementation the powers of Territorial administration of Federal service for financial and budgetary oversight in the Volgograd region in the context of national security by protecting the financial interests of the state as well as improving the efficiency of the activity, the tasks are created for the next financial year.

Keywords: state financial control, implementation of the authorities in the established sphere of activity, effective and efficient use of budgetary funds, violations of budget legislation, the idea of the proper performance of the budget process, the order to eliminate violations of budget legislation of the Russian Federation, the effectiveness of financial management, modernization of the economic component of the region, need to achieve desired results, authorities and agents of foreign exchange controls, Public Council, professional competence of civil servants.

В современной России предпринимаются последовательные шаги для решения стратегической цели – повышения эффективности государственного управления, строгого соблюдения гражданскими служащими законности, предоставления ими качественных услуг населению и обеспечения права граждан на объективную информацию. Данные меры актуализируют в ряду первоочередных задач, решение которых способствует повышению эффективности государственных расходов, и организацию системы государственного финансового контроля в субъектах Российской Федерации.

Организация контроля полноты формирования и своевременности поступления государственных доходов, а также за законностью и эффективностью использования бюджетных средств и распоряжением государственной собственностью является одним из главных приоритетов современной экономической политики Российского государства. Строгий и действенный контроль призван обеспечить предоставление обществу объективной информации об использовании госу-

дарственных финансовых ресурсов, что, в свою очередь, предполагает и повышение ответственности органов власти за законность и эффективность финансового управления на территории конкретного субъекта РФ.

Государственный финансовый контроль, с одной стороны, призван обеспечить национальную безопасность страны путем защиты финансовых интересов государства, с другой стороны, направлен на законное, рациональное и эффективное использование государственных и муниципальных финансовых и материальных ресурсов, выявление правонарушений в экономической сфере с целью их дальнейшего предупреждения. Контроль результируется в выявлении нарушений, а его полнота и качество напрямую зависят от четкости формулировок в нормативных правовых актах: а) с определением содержания конкретного вида нарушений; б) установления в каждом правовом акте ответственности за его невыполнение с определением санкций, адекватных ущербу, нанесенному в результате неправомерных действий или бездействия должностных лиц.

На настоящем этапе развития российского общества сложилась определенная структура органов государственного финансового контроля, позволяющая осуществлять предварительный, текущий и последующий контроль использования средств бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ. Отметим к этому, что в соответствии с Положением о Федеральной службе финансово-бюджетного надзора, утвержденным постановлением Правительства РФ от 15.06.2004 г. №278 [6], Федеральная служба финансово-бюджетного надзора является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере, функции органа валютного контроля, а также функции по внешнему контролю качества работы аудиторских организаций, определенных Федеральным законом от 30.12.2008 г. №307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» [4].

Федеральная служба финансово-бюджетного надзора осуществляет свою деятельность непосредственно и через свои территориальные органы во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями. В соответствии с Положением о Территориальном управлении Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Волгоградской области (далее – Управление), утвержденным приказом Росфиннадзора от 28.06.2006 г. №62 [8], Управление является государственным органом, находящимся в подчинении Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, и осуществляет функции по контролю и надзору в финансово-бюджетной сфере и функции по валютному контролю на территории Волгоградской области.

Территориальное управление Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Волгоградской области в целях обеспечения стабильности социально-экономической ситуации и устойчивости экономического развития в регионе осуществляет контроль и надзор по следующим конкретным направлениям:

- за использованием средств федерального бюджета, средств государственных внебюджетных фондов, а также материальных ценностей, находящихся в федеральной собственности;
- за соблюдением резидентами и нерезидентами (за исключением кредитных организаций и валютных бирж) валютного законодательства РФ, требований актов органов валютного регулирования и валютного контроля, а также за соответствием проводимых валютных операций условиям лицензий и разрешений;

- за соблюдением требований бюджетного законодательства Российской Федерации получателями финансовой помощи из федерального бюджета, гарантий Правительства РФ, бюджетных кредитов, бюджетных ссуд и бюджетных инвестиций;

- за исполнением органами финансового контроля федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления законодательства Российской Федерации о финансово-бюджетном контроле и надзоре.

Управлением в 2010 г. проведено 209 ревизий и проверок, в том числе в учреждениях – получателях средств федерального бюджета и наделенных правом использования федеральной собственности – 88 ревизий (проверок). Общее количество получателей средств федерального бюджета в Волгоградской области по состоянию на 1 января 2010 г. составляет 449, на 1 января 2011 г. – 381. Ревизиями и проверками охвачено 80 получателей средств федерального бюджета или 18 % от общего количества получателей средств федерального бюджета. В целом за 2010 г. Управлением проверено использование средств федерального бюджета на сумму 10197037,9 тыс. рублей.

В результате этих проверок выявлено нарушений бюджетного законодательства РФ на сумму 3003971,1 тыс. рублей, в том числе в использовании средств федерального бюджета – 2512334,3 тыс. рублей; федерального имущества – 61,5 тыс. рублей; средств федеральных государственных внебюджетных фондов – 1169,5 тыс. рублей; средств областного бюджета – 401732,3 тыс. рублей; средств муниципального бюджета – 21330,4 тыс. рублей; средств, полученных учреждениями от приносящей доход деятельности – 56726,1 тыс. рублей. Сумма нарушений, связанных с нецелевым использованием бюджетных средств, составила 1271,3 тыс. рублей.

В соответствии со ст. 289 Бюджетного кодекса РФ [1] нецелевое использование бюджетных средств, выразившееся в направлении и использовании их на цели, не соответствующие условиям получения указанных средств, определенным утвержденным бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным правовым основанием их получения, влечет наложение штрафов на руководителей получателей бюджетных средств в соответствии с Кодексом РФ об административных правонарушениях, изъятие в бесспорном порядке бюджетных средств, используемых не по целевому назначению, а так-

же при наличии состава преступления уголовные наказания, предусмотренные Уголовным кодексом РФ.

Следует отметить, что по фактам нецелевого использования средств федерального бюджета и федеральных государственных внебюджетных фондов на общую сумму 207,8 тыс. рублей Управлением составлено 26 протоколов об административных правонарушениях и вынесено 26 постановлений о назначении административного наказания в виде административного штрафа на общую сумму 608,0 тыс. рублей. Кроме того, по поступившим от органов прокуратуры двум постановлениям о возбуждении производства по делам об административных правонарушениях, Управлением вынесено два постановления о назначении административного наказания в виде административного штрафа на сумму 8,0 тыс. рублей. В 2010 г. за нецелевое использование средств федерального бюджета и федеральных государственных внебюджетных фондов взыскано штрафов на сумму 680,6 тыс. рублей, в том числе: по результатам проверок прошлых лет на сумму 196,6 тыс. рублей; по результатам проверок, проведенных в 2010 г., на сумму 484,0 тыс. рублей.

Согласно ст. 34 Бюджетного кодекса РФ, принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств или достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств.

Управлением в 2010 г. установлено неэффективное использование денежных средств и материальных ресурсов на сумму 22985,3 тыс. рублей, в том числе по средствам федерального бюджета – 16367,0 тыс. рублей, по средствам областного бюджета – 4704,6 тыс. рублей; по средствам, полученным учреждениями от приносящей доход деятельности, – 1913,7 тыс. рублей.

Неэффективное использование материальных ресурсов заключается и в том, что длительное время не используется имущество. Заметим, также, что в нормативных правовых актах РФ отсутствует определение неэффективного использования материальных ресурсов (денежных средств), а также его критерии. К неэффективному использованию денежных средств, однако, с учетом сложившейся практики можно отнести:

- использование средств федерального бюджета на проведение ремонтных работ объекта основных средств, который не эксплуатируется;

- направление средств федерального бюджета на оплату услуг по поставке тепловой энергии в кабинеты, которые не используются;

- при заключении договоров с поставщиками коммунальных услуг не учтены средства, поступающие от приносящей доход деятельности, в рамках возмещения коммунальных расходов.

Сумма нарушений в части порядка закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд составила 33095,6 тыс. рублей.

Выявлен был ряд нарушений ст. 242 Бюджетного кодекса, Порядка завершения операций по исполнению федерального бюджета в текущем финансовом году, утвержденного приказом Минфина России от 06.06.2008 г. №56н, в части использования остатка средств федерального бюджета; излишне выплачена заработная плата и допущены другие нарушения действующих законодательных и нормативных правовых актов на общую сумму 28026,2 тыс. рублей. Нарушения ведения бюджетного учета и искажение отчетных данных в суммарном исчислении составили 1049437,2 тыс. рублей. Приняты бюджетные обязательства сверх доведенных лимитов бюджетных обязательств за счет средств федерального бюджета на сумму 47730,4 тыс. рублей. Сумма нарушений правил ведения кассовых операций составила 3418,5 тыс. рублей.

Конкретные нарушения установлены и в части порядка учета федерального имущества и списания федеральной собственности без согласования с Территориальным управлением Федерального агентства по управлению федеральным имуществом в Волгоградской области на сумму 1560874,6 тыс. рублей. Например, не представлены в ТУ Росимущества в Волгоградской области для внесения в реестр федерального имущества карты сведений об объектах учета федерального имущества, числящегося, по данным бюджетного учета, по состоянию на 1 января 2009 г., а также сведения о поступлении и выбытии в 2009 г. федерального имущества. Кроме того, учреждения списывается имущество до соответствующего распоряжения ТУ Росимущества в Волгоградской области.

В результате применения всех форм устранения нарушений законодательства РФ всего устранено нарушений и взыскано штрафных санкций на сумму 540893,0 тыс. рублей.

В 2010 г. в целях деятельности по обеспечению социально-экономической стабильности и эффективности государственного финансового контроля Управлением в адрес руководителей бюджетных учреждений – нарушителей бюджетного законодательства РФ было внесено 112 представлений и 1 предписание по устранению нарушений

по ведению бюджетного учета. Учреждениями рассмотрено и исполнено в установленном порядке 94 представления и 1 предписание. По внесенным Управлением предписаниям и представлениям к дисциплинарной ответственности привлечено 95 должностных лиц, к материальной ответственности – 29 должностных лиц.

По результатам ревизий и проверок в органы прокуратуры и правоохранительные органы Волгоградской области передано 126 материалов ревизий и проверок на сумму установленных нарушений – 3000525,9 тыс. рублей. За допущенные нарушения законодательных и нормативных правовых актов в финансово-бюджетной сфере по материалам 50 ревизий и проверок органами прокуратуры в адрес учреждений внесено 50 представлений, предостережений и протестов, возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 293 «Халатность» Уголовного кодекса РФ [3].

В 2010 г. Управлением в рамках контроля за соблюдением валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования проведена 181 проверка предприятий и организаций, в том числе 9 плановых проверок по централизованным заданиям Росфиннадзора, 172 внеплановых проверки. Из общего количества проведенных внеплановых проверок 165 проведено на основании информации Центрального банка Российской Федерации, формируемой в соответствии с Положением о порядке передачи уполномоченными банками информации о нарушениях лицами, осуществляющими валютные операции, актов валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования, утвержденным Центральным банком РФ от 20.07.2007 г. №308-П [9], четыре проверки проведено на основании сведений, поступивших от Федеральной таможенной службы России, по одной проверке – на основании информации, поступившей от ГУВД по Волгоградской области, по обращению физического лица и по инициативе работника отдела (непосредственное обнаружение) правонарушения.

Должностными лицами Управления было возбуждено также 265 дел об административных правонарушениях по ст. 15.25 Кодекса РФ об административных правонарушениях [2]. Составлено 203 протокола об административных правонарушениях, на основании которых вынесено 176 постановлений о назначении административного наказания. Предъявлено штрафных санкций по вынесенным постановлениям на общую сумму 4298,0 тыс. рублей. В доход федерального бюджета поступило штрафов на сумму 8954,0 тыс. рублей за нарушение валютного законодательства РФ и актов органов валютного регулирования. Всего по состоянию на 1 января 2011 г.

по администрируемым Управлением кодам доходов в доход федерального бюджета поступило 10623,0 тыс. рублей.

Управлением в целях повышения эффективности осуществления полномочий в установленной сфере деятельности:

- заключены Соглашения о порядке взаимодействия с прокуратурой Волгоградской области, Следственным управлением Следственного комитета при Прокуратуре РФ по Волгоградской области, Главным управлением внутренних дел по Волгоградской области, Главным управлением Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий по Волгоградской области, Управлением Федерального казначейства по Волгоградской области, Территориальным управлением Федеральной антимонопольной службы по Волгоградской области, Волгоградской таможней Южного таможенного управления Федеральной таможенной службы, Управлением Федеральной налоговой службы по Волгоградской области, Управлением Федеральной службы судебных приставов по Волгоградской области;

- разработаны методические рекомендации по проведению ревизий и проверок финансово-хозяйственной деятельности учреждений оборонного комплекса; учреждений образования; территориальных управлений федеральных органов исполнительной власти; по проведению проверок поступления и использования доходов от сдачи в аренду имущества, находящегося в федеральной собственности; порядка ведения бюджетного учета в бюджетных учреждениях; по проведению проверок исполнения валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования, а также по проверке целевого использования средств федерального бюджета, выделенных на капитальное строительство.

С целью повышения эффективности контрольной работы органов валютного контроля на территории Волгоградской области Управлением в 2010 г. проведено совещание по теме: «Вопросы взаимодействия органа и агентов валютного контроля на территории Волгоградской области». Совместно с представителями уполномоченных банков, участниками внешнеэкономической деятельности Волгоградской области организовано и проведено совещание на тему: «Взаимодействие органов и агентов валютного контроля с участниками внешнеэкономической деятельности в части предупреждения правонарушений».

Управление осуществляет системное взаимодействие с органами государственного (муниципального) финансового контроля, созданными органами исполнительной власти (местными

администрациями муниципальных образований), а именно с Комитетом бюджетно-финансовой политики и казначейства администрации Волгоградской области и Комитетом финансового контроля администрации Волгограда.

Кроме того, с целью обеспечения согласования общественно значимых интересов граждан РФ, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления при решении наиболее важных вопросов в области государственного финансового контроля в Управлении создан Общественный совет, в состав которого входят не только практики, но и ученые – преподаватели высших учебных заведений Волгоградской области, в частности, ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы».

Целью деятельности Общественного совета является коллективная выработка рекомендаций для принятия решений, а также согласование общественно значимых интересов граждан РФ, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов в области государственного финансового контроля.

Авторы статьи убеждены, что профессиональная компетентность государственных гражданских служащих – залог существования сильной и развитой России. Эта компетентность складывается не только из качества выполнения должностных обязанностей, но также включает в себя характеристики личности и особенности ее социального взаимодействия с представителями других профессий, по роду своей занятости связанными с исполнением бюджетного и валютного законодательства РФ в учреждениях образования, науки, здравоохранения, социальной защиты, правоохранительной сферы, оборонного комплекса и др. Качество исполнения труда и продуктивное деловое общение в совокупности составляют индивидуальный характер профессионализма работника и определяют общий потенциал его профессионально-личностного развития.

С целью развития системы профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников территориальных управлений Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в субъектах РФ в ТУ Росфиннадзора в Волгоградской области – в единственном территориальном управлении Росфиннадзора создан Центр повышения квалификации. Работа Центра повышения квалификации положительно отражается на качестве контрольных мероприятий, проводимых органами Росфиннадзора, и эффективности деятельности территориальных органов Федеральной службы финансово-бюджетного надзора.

В целях активизации деятельности особо отметим и то, что Управлением определены следующие перспективные задачи на 2011 г.:

1) усиление контроля качества контрольной деятельности как в сфере бюджетного, так и в сфере валютного контроля;

2) взаимодействие с правоохранительными органами, органами государственного (муниципального) финансового контроля, агентами валютного контроля Волгоградской области при исполнении полномочий в установленной сфере деятельности;

3) повышение квалификации государственных гражданских служащих Управления;

4) осуществление мероприятий по реализации Ведомственной антикоррупционной программы Федеральной службы финансово-бюджетного надзора.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Законы. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федер. закон [принят Гос. Думой 31.07.1998 г.] // Консультант Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru
2. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон [принят Гос. Думой 30.12.2001 г.] // Консультант Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru
3. Российская Федерация. Законы. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [принят Гос. Думой 13.06.1996 г.] // Консультант Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru
4. Российская Федерация. Законы. Об аудиторской деятельности: федер. закон [принят 30.12.2008 г.] // Консультант Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru
5. Российская Федерация. Правительство. Административный регламент исполнения Федеральной службой финансово-бюджетного надзора государственной функции по осуществлению контроля и надзора за соблюдением законодательства Российской Федерации в финансово-бюджетной сфере при использовании средств федерального бюджета, средств государственных внебюджетных фондов, а также материальных ценностей, находящихся в федеральной собственности: приказ Минфина России: [принят 04.09.2007 г.] // Консультант Плюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Российская Федерация. Правительство. Положение о Федеральной службе финансово-бюджетного надзора: постановление Правительства РФ [утверждено 15.06.2004 г.] № 278 // Консультант Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru
7. Российская Федерация. Правительство. Положение о территориальных органах Федеральной службы финансово-бюджетного надзора: приказ Министерства финансов РФ [утвержден 11.07.2005 г.] № 89н // Консультант Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru
8. Российская Федерация. Правительство. Положение о Территориальном управлении Федеральной служ-

бы финансово-бюджетного надзора в Волгоградской области: приказ Росфиннадзора [утвержден 28.06.2006 г.] № 62 // Консультант Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru

9. Российская Федерация. Правительство. Положение о порядке передачи уполномоченными банками информации о нарушениях лицами, осуществляющими валютные операции, актов валютного законодательства Российской Федерации и актов органов валютного регулирования: положение Банка России [утверждено 20.07.2007 г.] №308-П // Консультант Плюс. – Режим доступа: www.consultant.ru

10. Агапцов, С. А. Государственный финансовый контроль и бюджетная политика Российского государства [Текст] / С. А. Агапцов. – М.: Финансовый контроль, 2004. – 264 с.

11. Быстряков, А. Я. Реформа государственного финансового контроля в Российской Федерации (вопросы теории и практики) [Текст] / А. Я. Быстряков. – М.: РАГС, 2003. – С. 21.

12. Воронин, Ю. М. Государственный финансовый контроль: вопросы теории и практики [Текст] / Ю. М. Воронин. – М.: Финансовый контроль, 2005. – 432 с.

13. Глазунова, О. В. Усиление взаимодействия субъектов государственного финансового контроля в Российской Федерации [Текст]: автореф. ... канд. экон. наук / Глазунова О. В. – Волгоград, 2008.

14. Малышева, В. В. Профессиональная компетентность государственных служащих: оценка и развитие [Текст]: монография / В. В. Малышева, Л. И. Салыхова, Т. В. Черникова; под ред. Т. В. Черниковой. – М.: Глобус, 2009. – 272 с.

УДК 323.15

УДИНЫ КАК ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р. А. Данакари

В статье анализируются проблемы защиты прав этнических и национальных меньшинств в мире, межнациональных отношений в России. В центре исследования – удины как специфическая этническая группа, происхождение и история, вопросы эмиграции и социального бытия, их роль и место в формировании новой исторической общности – российского народа.

Ключевые слова: этническая группа, удины, национальный вопрос, национальная политика, миграция, диаспоры, межэтнические отношения.

UDI ETHNIC GROUP: FACTORS OF DEVELOPMENT AND INTER-ETHNIC RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

R. A. Danakari

This article analyzes the problem of protecting the rights of ethnic and national minorities in the world, relations between ethnic groups in Russia. In the centre of studies of UDI as a specific ethnic group, its origins and history, emigration and social being, their role and place in the formation of a new historical society – the Russian people.

Keywords: ethnic group, UDI, national question, national policies, migration, diaspora, inter-ethnic relations.

За последние десятилетия в мире значительно возрос интерес к истории этнического бытия народов, постижению природы и сущности больших и малых этносов, специфике «национального вопроса» и межэтнических отношений. Значительную актуальность приобрели многочисленные проблемы существования наций и этносов, естественной и искусственной ассимиляции и аккультурации, идеи «плавильного котла» и мультикультурализма, вопросы сохранения цивилизационного и культурного разнообразия народов, их этнической идентичности, традиций и обычаев.

В условиях непрерывно меняющейся повседневности в центре внимания науки и социальной практики оказались национальная или этническая политика государства, вопросы прав человека и прав народов на самоопределение, которые будоражат умы, волнуют сотни миллионов людей на всех

континентах, требуют поиска адекватного решения. Они объективны и правомерны в условиях современного типа глобализации, разрушающего традиционные общества, основы жизнедеятельности и духовные ценности.

Конституция Российской Федерации закрепляет никогда ранее не практиковавшуюся в стране модель соотнесенности человека и государства. Плюрализм мнений сформировал в российской науке и социуме широкий спектр мнений в отношении моделей общественной эволюции и развития человека. В основном они касаются двух социальных теорий. Первая связана с возникшей в эпоху античности и детально разработанной философами Нового времени теории естественного права с приоритетом прав человека на жизнь, свободу, равенство и собственность. Странники другой точки зрения преимущественно отдают теории все-

могущества государства, защищают необходимость жесткой централизации, вертикали власти. Оба концептуальных подхода находятся в состоянии диффузии и направлены на модернизацию социума и изменение сознания россиян. Борьба между представителями указанных социальных теорий отражается как на жизни общества и деятельности государства, так и всей социальной практике и законодательстве.

Как известно, в 1948 г. Организация Объединенных Наций приняла Всеобщую Декларацию прав человека. С 1993 г. основные права и свободы наших граждан закреплены в Конституции Российской Федерации. Современная Россия признала приоритетность данного международно-правового документа, что обеспечивает правовой статус россиян наравне с жителями развитых западных стран.

Сегодня малые этносы или национальные меньшинства как граждане России являются объектом и субъектом государственной национальной политики, которая определяется с позиций, признаваемых мировым сообществом принципов защиты основных прав и свобод человека и гарантий равенства и отсутствия дискриминации. В соответствии с принятой ООН в 1992 г. Декларацией о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, они обладают особыми правами в дополнение к общепризнанным правам человека. Например, к нему Декларация относит: защиту со стороны государства национальной, этнической, культурной, религиозной и языковой идентичности и самобытности (ст. 1); право пользоваться собственной культурой, исповедовать свою религию и использовать свой язык в частной и общественной жизни (ст. 2.1); право участвовать в культурной, религиозной, социальной, экономической и общественной жизни (ст. 2.2); право участвовать при принятии решений, затрагивающих меньшинства на общенациональном и региональном уровнях (ст. 2.3); право создавать и осуществлять деятельность собственных объединений (ст. 2.4); право создавать и поддерживать контакты с другими членами их группы и с людьми, принадлежащими к другим меньшинствам, как в своей стране, так и за пределами государственных границ (ст. 2.5).

Все изложенные права меньшинств государство должно защищать и гарантировать следующими средствами: 1) создавать благоприятные условия, позволяющие лицам, которые принадлежат к меньшинствам, выражать особенности и развивать культуру, язык, традиции и обычаи; 2) предоставлять им соответствующие возможности для изучения родного языка или создавать систему обучения на их родном языке; 3) содействовать в изучении истории, традиций, языка и культуры

меньшинств, живущих на территории страны, и в то же время обеспечить возможность доступа к знаниям и культуре сообщества в целом; 4) предоставлять им возможность участвовать в экономическом прогрессе и развитии страны в целом; 5) учитывать законные интересы меньшинств в осуществлении национальной политики и программ, а также в планировании и реализации программ сотрудничества и помощи; 6) сотрудничать с другими государствами в вопросах, касающихся меньшинств, включая обмен информацией и опытом в целях сохранения взаимопонимания и доверия.

Сегодня Российская Федерация соблюдает принятые на себя международные обязательства по отношению к этническим и национальным меньшинствам. Разработана Концепция государственной национальной политики, целью которой является создание условий для социальной и правовой защищенности прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям. Конституция страны требует формирования в Российской Федерации реального демократического, социального и правового государства. Содержание национальной политики заключается в учете этнического фактора и строительстве подлинного федеративного многонационального государства.

В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации признаются противоречия между государством и национальными меньшинствами. В числе важнейших задач государства, требующих решения, Концепция признает необходимость обеспечения политической и правовой защищенности малых этносов и национальных меньшинств.

Рассмотрев универсальные вопросы прав человека и гражданина, проанализировав основные международные документы, касающиеся защиты прав национальных и этнических меньшинств, хотелось бы ознакомить читателей непосредственно с удины (кем является и автор этих строк) как этнической группой, их историей и современным социальным бытием.

Естественно, что возникают вопросы: кто такие удины? Каково их происхождение (этногенез), как формировалась их история и сложилась судьба? Какую историческую роль играли удины на геополитической карте Кавказа как субъекты мирового развития? Когда оказались в составе Российской империи? Где они сегодня живут и сколько их в Российской Федерации?

Удины (самоназвание уди) – один из древнейших коренных этносов Кавказа, аборигенный народ Азербайджана. Значительные сведения об их истории, расовых и антропологических характеристиках, происхождении, территории, эконо-

мике, языке, культуре, традициях, быте, охватывающих период примерно в 25 веков, имеются в сохранившихся древних и средневековых письменных источниках разных народов мира. Все метаморфозы истории Азербайджана: вторжения древних персов, античных греков и римлян, арабов и монголов, а затем турок и других захватчиков, особенно события XX в., оказали решающее влияние на жизнь и судьбу всего удинского народа [2–5; 11; 14].

Большинство археологов, историков и лингвистов относят их к представителям дагестанской группы кавказских языков [1; 2–5; 8; 11; 15]. С 50-х гг. XX в. удины стали русскоязычными, что оказало в условиях распада СССР решающую роль при переселении части из них на территорию России. Согласно переписи 2002 г., в республиках, краях и областях Российской Федерации проживает более 2 тыс. 700 удин. Среди них есть ученые, писатели, врачи, юристы, инженеры, строители, бизнесмены и представители других профессий. Подробные сведения об истории, языке, культуре, традициях, праздниках, быте удин содержатся в энциклопедии «Народы России» [7; 15].

Возвращаясь к истории, отметим, что в античную эпоху (V в. до н.э. – V в. н.э.), когда существовали Древняя Греция, а затем и Римская империя, на территории Закавказья и Дагестана активно функционировало древнее государство – Кавказская Албания. Удины являлись одним из главных этносов, по свидетельствам древних и средневековых источников, мнению современных российских и зарубежных ученых-кавказоведов.

О предках современных удин (утиях), упоминает в своих трудах Геродот (V в. до н.э.), когда рассказывает о Марафонской битве (греко-персидская война – 490 г. до н.э.). Он указывает, что в составе XIV сатрапии персидской армии воевали и солдаты утиев [6].

Как отмечалось ранее, удины являются одним из древнейших и коренных этносов Кавказа, проживающих и ныне на территории Азербайджана. Многочисленные сведения о них содержатся в книгах древних персидских летописцев и античных историков Греции и Рима, в средневековых арабских источниках (Ал-Истахр, ал-Мукаддаси, Масуди, Ибн-Хаукаль и др.). В трудах античных авторов Фукидида, Страбона, Плиния, Апполония Родосского, Полибия, Тацита, Клавдия Птолемея, Плутарха, Азия Квадрата и других рассказывается об истории, языке, культуре, религии удин [1; 14; 17; 19].

В Кавказской Албании удины занимали широкий ареал своего расселения, в том числе и территорию современного Нагорного Карабаха. Как сообщают античные историки, удины участвовали на стороне персидского царя Дария III в битве при Гавгамелах, боролись против экспансии империи Александра Македонского. Через несколько сто-

летий, как сообщается в «Географии» Страбона, на берегах реки Куры стремились противостоять могущественным римским легионам полководцев Лукулла, Помпея и Марка Антония [17]. Стратегическое положение Закавказья, в том числе и территории Азербайджана, на протяжении всей всемирной истории превратило их в арену, поле бесконечных ожесточенных битв, сражений, войн между великими империями Востока и Запада. Нашествие персов, римлян, византийцев, арабов, монголов, войск Тамерлана, а затем русско-иранские и русско-турецкие войны изменили радикально историю и судьбу всех закавказских народов. Изменилась географическая карта и этнический состав населения, трансформировались языки, культуры, религии, обычаи, традиции, быт [14].

Все эти драматические и трагические события оказали решающее влияние на дальнейшую судьбу одного из древнейших государств Закавказья – Кавказскую Албанию. Первые века новой эры стали эпохой социально-экономического и культурного развития Кавказской Албании. Отметим, что удины одними из первых в Закавказье приняли христианство. Развивается культура, возводятся культовые сооружения, появляется письменность, литература, поэты и писатели, строятся школы, создаются книги религиозного и светского содержания, переводится Библия. Появляется Албанская Автокефальная (самостоятельная) церковь, которая существовала почти до середины XIX в. [11; 14; 19].

Обширные сведения об удилах оставил в своей «Истории албан» средневековый летописец Моисей Каланкатуйский (Утийский). Распространение христианства на территории Кавказской Албании традиция связывает с событиями I в. н.э, с именем ученика апостола Фаддея – апостола Елисея, рукоположенного первым иерусалимским патриархом – апостолом Иаковым. Как свидетельствует Моисей Каланкатуйский, он прибыл из Иерусалима в Кавказскую Албанию, начал проповеди Благой Вести, т. е. Евангелия. Построил в селении Гис (в настоящее время село Киш Шекинского района Азербайджана) первую в Закавказье христианскую церковь. Несмотря на мученическую смерть апостола Елисея, учение Христа получает здесь широкое распространение. Через некоторое время христианство становится государственной религией в Кавказской Албании [12].

В VIII в. начинаются завоевания Арабского халифата в Закавказье. Они привели к падению Албанского царства как единого государства, исламизации населения, постепенному разрушению христианских святынь, уничтожению культуры, письменных источников. Начинается долгий и тяжелый период денационализации и деэтнизации этноса, процессы арменизации, грузинизации и тюркизации удин. Однако в течение целого тыся-

челетия знать и высшее духовенство предпринимали неоднократные попытки возродить единое Албанское государство, культуру, вернуть территории, восстановить статус языка, традиции. Только в эпоху Средневековья на территории Нагорного Карабаха возникают лишь отдельные мелкие княжества (меликства). Среди исторических документов сохранилось обращение удин за помощью к Петру I как главе Российской империи. В конце правления императрицы Екатерины II князь Потемкин разработал проект о возрождении Албанского царства, но восшествие на престол Павла I предало эту идею забвению.

В первых десятилетиях XIX в., в результате русско-иранской войны, Северный Азербайджан (территория бывшей Кавказской Албании) оказался в составе Российской империи. В 1836 г. произошло одно из самых драматических событий в религиозной жизни удин. По высочайшему повелению императора Николая I и решению Святейшего Синода было ликвидировано патриаршество и упразднена Албанская Автокефальная церковь, все было передано Эчмиадзину, уже ставшему на Кавказе новым религиозным центром армян.

В начале XX в. Армяно-григорианская церковь, с разрешения Святейшего Синода Московской патриархии, уничтожила в числе старых архивов и архив древней Албанской церкви, с целью сокрытия следов албанской культуры и литературы. В результате были сожжены и уничтожены древние летописи и старинные книги, утеряна хозяйственная утварь и огромные ценности, прерван культурный и религиозный опыт нескольких тысячелетний. Словом, безвозвратно потерял огромный пласт духовной культуры удин, древние и средневековые исторические и литературные памятники, традиции богослужения, особый язык, память веков – «жизненный мир» людей, система ценностей, обряды, обычаи [14].

Уже к XIX–XX вв. осталась относительно небольшая часть удин, знающих родной язык, сохранивших этническую идентичность. Однако, несмотря на активные процессы естественной и искусственной ассимиляции, аккультурации, на весь драматизм и трагизм своего многотысячелетнего исторического бытия, они смогли сохранить свой язык, культуру, традиции и обычаи. После развала Российской империи, потрясений и трагических событий Гражданской войны, в 1922 г. удины из села Варташен (ныне г. Огуз), в количестве 400 человек, покинув Азербайджан, переселились в Грузию. За прошедший период живущие там переселенцы подверглись значительной ассимиляции, потеряли свой язык, традиции и обычаи, почти влились в грузинский этнос.

Хочется отметить, что многоязычие удин является уникальным феноменом истории их этнического бытия. Знание языков народов Закавказья

было обычным явлением. С 1875 г. в Елизаветпольской губернии Российской империи, на территории нынешней Азербайджанской Республики, начинает работать первая православная удинско-русская школа. В XIX–XX вв. удины учились на армянском, азербайджанском и русском языках. Со второй половины прошлого столетия они стали русскоязычными. Однако удинам за многие тысячелетия территориальной и этнической экспансии со стороны многих империй и государств удалось остаться на своей исконной территории, сохранить культуру: язык, религию, свою самобытность, самосознание, этноним (самоназвание).

По мнению многих ученых, в том числе и доктора исторических наук, профессора Фариды Мамедовой из Баку, роль и значение удин в истории народов Закавказья и Дагестана, особенно Азербайджана, подобна роли кельтов в жизни и формировании англосаксонской и французской наций. В своей книге «Кавказская Албания и албаны» Ф. Мамедова пишет, что удины, являясь одним из древних и автохтонных народов Кавказа, прямыми потомками античных албан, в числе прочих, стали предками азербайджанского народа и этносов Дагестана. Их язык относится к кавказской языковой семье, дагестанской группе. Алфавит состоит из 52 букв, лексика изобилует словами из древних языков разных народов. С 1836 г., уже в составе Российской империи, удины, лишённые церковной обители, вынуждены были терпеть все невзгоды и лишения. Однако до наших дней удалось сохранить родной язык и религиозные корни. Их судьба не имеет аналогов в истории христианства [7; 14].

Ярким примером может быть драматическая история и судьба семьи русского религиозного философа XX в. Павла Флоренского, мать которого была из Карабаха, древнего албанского аристократического рода. Философу стоило больших усилий узнать что-либо о прошлом своей матери, о ее родовых корнях, ибо на это было наложено табу [14]. Он одним из первых отмечает в своих записях, что Карабах является исторической родиной удин. Он на протяжении всей жизни старался найти свои древние корни, о чем свидетельствуют и сохранившиеся письма из лагерей [21].

Возвращаясь к современной истории удин, отметим, что в конце прошлого столетия повторилась этническая трагедия начала XX в., но теперь уже это было связано с распадом Советского Союза. Начало карабахского конфликта и трагические события 1988–1990-х гг. заставили еще одну часть удин, но уже нового поколения, живущих в Азербайджане, покинуть историческую родину и переехать в страны СНГ.

Сегодня удины компактно, в количестве около 5 тыс. человек, проживают в многонациональном поселке Нидж Габалинского района Азербайджанской Республики. В поселке функционирует

несколько русских и азербайджанских школ, действуют социальные и культурные объекты, имеется множество магазинов и пунктов торгового, хозяйственного и бытового назначения. Активно работает Удинская культурно-просветительская община, которая объединяет всех односельчан и тех удин, которые живут в Баку, а также в других городах и районах Азербайджана.

Удины, которые живут в поселке Нидж, поддерживает тесную связь со своими родными, земляками, живущими в России, ее республиках, краях и областях, а также в других странах СНГ и дальнем зарубежье. Удинские диаспоры существуют в Волгоградской и Ростовской областях, в Краснодарском крае, Екатеринбурге, Таганроге, Сургуте, Шахтах, Ульяновске. Несколько десятков семей удин живет и работает в Центральной России: Калуге, Москве и Санкт-Петербурге. Достаточно многочисленная община удин проживает в Республике Казахстан, в городе Актау (бывший г. Шевченко), а также в Украине – Донецке, Харькове, Горловке и др.

В мае 2006 г. в поселке Нидж произошло событие всемирно-исторического значения. При поддержке государственных органов, депутатов парламента, научной и культурной общественности Азербайджана, а также Норвежской Гуманитарной Ассоциации, после реставрации, там открылась средневековая удинская церковь. Она была освящена служителями Бакинской епархии Русской православной церкви. Началось возрождение Албанской православной церкви. В настоящее время удины, проживающие в Азербайджанской Республике, стремятся активно участвовать в формировании многонационального азербайджанского народа и внести свою лепту в строительство независимого демократического государств [9].

Касаясь проблемы исследования удинского языка, отметим, что он привлекает внимание ученых с начала XIX в. В 1863 г. А. А. Шифнер на основе словаря удина Георгия Бежанова издает «Удинско-немецкий словник». В 1891 г. в Санкт-Петербурге был издан объемистый научный труд А. В. Старчевского «Кавказский толмач», в котором содержится перевод 1756 удинских слов. В нем также дан краткий очерк истории удинского языка. Фонетикой, морфологией, лексикой удинского языка стали заниматься А. М. Дирр («Грамматика удинского языка», 1903) и многие другие. В 1939 г. появилась работа А. Боуда. Удинский язык изучали такие ученые, как Ю. Клапрот, Рих. Эркерт, Э. Эйхвалд, А. Дирр, А. Шегрен, А. Шифрен, К. Боуд, В. Панчвидзе, Ив. Джавахашвили, Е. Джейранишвили, Ф. и М. Джейранашвили, М. Бежанов, Арн. Чикобава, Г. Ворошил, Г. Климов, Г. Кечаари [6]. В настоящее время исследованием истории, языка, лексики, культуры удин занимаются ученые стран Запада и СНГ: Жил Отье, Бернанд Утье, Вольфганг

Шульц, Заза Алексидзе, Ядвига Петрусинска, Тариль Сихарулидзе, Джонатан Ким и Дж. Клифон и другие [2–5; 8; 13; 16; 22; 23].

В исследовании и дешифровке древних албанских (удинских) источников значительные усилия приложили советские и западные ученые. В их числе И. В. Абуладзе, который в 1937 г. нашел древний албанский алфавит, состоящий из 52 букв, а затем приступил к его дешифровке. В 1956 г. А. Курдиан (США) открыл второй экземпляр алфавита. Исследования А. Шанидзе и Ж. Дюмезиля позволили подтвердить, что сохранившиеся древние албанские источники написаны на древнеудинском языке.

Огромная заслуга в изучении родного языка принадлежит доктору филологических наук Г. Ворошилу (удин из п. Нидж), работавшему старшим научным сотрудником Института языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР, в Баку. Всю свою сознательную жизнь он стремился вернуть из небытия древнюю и великую историю Азербайджана, показать историческую роль Кавказской Албании в судьбе народов Закавказья, вскрыть все лингвистическое и лексическое богатство удинского языка [2–5].

Особо хочется отметить научную ценность работы известного ленинградского ученого К. В. Тревер, которая одной из первых дала мировой науке углубленное представление по истории и культуре древней Кавказской Албании. На XXV Международном конгрессе востоковедов, выступив в лучших традициях академической науки, она представила доклад на основе своей фундаментальной монографии «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э.» [19].

Известные азербайджанские ученые К. Алиев, З. Буниатов, Ф. Мамедова, Г. Джавадов, Р. Гусейнов и другие на основе огромных исторических, археологических, этнографических и лингвистических материалов создали фундаментальные труды по истории и культуре Азербайджана, доказали относительно длительное существование албанской государственности, показали значительную роль удин в истории Закавказья, особенно Азербайджана. Они рассказали республиканской и мировой общественности историю Кавказской Албании, удинского народа, его драматическую судьбу, значение языка, культуры, традиций и обычаев для науки и культуры [1; 9; 14].

В 1996 г. событием всемирно-исторического значения для кавказоведения стал обнаруженный членом-корреспондентом АН Грузии З. Н. Алексидзе в монастыре Св. Екатерины на Синайской горе (Египет) грузино-албанского палимпсеста. Сохранившиеся тексты албанского палимпсеста были расшифрованы только на основе удинского языка. Например, тексты из Евангелия (главы от Матфея, Луки и Иоанна), соборные послания свя-

тых апостолов Петра, Якова и Иоанна, отрывки из посланий апостола Павла коринфянам, ефесянам. Дешифровка этих и других текстов стала возможной благодаря привлечению всего богатства грамматики и лексики удинского языка. Существование албанского Лекционария подтверждает наличие древних переводов на удинский язык Библии, в частности, Книг пророков, Евангелия.

Большой интерес к удицам проявил великий французский писатель Александр Дюма. В своей известной книге «Путешествие на Кавказ» он пишет о своем огромном интересе к удицам, их происхождению, языку, культуре. Писатель рассказал о встрече с учителем-удином, в беседе с которым подробно расспрашивал о древних исторических корнях удинов, традициях, обычаях [10].

Сегодня целая группа российских ученых, представляющих академическую науку, плодотворно занимается изучением кавказских и восточных языков, в частности, истории и культуры Кавказской Албании, в том числе и истории удинского языка (Удинский язык: грамматика, лексика, история языка. М., 2008). В их числе Д. Ганенков, Ю. Ландер, Т. Майсак и другие [18; 20].

Касаясь особенностей и судьбы социально-политического бытия современных удинов, отметим, что сегодня их в мире всего 10 тысяч человек и они оказались раздробленными на части, разбросанными по всей территории бывшего Советского Союза и зарубежных государств. Большая группа удинов компактно живет и говорит свободно на родном языке, соблюдает традиции и обычаи только на своей исторической родине – в современном Азербайджане. После прихода к власти Г. Алиева в Республике установились относительная стабильность, спокойствие и межнациональный мир. Сегодня удины пока еще ощущают свое духовное единство, целостность, этническую идентичность. Словом, удины состоят из отдельных частей, но единого этноса, расселившегося по СНГ и дальнему зарубежью.

На протяжении всей истории, начиная с античного периода, многоязычие и инациональное окружение позволяло удицам сохранить свой язык, культуру, менталитет. Сегодня, в условиях билингвизма, молодое поколение быстро забывает родной язык, этническую культуру. Кроме родного, они говорят на азербайджанском, русском, грузинском и других языках стран СНГ и государств мира, однако оказавшиеся на чужбине, в диаспоре, они быстро забывали родной язык, растворялись в чужой среде, быстро ассимилировались, принимая языки титульных и иных этносов.

При встрече с нами молодой московский ученый, сотрудник Института востоковедения РАН Ю. Ландер, знаток истории и языков народов Кавказа, с сожалением признал, что удины, живущие в странах СНГ и Балтии, через несколько лет

забудут свой древний и уникальный язык в силу активно идущей среди них естественной ассимиляции и аккультурации [20].

Анализируя проблемы социально-этнического бытия современных удинов, следует остановиться на основных причинах и побудительных мотивах миграции и жизни в диаспоре (экономические, политические, этнические, религиозные и т. д.). Очевидно, что причины и мотивы носят комплексный характер, но, в первую очередь, они связаны с распадом СССР, разрушением советской цивилизации, радикальными трансформациями общественно-экономических систем в странах СНГ. Разрушение Советского Союза, отказ от идеи государственного патернализма, переход к рынку у большинства малых этносов, этнических меньшинств вызвали страх за жизнь, судьбу, настоящее, особенно будущее, футурошок.

Эмиграция в Российскую Федерацию, в первую очередь, была связана с тем, что Россия признала себя правопреемником СССР, всегда была содружеством различных народов, культур и цивилизаций, многонациональным и поликонфессиональным государством. Переселению способствовало то, что удины с детства владеют русским языком, знают толерантность российских народов и их культуры. Немалое значение имели материальные, экономические факторы, хотя наличествуют причины идеологического и культурно-языкового характера (религия, язык, культура, традиции и пр.). Данное предположение подтверждается анализом мотивов и причин переселения в страны СНГ, выявленных в результате неоднократных встреч и опросов удинов, живущих в Москве и Подмосковье, Краснодарском крае, Ростовской области, особенно в Таганроге, Шахтах, а также граждан Украины (Горловка), г. Актау (бывший Шевченко) Республики Казахстан, проведенного автором за последние десятилетия. Например, мотив «карабахский конфликт», агрессия Армении против Азербайджана, «ожидание» новой войны между ними отметило большинство опрошенных; «неуверенность в завтрашнем дне» – около четверти; «в связи с тем, что уехала значительная часть родных» – остальные.

Основную причину последней эмиграции следует искать в том, что многие из современных удинов являются русскоязычными, т. е. в изменениях социокультурных, духовно-нравственных ценностей, особого «жизненного мира» людей. Как известно, само освоение социального бытия осуществляется разными путями. Непрерывно меняющаяся природная и социальная среда, нарастание неопределенностей и рисков в современном мире заставило людей почувствовать дискомфорт даже в привычной для себя среде обитания. В числе причин оказались и вопросы психологического

характера, действие закона подражания, когда переселялись родные, близкие, соседи.

Естественно, что решающую роль играет государство, обладающее монопольным правом и способностью определять политическое и культурное пространство граждан, его правовые и социальные нормы и ценности. В этой связи следует охарактеризовать национальную политику государства и его властных элит. В истории переселения, миграции удин в XX в. можно выделить несколько волн. Первая волна связана с распадом Российской империи, началом Гражданской войны и иностранной интервенцией в стране, особенно в Закавказье. Одновременно в 20–30-е гг. прошлого столетия продолжился также интенсивный процесс тюркизации, арменизации и грузинизации удин. Многие эмигранты, покинув традиционный ареал расселения, в дальнейшем забывали родной язык, теряли ментальность, растворялись среди местного населения в разных республиках Советского Союза.

В результате на исторической Родине, в Азербайджане, в XX в. не наблюдалось демографического прироста, потому что непрерывно происходил отток удинского населения, его зрелой и здоровой части, особенно молодежи. Получалось, что в Республике за этот период постоянно проживало всего 6–10 тысяч человек. Они дисперсно жили как на территории Нагорного Карабаха, так и в разных районах Азербайджана. С началом Великой Отечественной войны около 800 удин оказались на различных фронтах. Погибли на полях сражений, пропали без вести, словом, не вернулись 256 человек.

Вторая волна эмиграции началась со второй половины XX в., когда молодежь, после окончания средней школы, стала уезжать на комсомольские стройки наших пятилеток. Особо престижной оказалась учеба в высших учебных заведениях страны. Каждая волна эмиграции имела свои причины, характерные особенности. В их числе: стремление людей быть свободными и самостоятельными, желание учиться и стать профессионалом, приобщиться к достижениям русской и мировой науки, техники, культуры, делать успешную карьеру и, в конце концов, быть богатым. Все эти причины в совокупности предопределяли стремление покинуть родные места. Не секрет, что этой волне эмиграции был присущ высокий настрой и энтузиазм, ответственность за личный выбор, готовность служить Родине и своему маленькому народу. Удины уезжают, чтобы стать учеными, инженерами, врачами, строителями, юристами, военными. Некоторые объясняют свой отъезд чисто житейскими причинами: ищут более высокой оплаты труда, свободного приложения своего таланта и способностей, ищут новые возможности для профессионального роста, творческой деятельности.

Переселение удин в XX в. носило объективно-исторический характер. Во второй половине прошлого столетия в СССР происходило активное переселение народов. Десятки миллионов людей уезжали на стройки социализма, из сел переселялись в города. Именно тогда в стране появились огромные мегаполисы. К сожалению, идеологизация всех сфер жизни советского общества, ускоренное движение к социальной однородности оказывало негативное влияние на историческую судьбу большинства народов, в том числе и удин. В значительной мере была разрушена традиционная среда обитания, условия сосуществования этноса были нарушены обстоятельствами культурного, языкового, психологического и иного свойства. Игнорирование специфики жизнедеятельности удин, предание забвению потребностей социально-экономического, политического, культурного и духовного развития народа привели к социальной неудовлетворенности, которая приобрела характер эмиграции [7; 9].

Как известно, в основе эмиграции как социального действия национального субъекта лежит менталитет: устойчивая константа ее жизненных установок и норм поведения, эмоций, настроений, идущих из глубинных зон психологии и исторических традиций. Разумеется, менталитет противоречив и не монолитен, но он пронизан передаваемым из поколения в поколение мифом и легендами о земле предков, об исторической Кавказской Албании. В условиях общественной нестабильности, ослабления прежних регуляторов жизнедеятельности людей, эмиграция – социальное действие, объективно противоречивый элемент спонтанного процесса жизни каждой этнической группы, национальной диаспоры.

История свидетельствует о том, что на территории нашей страны в свое время возникло государство имперского типа, могущество которого было достигнуто главным образом в силу ассимиляции значительной части нерусского этноса. В разные периоды истории правовые статусы граждан существенно разнятся. Однако не следует забывать, что в целом правовое сознание общества сохраняет преемственность в своем развитии. И это определяет отношение коренных народов к приезжим, мигрантам, инонациональному соседу, часто оно не находит нравственного осуждения.

Сегодня важно, чтобы Россия для всех своих граждан, людей всех национальностей, в том числе и для удин, стала настоящей Родиной. Она не должна превращаться во временное убежище, пристанище. Следует подчеркнуть, что любая волна эмиграции представляет собой в конечном счете результат патологии, знак неблагополучия, наличия серьезных проблем в социальной системе. При любых потрясениях в национальной памяти воскрешается своеобразный генетический код: если

еще вчера общество преследовало, подвергало дискриминации своих членов по признаку крови, то подобное может повториться в любой момент, когда для этого созреют необходимые условия, поэтому надо искать ту социальную нишу, в которой гарантируется безопасность. Общество помнит насилие со стороны государства, неуважение официальных властей к историческим и культурным традициям многих народов, ограничения гражданских прав и общественной жизни.

Периодически повторяющаяся практика, а также долгие и традиционные отношения к нерусским гражданам в Российской империи как к инородцам, а в советское время приоритетная роль титульных этносов республик, не могла не сказаться на психике и умонастроениях людей некоренных национальностей. Отсюда, в сознание представителей многих национальностей внедрилась идея о том, что выстроить совместное безопасное существование невозможно, что они всегда будут оставаться чужим этническим меньшинством, пока не обзаведутся, как отдельная нация, собственной территорией и не создадут отдельное государство.

Сегодня эмиграция для многих больших и малых этносов, не имеющих собственного государства, является способом спасения от исторически существующей и постоянно воспроизводящейся угрозы расизма и национализма, агрессии и экстремизма. Одновременно она является формой глубокого подсознательного стремления освободиться от комплекса неуверенности в своем бытии.

Современная глобализация порождает все формы и виды национализма. Поэтому эмиграция была и будет оставаться мировой проблемой. Формы отчуждения и недоверия между народами отражаются на социальном бытии и этническом самосознании. Такая социальная проблема существует и в России. Важно за формально декларируемыми правами человека увидеть права этнических меньшинств и мигрантов. Очевидно, что темпы общественных изменений будут во многом зависеть от формирования общенациональных целей и ценностей. Следует активно использовать потенциал средней и высшей школы, всей системы образования и воспитания, потому что носителем толерантности, культуры и гуманизма является не просто образованный человек, а гражданин, способный понимать, творчески мыслить и активно действовать. Современный гуманизм и ценности могут базироваться в основном на научной картине мира, общество обязано впитать в себя все богатство высокого духовного наследия прошлого.

Однако сегодня в обществе господствующее положение занимает массовая культура с примитивными ценностями и низменными страстями. В системе этнической идентичности преобладает

антиномичная и мозаичная культура, в которой знания складываются на основе определенного противопоставления этносов на «мы» – «они», «свои» – «чужие», из разрозненных обрывков, фрагментов, связанных простыми связями и случайными отношениями. Часто мир этничности основывается на мнениях, а не на самих знаниях, в ней отсутствуют объективные обобщения, не осуществлен реальный синтез. Мозаичная культура иррациональна по своей природе, продуцирует только мифы, иллюзии, слухи, нелепости, что не способствует развитию подлинного гуманизма и высокой духовности.

В этой связи очень важно донести до общества всю правду о прошлом народов России, которая была и остается тернием в нашей памяти. Сегодня «национальный вопрос» в России – проблема универсальная для отечественной науки, касающаяся не только философии и социально-гуманитарных наук, но и политической практики. Не всегда справедливо винить в росте экстремизма и национализма народы, поскольку они часто являются результатом противоречивого действия общественной системы. В результате декабрьских событий 2010 г. в Москве и других городах, столкновениях на межэтнической почве, морально потерпевшими и жертвами стали вся наша страна и ее народы, а не только русские и представители отдельных национальностей. Современное российское государство призвано служить интересам гражданского общества как наднациональной целостности, содружеству людей всех этносов и наций во имя стабильного и гармоничного развития страны.

Завершая статью, отметим, что основная идея заключалась не только в стремлении рассказать о своих земляках-удинах. Тревогу и беспокойство вызывает нарастание агрессии и экстремизма, этнофобии и мигрантофобии в нашем обществе, активность действий различных неонацистских и неофашистских групп. Теории превосходства отдельных рас и наций всегда использовались государствами и разными политическими элитами и группами в качестве идеологической доктрины. На самом деле, они служат желанием господства и стремлением оправдать низменные психологические стороны человеческой природы. Как известно, националист как политический тип является эгоцентриком, прежде всего, он озабочен своими собственными интересами и амбициями, в последнюю очередь его интересуют взаимоотношения с другими этносами и мигрантами, живущими рядом. Рецепт у него однозначен: он не мыслит себе решение «русского вопроса» без признания национальной исключительности русских.

В современной «патриотической» литературе, ратующей за идеологическую целостность и полноту русской национальной доктрины, «национальный вопрос» признается как фактор второго поряд-

ка, который должен быть решен окончательно и бесповоротно. Рекомендация проста: «инородные тела» внутри национального тела должны осознать, что их место на вторых ролях, на задворках истории России, вне и за ее пределами.

Национализм как тип политического сознания маргинальных слоев общества – это исторический феномен, его бытие есть специфический способ существования во времени, когда настоящее не только вырастает из прошлого, но частично сохраняет его в своем составе. Этот тезис представляется чрезвычайно важным в связи с попытками фальсифицировать или радикально пересмотреть историю этнического бытия народов России.

Этническое бытие как фактор общественного развития России представляет собой огромный исторический пласт, освоение которого имеет не только чисто научное, но и огромное практическое значение. Историческая память и этническая идентичность народов, их правосознание скрывают в себе большинство мотивов сегодняшних и будущих действий – от решений политиков до общения на бытовом уровне. В этой палитре взаимосвязей скрыты весьма полезные и ценные уроки социального бытия народов современной России, к глубокому осмыслению которых следует постоянно возвращаться в новых условиях. Решение возникших за последние десятилетия новых проблем в области межэтнических отношений возможно только на основе доверия, мира и согласия, в конце концов, компромисса появившихся многообразных интересов и потребностей различных групп этнических элит и общества.

Насколько объективны противоречия и конфликты в системе современных межэтнических отношений в России? Когда и каким образом они могут быть преодолены? Чем объяснить «живучесть» национализма и экстремизма в истории?

Рассматривая историю этнического бытия народов России, следует признать, что в течение прошлых столетий история России традиционно исследовалась с позиции национального, этнически однородного государства. В своих многотомных трудах Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский, С. Соловьев и многие другие освещали историю России как мононационального государства, что соответствовало существовавшему в теории идеалу политической организации общества. Сегодня научное исследование следует осуществлять с иных методологических позиций: история Российской Федерации в целом, в том числе и история ее народов в отдельности, могут быть исчерпывающе изучены с учетом всего прошлого наследия, понимание всей полиэтничности и многоконфессиональности, неразрывной частью которой являются и все малые этносы и этнические меньшинства.

Изучение истории этнического бытия народов Российской Федерации диктует необходи-

мость определения тех специфических условий, в которых возникли Российская империя и Советский Союз. Именно эта задача обуславливает постановку ряда принципиальных вопросов, имеющих непосредственное отношение к нашему исследованию: каковы реальные механизмы формирования больших многонациональных государств? Какими методами осуществлялось включение в их состав территорий, населенных этнически и конфессионально разными народами? Выполнила ли Россия свою историческую миссию, интегрировав в течение целого тысячелетия в евразийское пространство народы, представляющие разные культуры и цивилизации?

Сегодня потребности совместного социального бытия актуализируют разные стороны, аспекты исторического опыта, требуют осмысления и радикальной переоценки прошлого. На изломах истории люди особенно остро ощущают потребность знать историю, найти свои корни, понять прошлое. Обращение к прошлому позволяет восстановить утраченную связь времен и поколений, найти в истории ответы на многие вопросы современного бытия.

Постижение специфики этнического бытия удин как одного из древних народов мира и новой этнической группы в России, их «жизненного мира» и идентичности проливает свет на истоки многих проблем современного многонационального и полиэтничного сообщества. В условиях формирования в Российской Федерации демократического, правового и социального государства она помогает понять формы и механизмы взаимодействия представителей разных культур и цивилизаций, этносов и наций во имя стабильного и гармоничного развития страны.

Библиографический список

1. Алиев, К. Г. Античная Кавказская Албания [Текст] / К. Г. Алиев. – Баку, 1992. – 238 с.
2. Ворошил, Г. О древнеагванском алфавите и удинском языке [Текст] / Г. Ворошил // Известия АН АзССР. Серия «Общественные науки». – 1962. – №1.
3. Ворошил, Г. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ворошил Г. – Баку, 1973.
4. Ворошил, Г. Удинско-азербайджанско-русский словарь [Текст] / Г. Ворошил. – Баку, 1974. – 297 с.
5. Ворошил, Г. Кавказская Албания (историко-филологические этюды) [Текст] / Г. Ворошил; (на азерб. яз.). – Баку, 1993.
6. Геродот История [Текст] В девяти книгах / Геродот; пер. с древнегреч. Ф. М. Мищенко. – Москва. 1888. т. II, кн. VII.
7. Данакари, Р. А. Этническое бытие [Текст]: монография / Р. А. Данакари. – Волгоград: ИПК «Нива», 2007. – 296 с.
8. Дирр, А. М. Грамматика удинского языка [Текст] / А. М. Дирр // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (МОМПК). 1904. Вып. XXXIII, отдел IV. – Тифлис, 1903.

9. Джавадов, Г. Удины: историко-этнографические исследования (на азерб. языке; резюме на англ. и русском языках) [Текст] / Г. Джавадов, Р. Гусейнов. – Баку: Изд-во «Элм», 1999. – 253 с.

10. Дюма, А. Путешествие на Кавказ. Глава «Удины» [Текст] / А. Дюма. – Баку: Изд-во «Элм», 1986.

11. Иеромонах Алексей (Никаноров). История христианства в Кавказской Албании [Текст] / Иеромонах Алексей (Никаноров). – Баку: Изд-во «Нурлан», 2005. – 194 с.

12. Моисей Каланкатуйский. История албан [Текст] / Моисей Каланкатуйский; пер. К. Патканова. – СПб., 1861.

13. Климов, Г. Ф. К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности [Текст] / Г. Ф. Климов // Вопросы языкознания. – 1967. – №3.

14. Мамедова, Ф. Кавказская Албания и албаны [Текст] / Ф. Мамедова. – Баку, 2005. – 608 с.

15. Народы России: энциклопедия [Текст] / гл. ред. В. А. Тишков. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. – 479 с. ил.

16. Панчвидзе, В. Н. Удинский язык [Текст] / В. Н. Панчвидзе, Е. Ф. Джейранишвили // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. – Т. 4. – М., 1967.

17. Страбон. География [Текст] / Страбон. – Книга XVI. – Гл. 4, 18.

18. Талибов, Б. Б. Удинский язык [Текст] / Б. Б. Талибов, Т. А. Майсак // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия. Т. 3. – М., 2005.

19. Тревер, К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. – VII в. н. э. [Текст] / К. В. Тревер. – М.–Л., 1959.

20. Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка [Текст] / авт. Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер, Т. А. Майсак // Исследования и материалы по языкам Кавказа. Выпуск 1. Институт языковедения и Институт востоковедения РАН. – М.: Изд-во Академия, 2008. – 462 с.

21. Флоренский, П. Детям моим. Воспоминания прошлых дней [Текст] / П. Флоренский. – М., 2004.

22. Harris, A. Endoclitics And origius of Udi morphhsyntax [Text] / A. Harris. – Oxford: Oxford University Press, 2002.

23. Shulze, W. Tward a history of the udi Language [Text] / Wolfgang Shulze. – University of Munich, 2004. – 470 p.

УДК 125

ВОЗМОЖНОСТИ ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНОГО ПОСТИЖЕНИЯ АБСОЛЮТА

И. М. Лаврухина

В статье анализируется проблема условий и возможностей постижения Абсолюта, осуществляемого логико-понятийными средствами. Представлена классификация различных подходов к ее решению. Описаны мыслительные операции, используемые в осмыслении Абсолюта. Показана приемлемость апофатизма как необходимого условия освоения трансцендентной сферы.

Ключевые слова: Абсолют, трансцендентное, первоначало, бытие, апофатизм, Фома Аквинский, Н. Кузанский, В. Соловьев.

THE POSSIBILITY OF LOGICAL AND CONCEPTUAL COMPREHENSION OF THE ABSOLUTE

I. M. Lavrukhina

The problem of conditions and opportunities of the comprehension of Absolute which is performed by logic-conceptual means is analyzed in the article. The classification of the different approaches to decision of this matter is suggested. The cogitative operations which are used in the comprehending of Absolute are described. The acceptability of apophatism as the necessary condition of the learning of transcendental sphere is presented in the article.

Keywords: Absolute, transcendence, alpha, being, apophatism, Thomas Aquinas, Nicolaus Cusanus, V. Soloviev.

Теоретическое мировоззрение (философия ли, богословие ли) реализует естественное стремление человеческого разума к созданию целостной картины мира. Размышления о всеобщем и трансцендентном необходимо появляются, когда ставится вопрос: что находится за пределами целостного мира? Тогда трансцендентная сфера, или что-то в ней самой, предстает как первоначало, которое часто называют Абсолютом. Следующим шагом становится рассмотрение вопросов о природе и статусе Абсолюта-Первоосновы.

В религиозно-философском сознании к осмыслению Абсолюта-Первоосновы существует несколько подходов. Это классически онтологический подход, реализующийся в богословии, целевой, представленный в религиозно-эзотерических формах знания, и собственно трансцендентистский, характерный для религиозной философии.

Интересная классификация подходов в определении природы Абсолюта в истории философско-религиозной мысли предложена О. В. Суворовым [14. С. 77–89]. Он отмечает, что в многообразных

философских системах Абсолют представлялся то в виде субстанции (материальной или идеальной, разумной или неразумной, единой или множественной, подвижной или неподвижной), то в виде некоего становления, чистого процесса. Правда, есть подозрение, что всякое познание Абсолюта – лишь завуалированное познание собственного «Я», и мы приписываем Абсолюту то, что находим в глубинах своего сознания.

Понимание Абсолюта в духе субстанции несколько ужесточает сам смысл этого понятия. Абсолют-субстанция – это не просто некое основание всех свойств и явлений, это такая основа всего существующего, которая, обеспечивая существование абсолютно всего на свете, действует из необходимости собственной природы. Таким образом, Абсолют предстает как неопределяемое далее ничем первоначало всего сущего.

Можно, конечно, исходить из предположения, что в мире нет ничего постоянного. Наша мысль постоянно фиксирует изменчивость и взаимопереходы всего и вся. Тогда естественно принять за первоначало мира сам процесс изменений в чистом виде. Таковы воззрения Шеллинга, представителей «философии жизни» Дильтея, Бергсона и Уайтхеда. Недостатки такого подхода, точнее сказать, логические противоречия выявляются сразу же, когда мы задаем вопрос: как уловить сущность становления? Ответ сторонников Абсолюта как процесса – вжиться в сам этот процесс, существовать в нем. Но тогда «вжившийся» наблюдатель превращается в точку отсчета, т. е. понимание становления требует в виде принципиального условия этого понимания существование ставшего. Кроме того, вообще трудно зафиксировать какие-либо характеристики процесса как такового. И тогда постижение Абсолюта начинается и заканчивается признанием его непрерывным становлением.

Человек же, ориентируясь на свои сущностные характеристики, часто приписывает Абсолюту свойство разумности и, как следствие, идеальности. Идеальное разумное первоначало – это основное понятие многих религиозно-философских систем. Однако это довольно скудные определения для первоосновы, тем более что сразу же всплывают еще два глубинных свойства Абсолюта: является ли он единым или множественным, изменяющимся или неизменным.

Наиболее распространенной версией среди религиозных философов и богословов является понимание Абсолюта как единого. Стремление к единому продиктовано некоторыми логическими соображениями. Во-первых, единое является самодостаточным, так как не зависит ни от чего другого (иначе, оно было бы одним из многих), и не нуждается для своего объяснения ни в чем

ином, поэтому является конечным пунктом познания. Во-вторых, человеческий разум сам един, и мыслит все остальное в этой аналогии. «...Первоначальное и необходимое сознание тождества нашего «Я» («трансцендентальное единство апперцепции» – И. Л.) есть в то же время сознание столь же необходимого единства синтеза всех явлений согласно понятиям...» [6. С. 109]. В-третьих, единое по своей природе более совершенно, чем многое. Многое, по определению, временно, поскольку допускает переход от одного состояния к другому. Единое тождественно вечности, так как ему не во что изменяться. «То, что предшествует всякому различию, без сомнения, вечно; различие ведь то, что изменчиво, а все по природе предшествующее изменчивости неизменно и, значит, вечно. Но различие состоит из единого и другого, поэтому оно после единства, как число – после единицы. Таким образом, единство по природе прежде различия, и, поскольку оно по природе предшествует ей, оно вечно» [7. С. 59]. В-четвертых, стремление к Единому Первоначалу объясняется еще и существованием органически целостных систем. Они не являются просто суммой своих частей, а представляют собой более сложное, а потому и высшее образование. У Мира есть части, но вместе с тем он есть и единое целое, органическая целостность. Единый Абсолют есть отражение этой целостности.

Версии множественного первоначала также представлены в культуре, например, дуализм Декарта, «монады» Лейбница, «персоны» Н. Лосского. Но сам факт того, что эти мыслители говорили о какой-то высшей реальности, высшей «монаде», или «персоне», говорит о логической незавершенности плюралистического подхода. И Декарт, и Лейбниц, и Лосский, в конце концов, признавали существование высшей субстанции – Бога, в подчинении которого были многочисленные первоэлементы. Если быть точным, последовательное проведение плюрализма невозможно.

Два классика мировой философии – Аристотель и Гегель – дали две возможные версии понимания единой разумной первоосновы как неизменной (такова форма форм Аристотеля) и становящейся (таков Абсолютный Дух Гегеля). Форма форм Аристотеля, являясь причиной всех изменений в мире, должна была мыслиться им как неизменная, иначе возник бы вопрос о причине ее собственных изменений. Гегель же мог признать Абсолютный Дух подвижным, поскольку тот находится в пределах мира, точнее, и есть становящийся мир.

Понимание Абсолюта как единого нематериального неразумного начала представлено в философии Шопенгауэра. Это Мировая Воля. Она не может быть неподвижной, поскольку движе-

ние – это и способ ее существования, и способ ее проявления.

Среди философствующих естествоиспытателей очень распространенной является концепция «единого информационного поля». По сути, это вариант понимания первоосновы как материальной и разумной. Заменяя «информационное поле» на «энергетическое», условно получаем вариант материальной и неразумной первоосновы. Поле невозможно мыслить дискретно, поэтому очевидно, что первооснова является единой.

Материальные неразумные множественные первоначала – это атомы Демокрита.

В культуре представлена и дуалистическая версия, если не Абсолюта, то его атрибутивных свойств (Декарт). Но дуализм логически ущербен, как и плюрализм, поскольку взаимодействие двух субстанций предполагает причину их согласованности, которая, очевидно, лежит в чем-то третьем.

Несмотря на интересные открытия, полученные перечисленными выше теоретическими системами, более глубокие концепции пытаются подняться над противоположными определениями Абсолюта. Они, так или иначе, намерены примирить единое и многое, неподвижное и становящееся, материальное и идеальное. Такие синтетические системы, как правило, вырабатывают более общие понятия, в которых отражаются сущностные моменты в постижении первоосновы.

Один из самых интересных мыслителей этого плана – кардинал Римско-католической церкви Николай Кузанский. Он сразу оговаривается, что, хотя мудрость содержится во всех существующих формах, характерна всем вещам, однако такой, как она есть, никем не может быть познана. И адекватного имени для Бога у человека тоже нет. «Само имя Теос не есть имя Бога, Бог выше всякого понятия, а что невозможно помыслить, то остается невыразимым. Высказать – значит словесными или другими символическими знаками показать вовне внутреннюю мысль, и чье подобие нельзя помыслить, того и имя неизвестно» [7. С. 289].

В постижении первоначала изначально сложилась следующая мыслительная традиция: перечисляя большое количество взаимоисключающих предикатов, затем, утверждая, что определяемое превышает все эти противоположные качества, доказывалась непостижимость высшей реальности в терминах конечного разума. Такая позиция называется апофатизмом. Дионисий Ареопагит, например, как будто бы что-то утверждает об Абсолюте, но при этом познаваемое остается непознанным. Бог – «не часть и не целое, но и часть и целое, т. е. он все – и часть и целое – содержит в себе самом и превосходящим образом имеет

раньше, чем имеет. В несовершенном он совершенен, как начало совершенства, среди совершенных он несовершенен, так как превосходит совершенство превосходством и временем... Он мера вещей и вечности, и выше вечности, и раньше вечности» (Цит. по [14. С. 104]).

Кстати сказать, такая мыслительная операция присутствует и сегодня в определении трансцендентной сферы в философии. Мартин Хайдеггер определяет Бытие одновременно как «общайшее» и «уникальнейшее», как «понятнейшее» и «всего менее понятное», как «самое высказанное» и «самое умолчанное». Вне его имеется ничто, единственное, что могло бы быть внешним определением, но само «ничто» есть сама неопределенность. Бытие само есть основа, но тем не менее оно – без-дна [16. С. 173–174]. Бытие – не Бог и не основа мира, но Бытие шире, чем все сущее.

При ближайшем рассмотрении такие определения ничего не определяют, однако, их целью и не является определение как таковое. Они указывают на то, что к некоторым объектам познания мы можем лишь «прикоснуться», не более. «Дотронуться до предела» можно, определить: что такое предел, и что за пределом, – нельзя.

Хотя остается еще один способ – путем синтеза противоположных определений, отодвинуть предел и выйти на еще более общее понятие, как это попытались сделать Н. Кузанский и В. С. Соловьев.

Возможность совпадения, преодоление противоположностей в Абсолюте очень часто отмечается исследователями. «Главное чудо Божественной среды заключается в той легкости, с какой она соединяет и уравнивает в себе, казалось бы, самые противоположные качества», – пишет Тейяр де Шарден [17. С. 73].

Вот как доказывает совпадение потенции и актуальности, множества и единства в Абсолюте Н. Кузанский. В бесконечном бытии возможность быть всем превращает это бесконечное бытие в актуальное бытие. При этом множество бесконечных вещей существовать не может, значит, в актуальной бесконечности нет различий. Значит, Абсолют может быть только вечным единством, и не просто каким-то невнятным и неразличимым, а единством как нераздельность и связь.

Путем головокружительных взаимосвязей и взаимопереходов понятий Н. Кузанский вводит еще более абстрактную категорию, чем единство, – неиное. Единое есть не что иное, как единое, ничто есть не что иное, как ничто. Следовательно, неиное проще единого и ничто, неиное является основой понятий единого и ничто. Вообще, обо всем, что угодно, можно сказать, что оно есть не что иное, как оно само, и поэтому категория неиное должна быть введена раньше всех других понятий и ка-

честв. «Само же неиное есть адекватнейшее понятие, различие и мера всего существующего, что оно существует, и всего несуществующего, что оно не существует... В нем я усматриваю необходимость бытия, потому что вижу, что неиное определяет самого себя, а тем самым и все, что может быть наименовано... В единстве, обнаруживающем неотличенность от самого себя и отличность от иного, конечно узнается неиное» [8. С. 194–195].

Вл. Соловьев дает свое название для Абсолюта: Сущее всеединое, сверхсущее. Свойства Абсолюта определяются в манере Н. Кузанского. Первоначало все в себе содержит, сверхсущее производит бытие, но не истощается и не переходит в него без остатка.

Синтез всех противоположностей Вл. Соловьев осуществляет в понятие «потенция бытия»: «С одной стороны, абсолютное выше всякого бытия, с другой стороны, оно есть непосредственная потенция бытия или первая материя... Оба начала – абсолютное как такое и *materia prima* – отличаются от бытия, не суть сами бытие, оба также не суть небытие, а так как третьим между бытием и небытием мыслима только потенция бытия, то оба начала одинаково определяются как потенция бытия» [12. С. 705, 707]. В потенции бытия Абсолют присутствует и как сущее, и как становящееся.

Но чего, в конце концов, добились Н. Кузанский и В. С. Соловьев, когда ввели еще более общее понятие через синтез противоположностей? Они доказали уже известный факт: на вершине иерархической лестницы, онтологической или гносеологической, может быть только одно начало, Абсолют или наиабстрактнейшее понятие о нем.

Можно попробовать подойти к Абсолюту (в религии), трансцендентному (в философии) через них самих. Интересно, но такую попытку предпринял тот же самый Н. Кузанский. Наряду с наиабстрактнейшим понятием «неиное» в силу той же логики Н. Кузанский приходит к еще некоторым определениям Абсолюта. Так, задавая вопрос: существует ли Бог, – мы тем самым уже ответили на него положительно. Бог и есть та самая предпосылка бытийности, которая делает наш вопрос осмысленным. Н. Кузанский определяет Бога так же, как сущность всех сущностей, как сверхсущность. Встречается определение сверхсубстанциональной субстанции, т. е. субстанции, которая существует до и делает возможной существование самой субстанции. Еще одно свойство Абсолюта – первообразная причина, творец и бытия, и небытия. Бог есть все и ничто в себе самом.

Но что добавляют определения типа: «бытие бытийствует», «причина причиняет», «сверхсущ-

ность сущности», «форма форм»? Мы попадаем в порочный круг. Первое понятие оказывается шире, чем второе, хотя по содержанию они – одинаковые понятия. Снова оказывается, что самое абстрактное понятие может быть только одно, и определение его принципиально невозможно.

Такая неопределенность в определениях породила условно познавательную позицию – скептицизм. Суть ее: на вопрос «есть ли бог», нужно ответить «он ни есть, ни не есть», или «есть и не есть». Скептицизм в отношении существования Абсолюта характерен, прежде всего, для философии. Классической позицией в этом вопросе является кантовская философская система.

Возможен вариант и полного отрицания существования запредельного Абсолюта. Но в этом случае теоретическое мышление вынуждено заменить его каким-либо иным началом, поскольку задачей такого мышления является стремление к созданию цельности на основе единства. Тогда религиозное мышление заменяется философским, а трансцендизм сменяется трансцендентализмом.

Традиция, в которой мыслят Кузанский и Вл. Соловьев сложилась задолго до их времени. Еще в III в. н. э. Плотин аналогично представлял свое Единое. Оно изначально и существует раньше всего, оно обладает необъятной силой и все порождает, оно выше всех свойств, и ему нельзя приписать никакой частный предикат. Единое – «ни нечто, ни «какое», ни «сколько», ни ум, ни душа, оно – и не движущееся, и опять-таки не покоящееся, ни в месте, ни во времени... будучи прежде всякого «вида», прежде движения, прежде покоя, ибо при сущем это-то, кои делают его многим... Должно же считать его и бесконечным не благодаря неизмеримости величины или числа, а благодаря необъятности силы» [10. С. 219, 221].

Разные определения Абсолюта обобщил Максим Исповедник: «Бог – един, безначален, непостижим и обладает всей силой целокупного бытия. Он совершенно исключает всякую мысль о времени и образе существования бытия, поскольку недоступен для всех сущих и не познается ни одним из сущих через свою естественную проявленность... он безграничен, неподвижен и беспределен, так что он безгранично превосходит всякую сущность, силу и действие... Но Бог есть созидающее сущности и сверхсущностное Первоначало бытия, он есть созидающая сила и намогущественнейшая Основа. Наконец, он есть бесконечное и действенное состояние всякого действия. Кратко сказать, Бог есть творческая причина сущности, силы и действия, т. е. начала середины и конца... Единый и Единственный. Он заключает в себе всю целокупную подлинность бытия и в то же время превосходит это бытие...» [5. С. 215–216].

Абсолют как первоначало бытия – вывод, который делает наш разум, исходя из анализа своих категорий. В метафизике начало такому движению от реалий нашей мысли к положительному знанию о мире и отрицательному знанию в отношении Абсолюта положил Платон. Но в истории философии и теологии существовал и другой ход, связанный с Аристотелем и Фомой Аквинским. «Задача, которую ставит себе Фома Аквинский, – это упорядочение множества в единство – он как бы стремится вывести бытие Бога из бытия вещей. В этом мышление Фомы Аквинского отличается от абстрактного умозрения ранней схоластики (Ансельм Кентерберийский), ориентировавшейся на Платона, неоплатонизм и Августина» [1. С. 742]. Фома строит метафизику не сущностей и сущего, а бытия, и создает онтологическую систему. Он предполагает исследовать пласт знаний более глубокий, чем сущности, его интересуют реальность и возможность самих сущностей.

Фома понимает под бытием все то, что действительно или возможно есть. Он выделяет в мире бытие простых и составных субстанций. Вещи (составные субстанции) существуют благодаря сущности. Сущность составной субстанции включает и форму, и материю (о простой субстанции чуть позже). Есть субстанции, свободные от материи, например, душа и интеллигенции (понятия). Их сущностью является форма. Таким образом, в материальных вещах есть бытие, материя и форма, в интеллигенциях – бытие и форма, и следует признать, что есть некто, а именно Бог, простая субстанция, чья сущность есть само его бытие. Можно даже сказать, что Бог не имеет сущности, так как она совпадает с его бытием. «Необходимо должна быть какая-нибудь вещь, которая была бы причиной существования всех вещей благодаря тому, что сама была бы чистым бытием, ибо в противном случае в отыскании причин мы шли бы до бесконечности, поскольку всякая вещь, которая не есть чистое бытие, имела бы, как было сказано, причину своего бытия. Стало быть, понятно, что интеллигенция есть форма и бытие, и что она получает бытие от первого сущего, каковое сущее есть всецело бытие и первая причина, то есть Бог» [15. С. 244].

Строя свою теорию существования, Фома предполагает изменение существующего, а также возможность его совершенствования. Для создания иерархичной системы уровней бытия он сближает понятие потенции с сущностью, а понятие актуальности с существованием. Это приводит к двум очень интересным выводам. Во-первых, сущность-потенция, способная к совершенствованию, но не актуализировавшаяся, становится чистой потенцией. Чтобы стать полной, она долж-

на быть положена в бытие, а для этого в бытии должна быть причина этому. Во-вторых, среди существующего должно быть такое бытие, которое не определяется другим бытием, чистое бытие, *actus purus*. Оно является первой производящей причиной, т. е. Богом. Быть существующим относится и к миру, и к Богу, но Бог – само бытие, чистая актуальность, а мир лишь обладает бытием благодаря Богу.

С помощью теории акта и потенции можно объяснить и иерархичность материального мира [11. С. 93–96]. Такой ход в объяснении мира уже известен в истории и связан с именем Аристотеля. Чистая потенция как способность образовывать тела из себя – это первоматерия. Форма представляется чистой актуальностью, поскольку своим упорядочиванием материи, делает возможным существование телесных субстанций. Если по времени потенция предшествует актуальности, то «сущностно акт предшествует потенции», поскольку потенциально сущее может перейти в актуальное состояние лишь при помощи актуально сущего. В итоге, и у Аристотеля, и у Фомы, существование и первичнее, и совершеннее, чем сущность. Бытие открывается навстречу сущностям, позволяя им реализоваться в сущем.

Возможности познания Бога, согласно Фоме, ограничены областью негативной теологии: нам лучше известно, что не есть Бог, чем то, что он есть. Сущность Бога совпадает с его бытием, а наша сущность реализовалась в мире благодаря другому бытию. Поэтому наше бытие не равнозначно его Бытию, и эта дистанция делает непосредственное познание Бога невозможным. Правда, человеческий разум обладает собственной мощью для того, чтобы состоялось опосредованное знание. В «Сумме теологии» Фома предлагает даже доказательства бытия Божия [3. С. 169–172].

Суммируя все вышесказанное, перечислим основные свойства Абсолюта, как это сделал У. Джеймс [4]. Абсолют есть изначальное бытие, первопричина всего существующего. Он необходим и самодостаточен, поскольку не определяется никакими другими условиями вне его. Он един, так как единство более совершенное состояние, чем множественность. Абсолют стоит выше противоположностей сущности и существования, возможности и действительности, субстанции и акциденции. Он сверхсущее, включающее эти противоположности. Он неизменен, так как отсутствует уже упомянутое различие между актуальностью и потенциальностью. Абсолют безграничен, так как нет того, что могло бы его ограничить. Он вечен, иначе нужно было бы признать причину его возникновения, а он самодостаточен. Он всемогущ, так как способен творить из ничего опять-таки в силу своей самодостаточности.

Наконец, по Джеймсу, он духовен, поскольку дух совершеннее материи, и действие-следствие не может быть раньше причины.

Теперь возможно поставить вопрос, который нельзя обойти, признав Абсолют неизменным первоначалом мира. Как возможно порождение неизменным Абсолютом изменяющегося мира? Если сущностью мира является движение, то, как неизменная сверхсубстанция полагает его в мире? Если возможно появление новых законов, то не означает ли это усовершенствование «сверхсовершенной» субстанции, а, если это порождение самой субстанции, то, что являлось причиной этого? Ответом на эти вопросы является утверждение, что субстанция не отделима, имплицитно содержит в себе законы своего существования. То, что мы принимаем за новые законы, есть лишь усложнение законов изначальных. Или новые законы можно рассматривать как проявление изначальных законов Абсолюта по мере создания новых субстратных условий. Общий ход развития задан фундаментальными, абсолютными законами, а в узловых точках развития они могут принимать иной, новый вид.

Предложенные выше вопросы и ответы, по сути, определили более основной вопрос: как соотносится единый и совершенный Абсолют с множественным, изменяющимся и несовершенным миром? Несмотря на кажущееся многообразие ответов, история мысли предложила лишь два существенных из возможных. Во-первых, единое неотделимо от многого, и, фактически, представляет собой самораскрытие Абсолюта. Как писал Н. Кузанский: «...Он (Абсолют – *И. Л.*) не имеет самостоятельного существования вне множества, в которое он определился, т. е. вне конкретности, от которой он неотделим» [7. С. 51–52]. Во-вторых, самораскрытие может происходить или как эволюция, т. е. высшие законы могут возникать на основе низших, или как эманация, т. е. переход от высших, собственных законов Абсолюта к низшим. И в том и в другом случае перед нами некий переход от одного состояния к другому. Но тогда нерешенной остается проблема вечности и времени: Абсолют вечен, а переход предполагает течение времени. Современная теория относительности решила этот вопрос, предположив, что в микромире существуют такие сверхмалые пространственно-временные ячейки, внутри которых невозможно двигаться, а процессы протекают по типу появления и исчезновения. То есть существует состояние, сходное с вечностью, и процесс, сходный с творением [9. С. 143].

Самой же интересной проблемой, как и самой мистической, является проблема того, почему Абсолют начинает эволюционировать или эманировать. В космологии ответом на это является теория

Большого взрыва или Первотолчка, которая, отметим, имеет мало отношения к нашей реальности, как и креативные гипотезы самой религии.

Столь значительный материал, посвященный проблеме постижения Абсолюта, свидетельствует о возможности решения, в той или иной мере, этой проблемы. Хотя в ней очевидным образом присутствует следующее противоречие. Мы знаем, что Абсолют есть, но уверены, что он непознаваем. Чтобы познать Абсолют, мы сами должны быть абсолютными. «Понятие о Боге есть понятие, или слово, абсолютное, охватывающее в себе все доступное пониманию и вместе с тем непостижимое в ином... Ибо ничто не постигается разумом в действительном смысле так, как оно может быть постигнуто, раз более высоким разумом оно постиглось бы лучше. Только понятие-в-себе, или понятие абсолютное, в действительном смысле понятийно схватывает (*conceptus*) все доступное пониманию. Однако наше понятие, которое не есть понятие-в-себе, или абсолютное понятие, но понятие о чем-то, по этому самому не может постигать понятие-в-себе, так как последнее, будучи абсолютным, является понятием чего-либо одного не в большей степени, чем понятием другого. Поэтому-то понятие Бога, бесконечное, неопределяемое и непостижимое, в силу его бесконечности мы по необходимости называем также и невыразимым» [8. С. 159]. Фиксация этого противоречия – все, на что способен наш ограниченный разум, который действует на основании диалектики и по логическим правилам.

С точки зрения религиозно-философской мысли признание существования непознаваемого Абсолюта обусловлено, по крайней мере, тремя факторами. Во-первых, существование абсолютного первоначала есть элементарный вывод диалектической мысли. Если есть конечное, должно быть и бесконечное, если есть условное, должно быть и безусловное, если есть познаваемое, должно быть и непознаваемое. Строго говоря, момент непознаваемости есть в любом нашем акте познания, не обязательно Абсолюта, ведь познание имеет дело с ощущением и мыслью, а за ними стоит ощущаемое и мыслимое, то, что А. Ф. Лосев называл «самое само». Вл. Соловьев отмечает приемлемость этого утверждения и для познания Абсолюта: «Оно (сверхсущее – *И. Л.*) есть то, что познается в каждом познании. Правда, оно никогда не может быть данным эмпирического или логического познания, никогда не может стать ощущением или понятием... в этом смысле оно, безусловно, непознаваемо, но вместе с тем абсолютное первоначало, безусловно, познаваемо даже в эмпирическом и логическом познании, потому что и здесь то, что собственно познается, настоя-

щий предмет, есть ведь не ощущение и не мысль, а ощущаемое и мыслимое, т. е. сущее» [12. С. 701]. Абсолютное первоначало для мира, «самое само» любого предмета – это как бы онтологическая подпорка познавательного акта. Это – рациональный аргумент.

Во-вторых, существуют гносеологические предпосылки нашего познания, и Абсолют является такой фундаментальной предпосылкой. Эта мысль фиксируется в китайском афоризме: «Вне присутствия дао нельзя говорить, но то, о чем поведать нельзя, – это дао. Вне присутствия дао нельзя размышлять, но то, о чем помыслить нельзя, – это дао». Это интуитивный аргумент.

В-третьих, безусловное начало в виде Абсолюта необходимо для нашей практической жизни. «Действительность бытия не может быть доказана логически. Необходимость безусловного начала для высших интересов человека, воли и нравственности, разума и творчества делает вероятным существование божественного начала, полная же уверенность дается только верою – и это относится к существованию любого предмета» [13. С. 33]. Это прагматический аргумент.

Итак, об абсолютной непознаваемости Абсолюта говорить не приходится. Во-первых, потому, что мы уже образовали понятие Абсолюта и это означает, что обозначаемый понятием «объект» уже соприкоснулся с областью нашего знания. Во-вторых, знание о существовании и непознаваемости – это тоже результат познания.

Противовесом теоретическому познанию может стать, как выразился Н. Бердяев, «формулировка истины, увиденной в интуиции», синтез формул, «излучающих не доказательства и выводы, а свет» [2. С. 285]. Очевидно, что Бердяев описывает здесь акты веры. И значит, наличие Абсолюта утверждается изначальной верой в него. А дальше можно логически обосновать необходимость самой веры,

или логически доказать, что Абсолют выше всякого понимания, осуществляемого конечным существом.

Библиографический список

1. *Аверинцев, С. С.* Фома Аквинский [Текст] / С. С. Аверинцев // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.
2. *Бердяев, Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества [Текст] / Н. А. Бердяев. – М.: Правда, 1989.
3. *Боргош, Ю.* Фома Аквинский [Текст] / Ю. Боргош. – М.: Мысль, 1966.
4. *Джеймс, У.* Многообразие религиозного опыта [Текст] / У. Джеймс. – М.: Наука, 1993.
5. *Исповедник Максим.* Творения [Текст]: в 2 т. Т. 1 / Исповедник Максим. – М., 1993.
6. *Кант, И.* Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. – СПб.: Тайм-аут, 1993.
7. *Кузанский, Н.* Сочинения [Текст]: в 2 т. Т. 1 / Н. Кузанский. – М.: Мысль, 1979.
8. *Кузанский, Н.* Сочинения [Текст]: в 2 т. Т. 2 / Н. Кузанский. – М.: Мысль, 1980.
9. *Кузнецов, Б. Г.* Этюды об Эйнштейне [Текст] / Б. Г. Кузнецов. – М.: Наука, 1965.
10. *Плотин.* О благе или едином [Текст] / Плотин // Логос. – 1992. – №3.
11. *Пушкин, В. Г.* Сущность метафизики: от Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру [Текст] / В. Г. Пушкин. – СПб.: Изд-во «Лань», 2003.
12. *Соловьев, В. С.* Сочинения [Текст]: в 2 т. Т. 1 / В. С. Соловьев. – М.: Мысль, 1990.
13. *Соловьев, В. С.* Сочинения [Текст]: в 2 т. Т. 2 / В. С. Соловьев. – М.: Правда, 1989.
14. *Суворов, О. В.* Сознание и Абсолют (философский трактат) [Текст] / О. В. Суворов. – М.: Изд. корпорация «Логос», 1999.
15. *Фома Аквинский* О сущем и сущности [Текст] / Фома Аквинский // Историко-философский ежегодник-88. – М.: Наука, 1988.
16. *Хайдеггер, М.* Время и бытие [Текст] / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993.
17. *Шарден, Т. де* Божественная среда [Текст] / Т. де Шарден. – М.: Ренессанс, 1992.

УДК 342.55

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Г. Ф. Носачёва

Политическая стабильность в современном обществе является одним из важнейших факторов развития государства. Для обеспечения стабильности необходимо множество условий, одно из которых – местное самоуправление – рассматривается в данной статье.

Ключевые слова: политическая стабильность, факторы политической стабильности, субъекты политической стабильности, местное самоуправление, территориальное общественное самоуправление, конфликт интересов.

LOCAL SELF-GOVERNMENT AND POLITICAL STABILITY IN MODERN RUSSIA

G. F. Nosacheva

In the modern society political stability is one of the most important factors of government development. To ensure the stability of society needed a lot of conditions, one of which – local Self-Government – is touched upon in the article.

Keywords: political stability, factors of political stability, political stability subjects, local Self-Government, territorial public self-government, conflict of interests

Институт местного самоуправления – важнейший компонент демократического государства, способствующий укреплению государственных устоев, стабилизации политической, социально-экономической ситуации, приобщению граждан к решению проблем непосредственной жизнедеятельности и повышению качества жизни в современном российском обществе. Только при наличии эффективного местного самоуправления как властного института возможно утверждение правового государства, гражданского общества, обеспечение свободы и стабильности.

Говоря о местном самоуправлении как факторе политической стабильности, мы имеем в виду и его основное предназначение, предполагающее право и способность реального участия населения в решении вопросов местного значения.

Как отмечает исследователь российского местного самоуправления А. И. Бардаков, в нашей стране «гражданственность находится в такой полноте своего развития, что граждане уже не нуждаются во всеобъемлющем управлении со стороны центра. Более сложные и развитые формы жизни человека не могут быть эффективно управляемы государственными органами» [1. С. 105]. В то же время государство объективно заинтересовано в развитии института местного самоуправления. Последний, в силу своей социально-направленной сущности, выступает связующим звеном между населением и государственными структурами. Развитие местного самоуправления содействует укреплению российского государства, в том числе его территориальной целостности, снижению уровня социальных напряжений.

Выявляя категориальную содержательность, политическую стабильность можно охарактеризовать как *систему связей* между *различными политическими субъектами*, для которой характерны

определенная целостность и способность *эффективно* реализовывать возложенные на нее *функции* [2. С. 327]. Предлагаемое определение, по нашему мнению, отражает суть данной категории, указывая на качественную направленность, а не на факт простого удержания власти посредством избегания времен (возможно, качественных).

Политические мыслители со времен Платона и Аристотеля вплоть до наших дней обсуждают проблему двух крайностей:

1) наличие анархии, неизменно следующей за ослаблением государства и власти;

2) наличие опасностей, исходящих от самой власти, если последняя лишена эффективного контроля и внутренней меры.

В условиях развитого демократического государства таким крайностям не должно быть места. Для обеспечения стабильности в современном обществе на смену всеобщему управлению и тотальному контролю со стороны государства и приходит система местного самоуправления, суть которого в том, что органы МСУ и граждане активно решают, обеспечивая решение вопросов местного значения.

Политическая система не может быть стабильной, если государственная власть основную деятельность и иницилируемые ею нововведения подчиняет собственным интересам, игнорирует при этом интересы большинства. В этом случае деятельность государственной власти вступает в противоречие с объективными потребностями общества, что приводит к накоплению социального недовольства, ведет к политической напряженности и конфликтам (например, современная ситуация в государствах Северной Африки).

В создаваемой новой системе координат общегосударственного устройства в условиях развивающейся демократии местное самоуправление может рассматриваться как:

1) инициатор согласования интересов различных субъектов на местном уровне – самих властей, малого и среднего бизнеса, некоммерческих организаций и общественных объединений граждан. Функция согласования интересов в данном контексте является наиболее важной, поскольку столкновение интересов указанных сторон приводит к появлению конфликтов, разрешение которых зависит от органов местной власти. В конкретном случае может встать вопрос и о «качестве» местных властей, способных оперативно разрешить конфликтную ситуацию, учитывая государственные и общественные интересы, полностью исключая возможность защиты каких-либо личных интересов (приводящих, как правило, к коррупции, сращиванию бизнеса и власти, бездействию по отношению к криминальным структурам). Факты неэффективного МСУ отнюдь не способствуют становлению стабильности в муниципалитете, а, напротив, «разжигают» недовольство среди населения к органам власти, которые избраны населением для обеспечения порядка и законности;

2) базисный уровень демократии и гражданского общества, которому в современной России еще предстоит на деле подтвердить такое качество, а государство обязано оказывать эффективную поддержку этому процессу;

3) основной уровень организации по удовлетворению повседневных социальных потребностей населения. Обеспечение достойного уровня «обслуживания» (местная власть в приоритетном порядке должна «обслуживать» население, но не наоборот, поскольку эта власть производна от народа и вторична) граждан и являться основой стабильности и законности. Дестабилизация часто происходит по причине бездействия властей, начиная с муниципального и заканчивая государственным уровнем, ярким примером чего является «феномен Куцевки» (типичный для российской глубинки). В случае когда власти допускают разгул криминала и произвол, можно говорить об их отрыве от населения; население, в свою очередь, не видя гаранта своих прав и свобод в органах местной власти, само отчуждается от нее, что вполне закономерно. Власть же ассоциирует себя с народом только в периоды предвыборных кампаний и при подведении итогов года, используя при этом местоимение «мы», возлагая большую степень своей ответственности на избирателей. Как свидетельствуют многие социальные исследования, значительная часть населения нередко выявляет малый уровень доверия местным властям и никак не связывает себя с местным самоуправлением как таковым.

Осмелимся утверждать, что органы власти, осуществляя свои функции в отрыве от непосредственных «клиентов», не зная о настроениях и игнорируя проблемы населения, рискуют получить

протестные результаты. Таким образом, гражданское общество и политическая стабильность неразрывно связаны друг с другом: без первого не может быть второго, по крайней мере, надолго.

Одной из активно развивающихся форм осуществления населением местного самоуправления в современной России является территориальное общественное самоуправление. Остановимся подробнее на территориальном общественном управлении и попробуем выявить его влияние на политическую стабильность.

Осуществляя ТОС, гражданин может самостоятельно решать вопросы, касающиеся обеспечения его жизнедеятельности, в чем и заключается суть самоуправления. Управляя собственной территорией, население, освобождаясь от «попечительства» местной администрации в некоторых вопросах, в несколько раз повышает качество предоставляемых услуг и сокращает время их предоставления. В случае же сбоя во властных структурах, полученный опыт самоуправляемых территорий дает возможность непрерывно осуществлять деятельность по обеспечению жизнедеятельности населения конкретного дома, подъезда, улицы. Таким образом, определяя границы территории, на которой будет осуществляться ТОС, граждане берут на себя ответственность за нее.

Отметим, что «стабильность» вовсе не означает «неизменное», «постоянное». Стабильность – это и то, что позволяет эффективно осуществлять политические функции. Поэтому в условиях быстро развивающегося общества развитие территории (в данном случае имеется в виду не только ее благоустройство) самими гражданами является условием стабильности, а следовательно, и эффективной политики.

Стабильность зиждется на гражданственности, которую воспитывает только активное участие в политической деятельности. В данном случае эту функцию также осуществляет ТОС. Гражданская позиция, возникающая на местном уровне, закрепляясь в сознании, вполне способна достичь и государственного уровня. Именно в случае всеобщего вовлечения населения в политический процесс и посредством массового утверждения ТОС власть может рассчитывать на политическую стабильность (имеем в виду эффективность осуществления политики).

Практика объединения ТОС в ассоциации еще в большей степени увеличивает шансы населения реализовывать свое право на местное самоуправление. Очевидно и то, что самоуправляющаяся организация, численность членов которой десятки тысяч человек, будет иметь большее влияние на власти, нежели организация, численность которой составляет всего десятки граждан.

Городское реформирование в современной России не может быть реализовано органами МСУ без поддержки населения. Именно это ставит

вопрос об эффективности преобразований, а следовательно, и о социально-политической стабильности. Однако часто люди просто не понимают, а иногда не хотят понять сути происходящей муниципальной реформы. Поскольку одной из задач ТОС в современной России является вовлечение граждан в МСУ, проблема «непонимания» может быть снята, поскольку ТОС выступает объективным конкретным связующим звеном между населением и муниципальной администрацией.

В сложившейся в России социально-экономической ситуации на местном уровне жизнедеятельности вопросы эффективного распределения и использования финансовых ресурсов, в первую очередь, направляемых на социальные цели, имеют особое значение. Система социального заказа, взаимодействие органов местного самоуправления и субъектов ТОС в значительной степени могут способствовать более эффективному использованию бюджетных средств. Органы ТОС, как субъекты участия населения в местном самоуправлении, максимально приближенные к населению, знающие о конкретных проблемах развития локальной части тер-

ритории муниципального образования, вправе вносить в органы местного самоуправления предложения о том, куда лучше направить муниципальные средства, и какие проблемы в данном муниципалитете являются наиболее острыми и требуют приоритетного финансирования. Учет такого подхода в значительной степени предотвращает появление конфликтных ситуаций в российских муниципальных образованиях.

Таким образом, можно утверждать, что местное самоуправление, как базовый элемент демократического государства, является одним из основных факторов политической стабильности в современном российском государстве.

Библиографический список

1. Бардаков, А. И. Муниципальное управление: теория, история, практика [Текст] / А. И. Бардаков. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС. – 2007. – 172 с.
2. Политология: Энциклопедический словарь [Текст] / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. – М.: Изд-во Московского коммерческого ун-та, 1993. – 431 с.

УДК 908

**ПОГРЕБЕНИЕ С БЕРЕСТОЙ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ
НА МОГИЛЬНИКЕ ВАКУРОВСКИЙ-I В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ***

Д. В. Кутуков, Е. В. Перерва, М. Я. Резк

В работе коллектива авторов представлено исследование материалов уникального золотоордынского мусульманского погребения. В данном сооружении были обнаружены костяк мужчины пятидесяти лет и фрагмент бересты подпрямоугольной формы. На обеих сторонах бересты нанесена надпись на арабском языке, которая является отрывком суры из Корана или какой-либо известной молитвы.

Ключевые слова: могильник Вакуровский, мусульманские погребения, антропологический анализ, береста, надпись на арабском языке.

**GOLDEN HORDE BURIAL WITH BIRCH BARK IN BURIAL MOUND
VAKUROVSKIY-I IN ASTRAKHAN REGION (OBLAST)**

D. V. Kutukov, E. V. Pererva, M. Ya. Rezk

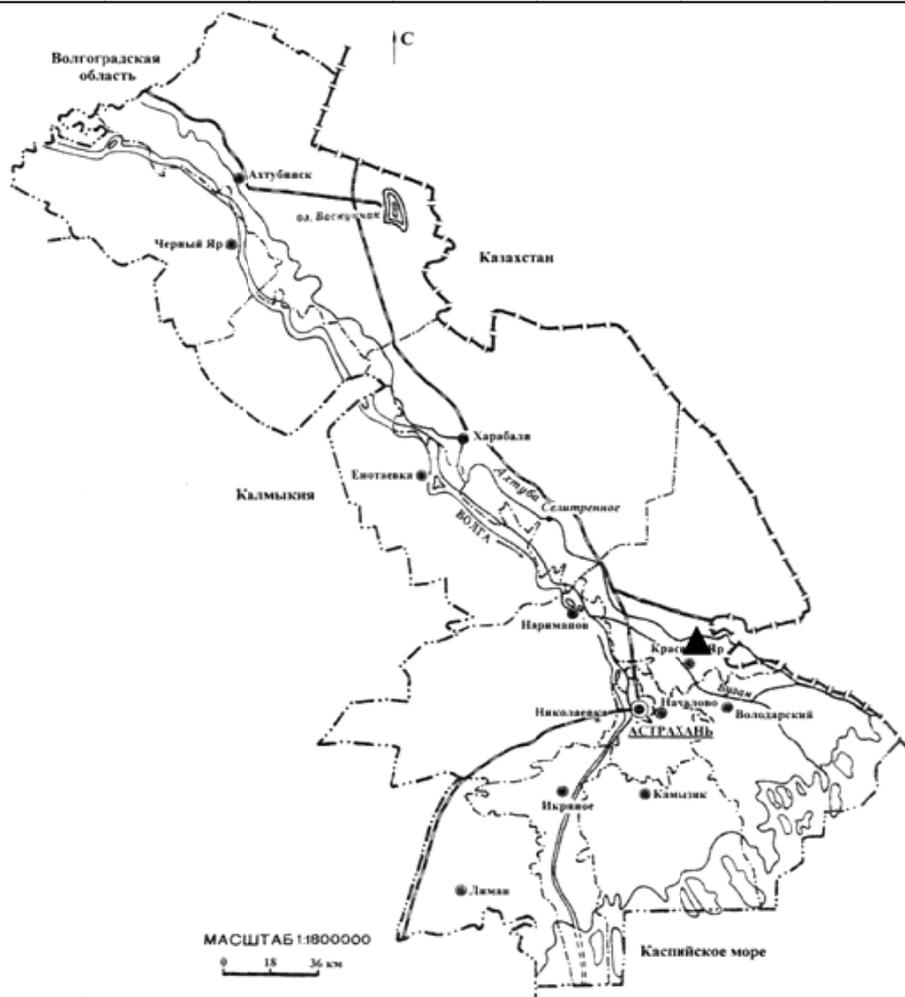
The team of researchers represent the results of the research of materials of the unique Golden Horde Muslim burial. Skeleton of a fifty-year-old male and the fragment of the birch bark rectangular in shape were discovered in this burial. There was an Arab inscription on both sides of the birch bark, that turned out to be the abstract from Sura of the Koran or any famous prayer.

Keywords: Burial Mound Vakurovskiy, Muslim burials, anthropologic analysis, birch bark, Arab inscription.

Грунтовый могильник «Вакуровский-I» располагается в Красноярском районе Астраханской области, на одноименном бэровском бугре (возвышенности естественного происхождения), в междуречье рек Маячная и Караульная (рис. 1). В 1,5 км к юго-востоку от него находится грунтовый могильник «Маячный бугор-I», в 0,8 км к югу – грунтовый могильник «Вакуровский бугор-II», а в 2 км к югу – Красноярское городище золотоордынского

времени. Бугор, на котором располагается могильник, вытянут с ЗЮЗ на ВСВ, длина бугра – около 1,5 км, ширина – до 260 м. Бугор имеет две вершины: западную, высотой 9 м от подошвы, и восточную, высотой 5 м. Восточная вершина, а также центральная и восточная части бугра заняты строениями с. Барановка. Западная окраина бугра разрушена карьером (рис. 2).

* Работа выполнена при финансовой поддержке совета по грантам Президента Российской Федерации (грант МК-123.2009.6) и гранта РФФИ № 10-06-97010

▲ - грунтовый могильник «Вакуровский-1»

Рис. 1. Карта Астраханской области с указанием места расположения грунтового могильника «Вакуровский-1»

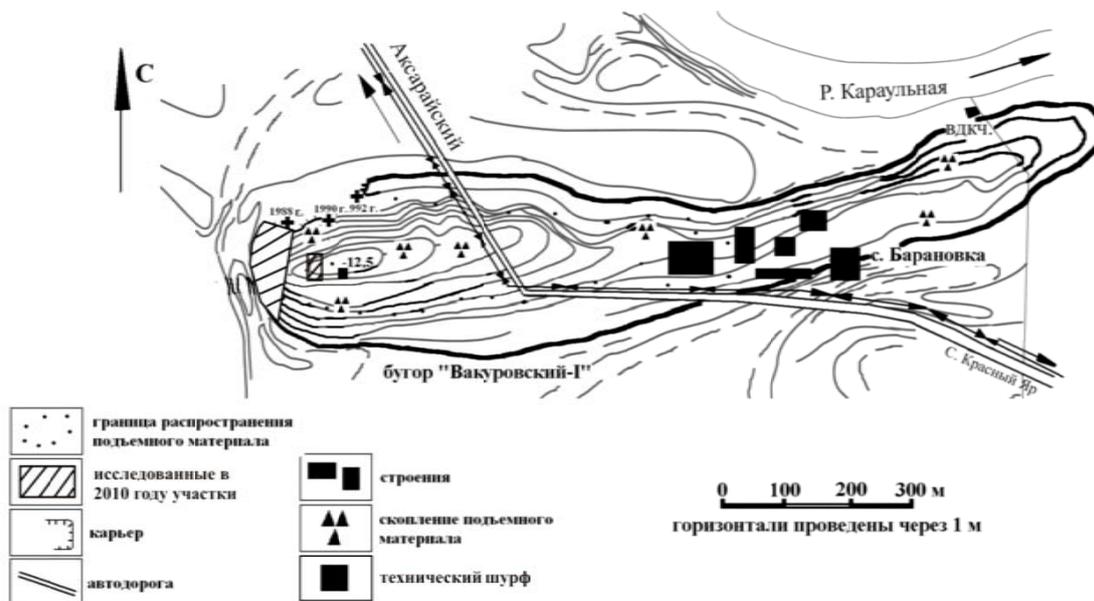

Рис. 2. План-схема грунтового могильника «Вакуровский-1»

Грунтовый могильник, занимающий обе вершины бугра и седловину между ними, был выявлен в ходе разведок, проводившихся в 1988 г. на территории Красноярского района археологической экспедицией Астраханского государственного педагогического института (АГПИ) под руководством П. В. Казакова. На могильнике было доследовано два разрушенных захоронения золотоордынского времени, что дало основание датировать некрополь XIII–XIV вв. [3].

В 1990, 1992 гг. археологические работы на бэровском бугре «Вакуровский-I» проводились археологической экспедицией Государственной дирекции охраны, использования и реставрации памятников истории и культуры Астраханской области под руководством С. А. Котенькова [4] и Д. В. Васильева [1]. Было выявлено и доследовано восемь мусульманских погребений и одно захоронение, относящееся к X в. (кремация, в насыпи ямы встречены фрагменты костей человека и лошади, обломки стремени, оплавленные кольца кольчуги, серебряная пряжка и золотой визан-

тийский солид). Кроме того, в ходе обследования поверхности бугра был собран подъемный материал – фрагменты средневековой красноглиняной и сероглиняной гончарной и лепной керамики. Всего в период с 1990 по 2004 гг. было исследовано 24 захоронения, подавляющее большинство которых относилось к золотоордынскому времени. Незначительное количество захоронений и невысокая плотность их концентрации на могильнике давало основание считать данный памятник периферийным некрополем Красноярского городища [2; 5].

Однако исследования 2007 г. на западной окраине бугра позволили пересмотреть подобную интерпретацию памятника. В ходе раскопок было вскрыто 110 погребений, из которых 108 датируется золотоордынским периодом и 2 – эпохой РЖВ.

Среди золотоордынских мусульманских погребений, исследованных в 2007 г., было обнаружено захоронение, выделяющееся из общей массы практически идентичных по обрядности погребений – погребение 37 (рис. 3).

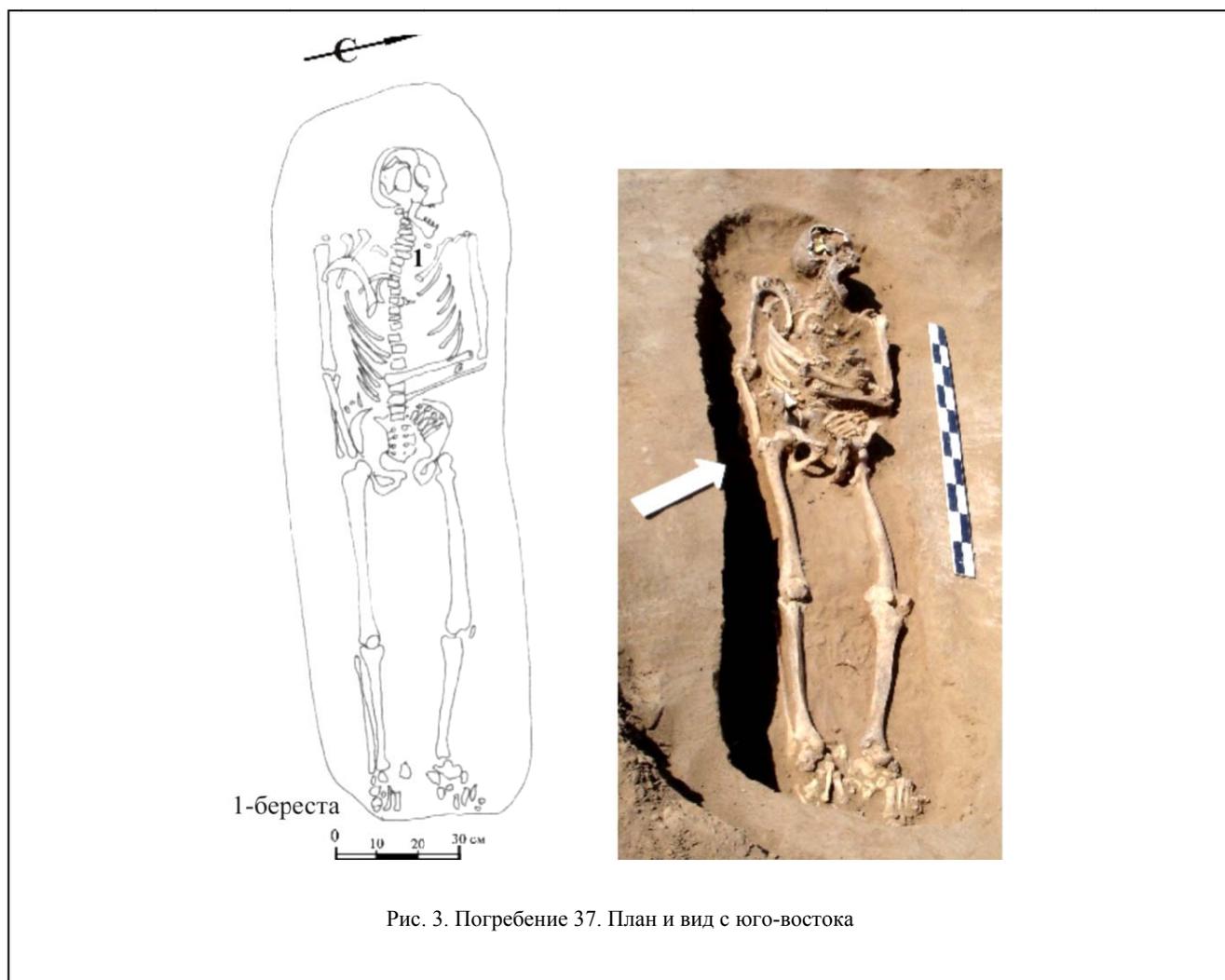

Рис. 3. Погребение 37. План и вид с юго-востока

Могильная яма захоронения имела под-прямоугольную форму и была вытянута продольной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. Размеры ямы: 180×56×27 см.

На дне могильной ямы находился костяк взрослого человека в положении вытянуто на спине, ориентированный головой на ЗСЗ; череп повернут к левому плечу, обращен лицевыми костями к СВ. Правая рука вытянута вдоль туловища, кости кисти не сохранились. Левая рука согнута в локте, кисть ладонью вниз лежала на левом крыле таза. Ноги вытянуты параллельно друг другу, стопы лежали плашмя носками к ЮВ.

Антропологический анализ показал, что кости принадлежали мужчине старше 50 лет. Как на костях черепа, так и на костях посткраниального скелета присутствовал комплекс признаков, который позволяет без сомнения определить индивид как мужской. О пожилом возрасте умершего свидетельствует сильная стертость зубов, полная облитерация черепных швов и наличие признаков дегенеративно-дистрофических изменений на костях, сильные костные разрастания на позвонках всех отделов и на тазовых костях. На внутренней поверхности костей крыши черепа имеются изменения, позволяющие диагностировать их как лобный гиперостоз. Расовый комплекс на черепе определяется как европеоидный.

Следует указать и на такую особенность, как окостенение трахеи у данного мужчины.

Анализ костей посткраниального скелета позволил выявить значительные дегенеративно-дистрофические изменения. Так, следы полировки выявлены на локтевых и лучезапястных суставах обеих рук индивида. Следует отметить деформирующие артрозы, которые поразили суставы верхних и нижних конечностей.

Важно указать на перелом правой лучевой кости в нижней части диафиза, который полностью зарос, и перелом ребра.

На телах позвонков всех трех отделов зафиксированы краевые разрастания горизонтального типа, но массивные и достигающие 5–7 мм. На шейном и поясничном отделах также зафиксированы признаки остеохондроза.

Рельеф длинных костей посткраниального скелета развит крайне сильно, достигая третьего балла.

Размеры длинных костей скелета попадают под категорию большие и очень большие. Скелет имеет долихоморфный тип, характеризующийся длинными конечностями, по Тихонову. Длина тела: по формуле Бунака – 164,2 см. Рост средний [3. С. 108–109].

Из погребального инвентаря обнаружен только фрагмент бересты подпрямоугольной формы, располагавшийся в районе шеи погребенного, рядом с левой ключицей. Береста была сложена пополам, имеются частичные утраты. Размеры предмета в сложенном состоянии – 7,5×2,9 см, в развернутом – 7,5×5,6 см, размер отверстия – 0,7×0,4 см (рис. 4).

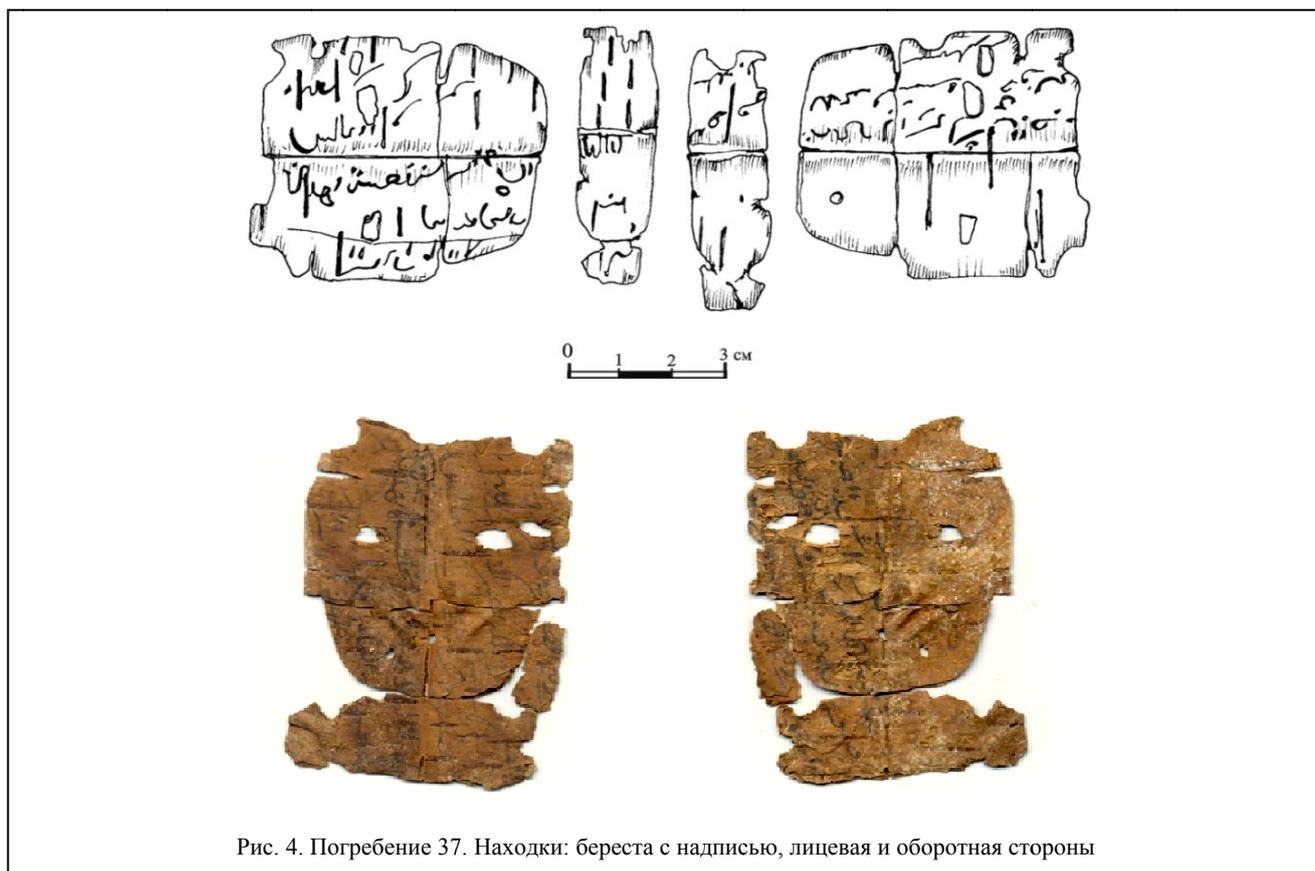

Рис. 4. Погребение 37. Находки: береста с надписью, лицевая и оборотная стороны

На обеих сторонах бересты нанесена надпись на арабском языке. Одна сторона содержала четыре строки, вторая – две.

1 сторона (рис. 5).

1 строка: «Именем Всевышнего Милостивого Милосердного».

2 строка: «Именем Господа Единого».

3 строка: «Хвала Всевышнему Господу миров».

4 строка: «Хвала Всевышнему, который избрал нас» (в значении «избрал нас для чего-то, ради достижения какой-либо цели»).

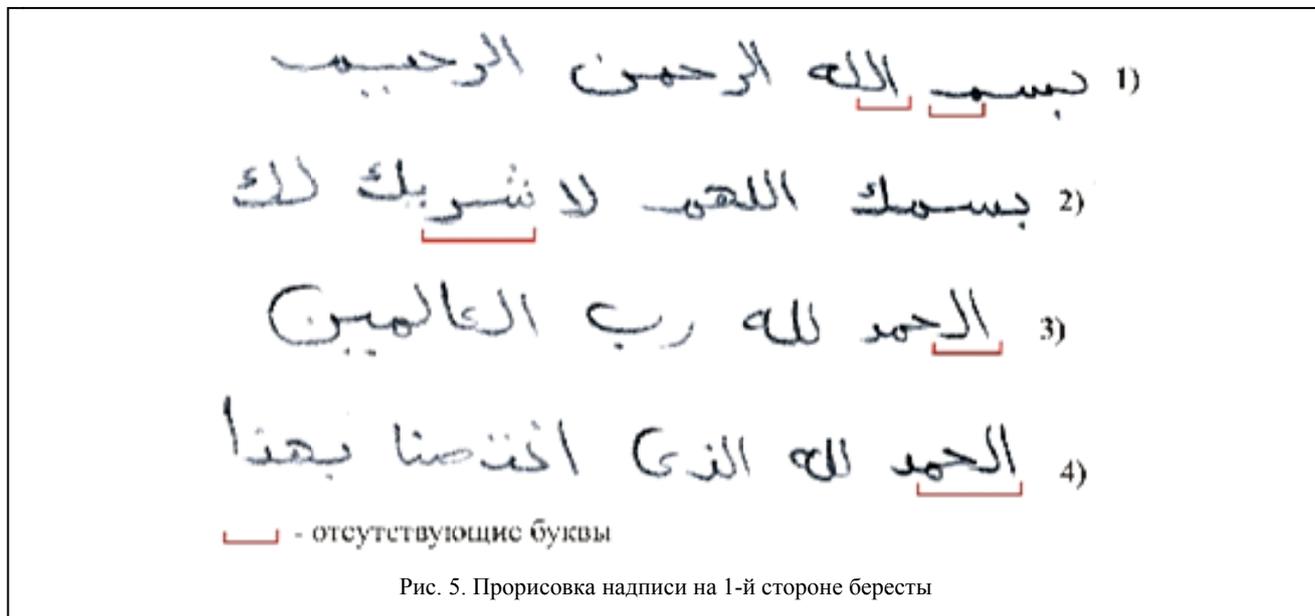

Рис. 5. Прорисовка надписи на 1-й стороне бересты

2 сторона (рис. 6).

1 строка: «Унаследующий всё, Свидетель ... Терпеливый»

2 строка: «... мауали», либо «...Твоим Именем говорю».

Если верхние три строки на первой стороне являются практически стандартным началом текста как религиозного, так и светского характера, вышедшего из-под пера исламского автора, то содержание четвертой строки может указывать на составление какого-либо документа (договора, соглашения, распоряжения и т. д.).

Верхняя строка второй стороны содержит четыре слова, три из которых являются именами Всевышнего (1 слово не читается): «Унаследующий все», «Свидетель» и «Терпеливый» (рис. 6, строка 1)). Интерес вызывают слова нижней строки, в которой первое слово не читается, а оставшиеся два слова прописаны недостаточно четко, в связи с чем возможно их различное прочтение: «...мауали» (множественное число от слова «мауля», обозначающего мусульман не арабского происхождения) либо «Твоим Именем говорю [велею]» (рис. 6, строки 2) и 2.1)).

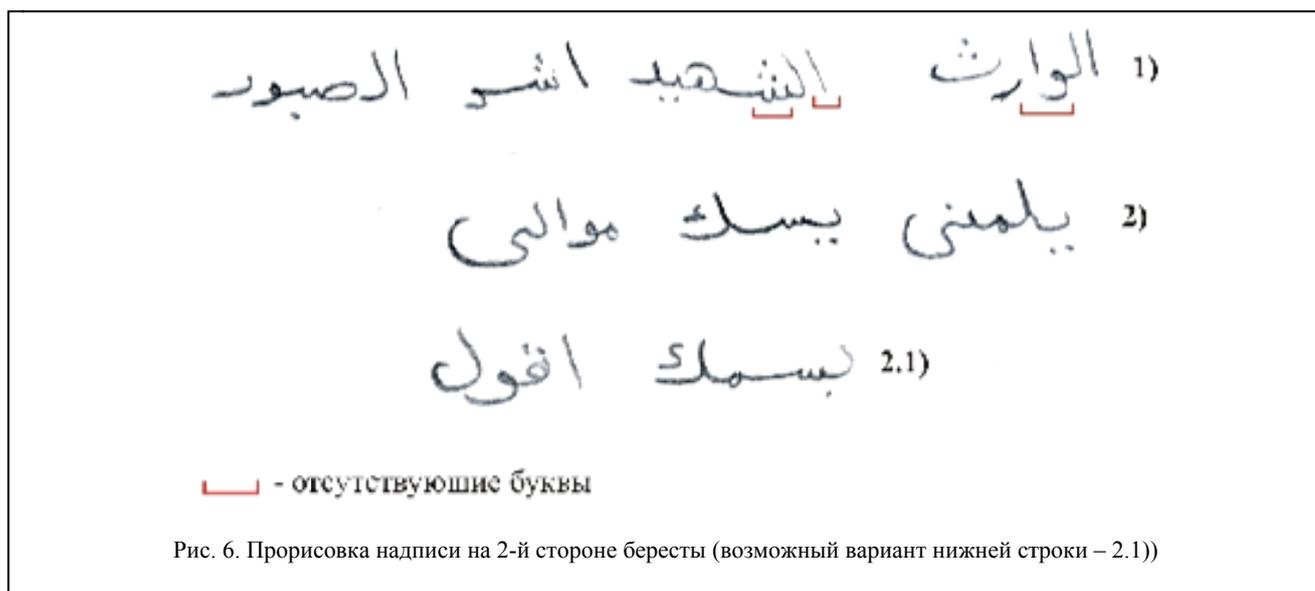

Рис. 6. Прорисовка надписи на 2-й стороне бересты (возможный вариант нижней строки – 2.1))

По мнению соавтора настоящей публикации, М. Я. Резка, переводившего надпись, она не является отрывком суры из Корана или какой-либо известной молитвы. Кроме того, содержание четвертой строки на первой стороне бересты указывает скорее, на светский характер текста, начинающегося с традиционной хвалы Всевышнему.

Описываемое захоронение совершено в целом в соответствии с мусульманским погребальным обрядом (хотя, фиксируется некоторое отклонение от канонов в виде поворота головы к северу) и датируется, как и подавляющее большинство погребений могильника «Вакуровский бугор-I», золотоордынским временем.

Судя по высокой концентрации захоронений, могильник в целом относится ко времени расцвета Красноярского городища, относимого к первой трети XIV в. [7]. Кроме того, концентрация погребений в западной части некрополя сопоставима с насыщенностью захоронений могильников «Маячный бугор-I, II», считавшимися основными городскими некрополями Красноярского городища, в связи с чем ранее высказанный тезис о периферийности могильника «Вакуровский бугор-I» следует признать преждевременным.

Библиографический список

1. *Васильев, Д. В.* Отчет о разведках в Красноярском, Приволжском, Наримановском районах Астраханской области в 1992 году [Текст] / Д. В. Васильев //

Архив ИА РАН. – № 16988, 16989, 16576. – Астрахань, 1993.

2. *Васильев, Д. В.* Отчет об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Вакуровский бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 2003 году [Текст] / Д. В. Васильев // Архив ИА РАН; архив АГОИАМЗ. – Астрахань, 2004.

3. *Казаков, П. В.* Отчет об археологических исследованиях в Красноярском районе Астраханской области в 1988 году [Текст] / П. В. Казаков // Архив ИА РАН, Р-1. – № 13216, 13217. – Астрахань, 1989.

4. *Котеньков, С. А.* Отчет об археологических исследованиях на юге Астраханской области в 1990 г. / Архив ИА РАН. – № 15862. – Астрахань, 1991.

5. *Кутуков, Д. В.* Отчет об археологических раскопках на грунтовом могильнике «Вакуровский бугор-I» в Красноярском районе Астраханской области в 2004 году [Текст] / Д. В. Кутуков // Архив ИА РАН; архив АГОИАМЗ. – Астрахань, 2005.

6. *Перерва, Е. В.* Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды (археология и антропология) [Текст]: монография / Е. В. Перерва, Д. В. Кутуков, М. А. Балабанова, Е. Г. Зуборева. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. – 208 с.

7. *Скисов, С. Ю.* Вопросы датировки и хронологии Красноярского городища в золотоордынский период. Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия [Текст] / С. Ю. Скисов // Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (2010; Астрахань). III Международная Нижневолжская археологическая конференция, 18–21 октября 2010 г.: [материалы]. – Астрахань, 2010.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ АКАДЕМИИ

УДК 316.62

КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИССЛЕДОВАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ю. А. Дроздова

В статье рассматриваются основные направления применения качественных методов при исследовании региональной идентичности, к которым пришла автор статьи по итогам стажировки в Москве и Санкт-Петербурге.

Ключевые слова: качественные методы в социологическом исследовании, количественные методы, региональная идентичность, интерпретация, социальное конструирование, нарратив.

QUALITATIVE METHODS IN RESEARCH OF REGIONAL IDENTITY

J. A. Drozdova

The article describes the basic directions of qualitative methods application for regional identity. These results have been found during the internship in Moscow and St.-Petersburg.

Keywords: qualitative methods in sociological research, quantitative methods, regional identity, interpretation, social designing, narration.

Обучение и стажировка по программе «Качественные методы в социологическом исследовании: теория и практика», организованные Институтом социологии Российской академии наук при поддержке фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, проходили в Центре социологического и политологического образования (ИС РАН, Москва, 7–25 февраля 2011 г.) и Центре независимых социологических исследований (Санкт-Петербург, 26 февраля – 4 марта 2011 г.). Лекции и семинарские занятия, практикумы, школа-студия социолога-исследователя и индивидуальные консультации по темам научных исследований слушателей курсов проводили исследователи, работающие в качественной социологической парадигме: И. Е. Штейнберг, П. В. Романов, В. В. Семенова, Г. А. Орлова, Е. Ю. Рождественская, Е. Р. Ярская-Смирнова, А. Г. Левинсон, О. Бредникова, О. Паченков, Б. Гладарев, Е. Чикадзе. Знакомство с интерпретативными техниками, методами биографического, нарративного интервью, автоэтнографии, анализа дневников, открытой групповой дискуссии, теоретические и практические занятия по дискурсу-анализу позволили по-новому осмыслить тему региональной идентичности и породили размышления, связанные с возможностью использования данных методов в дальнейшей научной и учебной работе.

Для российской социологии характерны поиски путей развития. Связано это и с трансформационным состоянием нашего общества, отечественной науки, и с глобальными процессами в целом. Интерес к качественной социологии возник в связи с методологической интеграцией российской и международной исследовательских практик, а статью В. А. Ядова, опубликованную в 1991 г. [1], можно считать стартовой для появления нового исследовательского направления в России, но которое в настоящее время по-прежнему находится в стадии начала институционализации. В российском социологическом сообществе, признавая право на существование количественного и качественного подходов в эмпирическом исследовании, большинство исследователей продолжают оставаться убежденными приверженцами какой-либо одной из стратегий. Идея противостояния заключена и в словосочетаниях «качественный подход», «качественная социология», выступающих принципиальной противоположностью традиционному, классическому, количественному. При этом сами термины «качественный подход», «качественная социология», столь часто сегодня используемые, – скорее метафоры, чем строгие научные понятия [2. С. 80].

Качественные методы, по мнению организаторов курсов, направлены на изучение макси-

мально широкого спектра мнений. Раскрытие сущности событийности, исследование глубинных механизмов взаимодействий, осознание их закономерностей и взаимосвязи, субъективности и причинно-следственности представляются невозможными при использовании только математических алгоритмов (методов многомерной статистики, математического моделирования) или стандартизированных классических форм (интервью и анкетный опрос). Данные инструменты не гарантируют получение объективного знания, так как количественные данные – это просто сумма ответов на стандартные вопросы. При этом нет возможности утверждать, что все респонденты их одинаково и однозначно воспринимают. Следовательно, ответы респондентов, по мнению Д. Берто, являются полностью субъективными сами по себе и остаются таковыми, «даже если вы закодируете их цифрами, перемешаете и создадите средние статистические показатели» [3. С. 17].

Качественный подход представляет собой такую методологию социологического исследования и соответственно, такие исследовательские практики, целью которых является изучение социальных явлений и процессов, прежде всего, с точки зрения действующего индивида как начала любой социальности, интерпретирующего мир вместе с другими людьми, действующего в нем в соответствии со своими интерпретациями. Социолог-исследователь здесь должен непременно «погрузиться» в мир личностных смыслов изучаемых людей, понять мотивы и цели их поступков, их объяснения происходящего, чтобы потом конструировать понятия, призванные «вобрать» в себя этот субъективный опыт [2. С. 81].

Количественные и качественные методы в социологическом исследовании взаимно дополняют друг друга. Каждый качественный метод включает в себя определенные количественные способы сбора и обработки информации: контент-анализ, наблюдение, некоторые разновидности интервьюирования и т. п. При этом количественные методы способствуют пониманию микро-социальных явлений общественной жизни, становятся компонентами качественных методик. Изучая взаимодействия общественных классов, страт, социальных слоев, этносов, регионов, социальных институтов, без количественных методов обойтись невозможно. Поэтому в проведенном исследовании региональной идентичности в 2006 г. использовались количественные методы (анкетирование, статистические данные). Качественные методы при этом выступали в роли дополнительных методов, позволивших нам интерпретировать и осмыслить полученную количественную информацию. Дальнейшее исследование региональ-

ной идентичности предполагает широкое использование в качестве самостоятельных и основных качественных методик.

В арсенале современной социологии качественных методик более сорока. В монографии В. А. Ядова (в соавт. с В. В. Семеновой) «Стратегия социологического исследования» они хорошо охарактеризованы: 1) этнографические; 2) исторические исследования как методы качественного анализа локальных микросоциумов; 3) метод исследования случая – кейс-стади (case study); 4) биографический метод и его разновидности (устная история, история жизни, история семьи); 5) метод grounded theory – восхождения к теории (создания мини-теории) [4. С. 397–405]. Метод нарратива (повествования) достаточно полно охарактеризован в журнальных статьях В. Ф. Журавлева [5; 6] и Е. Р. Ярской-Смирновой [7]. Возможность и техника использования беседы в качестве качественного метода обоснована М. А. Ивановым [8].

Для дальнейшего исследования региональной идентичности может быть использовано историческое исследование, или устная история (oral history), качественный метод, который описывает субъективный опыт переживания исторических событий в регионе. Изучение истории становления локальных сообществ (движений, организаций; населенных пунктов) или описание опыта переживания крупного исторического процесса или события (революции, репрессий, войны) поможет рассмотреть региональную идентичность как одну из форм социального поведения, которая существует, непрерывно воспроизводясь во времени и пространстве [9. С. 15].

Один из крупнейших социальных историков Пол Томпсон вот как обосновывает свой интерес к устной истории: «Только совсем недавно обращение к личным документам прошлого стало достоянием широкой науки. Использование таких документов позволяют узнавать, как люди жили в прошлые времена: каково было мироощущение ребенка, как молодые люди встречались и влюблялись, как они жили вместе как муж и жена; как искали и находили работу, меняли место работы, что думали по поводу своей работы; как они относились к работодателям и сослуживцам; как выживали, когда оставались без работы; как классовое сознание варьировалось в городе, на селе, в разных профессиональных группах. Ни на один из этих вопросов мы не получили бы ответа из традиционных исторических источников» [10. С. 129].

«Устная история» (oral history) как исследовательская стратегия направлена на получение субъективных свидетельств о важных событиях

прошлого. Они становятся в ряд с другими, традиционными для историков документами, и, прежде всего, архивными, такими, как письма, дневники, мемуары. Устные рассказы – это «свидетельства памяти» (memoir claim), призванные достоверно воссоздать то или иное значимое событие в прошлом. Для исследования региональной идентичности населения Волгоградской области привлекательность устных свидетельств, повествующих об исторических событиях, сохранившихся в памяти очевидцев или переданных ими родственникам, обладают особой привлекательностью, что объясняется невозможностью доступа к достаточному количеству документов довоенной истории региона, уничтоженных в годы величайшей битвы с фашизмом.

В Волгоградском регионе исторический дискурс является очень важным условием для формирования культурной региональной идентичности. Для нашего региона Сталинградская битва – это не простая апелляция к определенным датам, это исторический опыт жителей нашего города, который кристаллизуется в памяти. Таким образом, жители нашего региона имеют региональную мифологию с героями и подвигами, исторические деяния, следовательно, у нас есть основа для идентичности.

Идентичность является одним из элементов повседневной социальной деятельности, неким «каркасом социальной жизни» [9. С. 18], помогающим выстраивать структуру социальных отношений, в которую входят второстепенные и несуществующие правила поведения, условности и традиции повседневной социальной жизни – словом, все, что позволяет соотноситься жителям региона друг с другом.

Региональная идентичность сочетает в себе не только пространственно-временные характеристики, но и аспекты так называемой «внутренней энергетики», включающей в себя ценностно-ментальные установки, позволяющие говорить о местном патриотизме. Сформированная региональная идентичность проявляется, прежде всего, в способности к социокультурной, гражданской, экономической активности «здесь и сейчас» конкретных людей, проживающих в регионе. Историческое исследование или устная история предполагают изучение истории локальности, формирования ее культурной среды, мироощущений прибывающего населения в полиэтничный, заново возрожденный после Великой Отечественной войны регион.

Нарративное интервью также представляет методологический интерес в исследовании региональной идентичности. Термин «нарратив» (narration) переводится с английского как «повест-

ование». Российский исследователь Е. Р. Ярская-Смирнова дает такое определение нарративного интервью: «Разговор, специально организованный вокруг последовательности событий» [7].

Значимость нарративного интервью заключается в конструировании мира и конструировании человеком самого себя, когда информант выстраивает перед исследователем реальность своей жизни так, как он ее видит на данный момент, и как ее переживает. Сегодня этот метод получил признание социологов во всем мире. Выраженная его субъективность позволяет получить глубокий доступ к субъективному миру информанта. Практическое освоение в российской социологии данного метода, впервые апробированного в Германии, позволит получить ценнейший источник информации о социальных процессах, в которые «встроена» жизнь каждого человека.

В ходе свободного изложения в памяти информанта, на чем основана технология нарративного интервью, апробированная автором статьи во время стажировки в Москве, ассоциативно всплывают в первую очередь те эпизоды и моменты, которые представляют для него наибольшую субъективную ценность. Использование этого метода для изучения региональной идентичности как процесса поведенческого и субъективного освоения реального социального пространства, позволит понять, как происходит процесс возникновения и укрепления данного когнитивного конструкта.

Для исследования региональной идентичности важным является понимание поведения конкретных людей, их малых групп, коллективов, локальных сообществ и иных микросоциумов. Дело в том, что поведение субъектов микросоциальной жизни определяется не только не зависящими от них объективными социальными законами, но и многими факторами, имеющими субъективный смысл, обстоятельствами, сложившимися под воздействием микросоциальных условий. Например, в каждом социально значимом поступке любого человека проявляются специфичные мотивировки, уникальный социальный опыт, его способности и многие другие особенности этого субъекта, составляющие его «жизненный мир». Свой специфичный «жизненный мир» имеет каждая семья, трудовой коллектив, студенческая группа, соседская общность, любой другой локальный микросоциум, регион. Качественные методы нацелены на познание качества социальных явлений, событий, региональных взаимодействий. Основное внимание при использовании качественных методов направляется на выяснение субъективно-специфических факторов жизни региона, на понимание тех смыслов, которыми люди

руководствуются в своей повседневной деятельности, позволяют увидеть в людях их индивидуальность.

Поэтому использование качественных методов в социологии оценивается как свидетельство ее гуманизации и соответствует новой «повестке дня» социологической науки, анализирующей организацию социальной жизни во времени и пространстве, что предполагает активизацию диалога о качественной методологии и расширяет поле научного исследования.

Библиографический список

1. Ядов, В. А. Стратегия и методы качественного анализа данных [Текст] / В. А. Ядов // Социология: 4М. – 1991. – № 1.
 2. Готлиб, А. С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики [Текст]: учебное пособие / А. С. Готлиб. – Самара: Изд-во «Самарский университет». – 2002.
 3. Берто, Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии [Текст] / Д. Бер-

то // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ: материалы международного семинара; под ред. В. Воронкова, Е. Здравомысловой // Труды ЦНСИ. Вып. 5. – СПб., 1997.

4. Ядов, В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности [Текст] / В. А. Ядов. – М.: Добросвет, 1998.
 5. Журавлев, В. Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях [Текст] / В. Ф. Журавлев // Социология: 4М. – 1993–1994. – № 3–4.
 6. Журавлев В. Ф. Анализ коммуникации в качественном интервью [Текст] / В. Ф. Журавлев // Социология: 4М. – 1996. – № 7.
 7. Ярская-Смирнова, Е. Р. Нарративный анализ в социологии [Текст] / Е. Р. Ярская-Смирнова // Социологический журнал. – 1997. – № 3.
 8. Иванов, М. А. Беседа как метод исследования [Текст] / М. А. Иванов // Социологические исследования. – 1989. – № 4.
 9. Гидденс, Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2003.
 10. Томпсон, П. История жизни и анализ социальных изменений [Текст] / П. Томпсон // Вопросы социологии. – 1993. – № 1–2.

УДК 342.55

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
 «МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ И ФРГ:
 ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ»
 (информационный обзор)**

А. И. Бардаков

**THE INTERNATIONAL SCIENTIFICALLY-PRACTICAL CONFERENCE
 «LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA AND GERMANY:
 HISTORY AND CURRENT DEVELOPMENT TREND»
 (information review)**

A. I. Bardakov

7–8 апреля 2011 г. в ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы» состоялась Международная научно-практическая конференция «Местное самоуправление в России и ФРГ: исторический опыт и современные тенденции развития». Организаторами конференции были Представительство Фонда Конрада Аденауэра в Российской Федерации и Волгоградская академия государственной службы.

Работа конференции была нацелена на обмен мнениями об опыте местного самоуправления России и Германии. Научное сообщество и представители государственной власти и муниципального управления обсудили практики формирования

и реформирования политических, правовых, социальных, организационно-служебных и финансово-экономических основ местного самоуправления. Содержание конференции составляли доклады и дискуссии о моделях местного самоуправления в России и ФРГ. Для практиков и теоретиков местного самоуправления особый интерес представляли вопросы правового регулирования взаимодействия структур государства и органов местного самоуправления. Дискуссия о взаимодействии между главой субъекта федерации и главами городских округов, муниципальных районов России обрела особую остроту у специалистов, исследующих политические, социологи-

ческие, экономические и философские аспекты местного самоуправления.

Надо заметить, что подготовка к конференции проходила в привычной обстановке – суете, согласовании, нервном напряжении организаторов. Начало конференции было традиционным – регистрация, приветственное слово руководителей, а затем доклады на пленарном заседании. Инновацией организационного характера на конференции было, пожалуй, то, что пленарное заседание проходило весь рабочий день, поэтому была возможность послушать восемь докладов и обстоятельно их обсудить, задавая вопросы, высказывая реплики, вступая в дискуссию.

С первым докладом «Идея местного самоуправления в российской политико-правовой мысли конца XIX – начала XX вв.» на пленарном заседании выступил *Сергей Александрович Комаров*, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела Аналитического управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Исторический аспект представленного доклада был созвучен с названием конференции и задал определенную тональность дальнейшей работы. Широта политико-правового кругозора докладчика и глубина его научной аргументации, по высказанным положениям, определили планку научного уровня конференции. Далее с докладом «Политические партии и их роль в формировании и функционировании муниципальных органов власти» выступил *Сергей Викторович Булгаков*, заместитель председателя комитета по организации государственной власти и местному самоуправлению, руководитель фракции «Единая Россия», Волгоградская областная Дума. Живой интерес аудитории вызвало не только содержание доклада, но и статус докладчика. Вопросы к докладчику носили сугубо практический характер, а содержание и реплик, и выступлений имело прямо противоположный характер, так как далеко не все согласились с депутатом в том, что политические партии являются позитивом в формировании и функционировании муниципальных органов.

Интересный доклад «Демократическое представительство интересов граждан в местном самоуправлении – опыт Германии», предложенный доктором *Мартином Куммером*, Обер-бургомистром г. Зуль (Федеральная земля Тюрингия) в отставке, хорошо воспринимался и в синхронном переводе. Основной поток вопросов к докладчику был связан с выяснением деталей практики германского самоуправления. Надо отдать должное господину М. Куммеру, который терпеливо и подробно освещал разные аспекты

немецкого местного самоуправления. Конечно, информация о зарубежном опыте самоуправления не могла породить дискуссию, поэтому ограничились констатацией фактов. Несколько иной была реакция аудитории на выступление *Геннадия Сахиуллиновича Шайхуллина*, председателя Избирательной комиссии Волгоградской области, кандидата юридических наук, который выступил с докладом «Пропорциональная избирательная система на выборах органов местного самоуправления: правовой и электоральный анализ муниципальных выборов в Волгоградской области». Участники конференции живо обсуждали практику избирательных систем и высказывали суждения о необходимости совершенствования законодательства в этой сфере. Обсуждение проблем избирательных систем привело участников дискуссии к выводам о необходимости оптимизации взаимодействия государства и местного самоуправления, что нашло отражение в докладе «Федеральное и местное самоуправление: проблемы и их решения» Обер-бургомистра г. Цайц (Федеральная земля Саксония-Анхальт) доктора *Фолькмара Кунце*. Обер-бургомистр кратко остановился на проблемах взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления и подробно рассказал о возможностях самостоятельных действий муниципалитета в современных германских условиях. Он также раскрыл причины социальной активности членов местных сообществ и охарактеризовал формы участия граждан в самоуправлении.

Надо заметить, что проблема взаимодействия государства и местного самоуправления вольно или невольно присутствовала в большинстве докладов и сообщений конференции, поэтому и наиболее жаркие дискуссии разгорались именно при обсуждении этого уровня властно-управленческих отношений. Доклад «Взаимодействие государства и местного самоуправления: проблемы и пути их решения» *Натальи Михайловны Чепурновой*, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кафедры государственного управления и правовых основ государственной и муниципальной службы, образно выражаясь, «подлил масла в огонь». Острая дискуссия разгорелась о правомерности и правовых тонкостях отстранения главой региона глав городских округов, по этому вопросу практически все участники дискуссии желали высказать свое мнение. Конечно, как и бывает на научных форумах, высказывались не только противоположные точки зрения, но

и каждый выступающий акцентировал внимание аудитории на различные аспекты взаимодействия губернатора и глав муниципальных образований как наиболее значимые. Углублению развернувшейся дискуссии послужил доклад «Ценностно-мотивационная составляющая эффективности местного самоуправления» *Александра Михайловича Старостина*, доктора политических наук, профессора, проректора по науке, послевузовскому и дополнительному профессиональному образованию ФГОУ ВПО «Северо-Кавказская академия государственной службы». Докладчик сумел вернуть участников дискуссии к обсуждению значения участия граждан местных сообществ в самоуправлении, без которых уровни регионального и муниципального управления не имеют смысла. На пленарном заседании с последним докладом «Судебно-правовые способы защиты муниципальной собственности» выступил *Юрий Николаевич Андреев*, доктор юридических наук, профессор, судья Воронежского областного суда. Это сообщение поставило своеобразную точку в пленарном заседании, так как научно-практическая значимость предложенных положений не вызывала сомнений, а высокоэмоциональное выступление было в русле разгоревшихся научных споров.

В рамках конференции 7 апреля во второй половине дня параллельно с пленарным заседанием проводился «круглый стол» «Концептуализация местной власти современного общества», организованный журналом «Научный Вестник Волгоградской академии государственной службы». Организаторам «круглого стола» удалось собрать солидное интеллектуальное сообщество, которое внесло весомый вклад в решение теоретических задач развития местной власти современного российского общества.

Состав участников «круглого стола»:

Анипкин Михаил Александрович, заведующий кафедрой социологии Волгоградского государственного университета, кандидат философских наук, доцент, PhD; *Байдалова Ольга Васильевна*, заведующая кафедрой социологии управления Волгоградской академии государственной службы, доктор социологических наук, профессор; *Бардаков Алексей Иванович*, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории политики Волгоградской академии государственной службы; *Болотин Олег Георгиевич*, депутат Волгоградской областной Думы, зам. председателя Комитета по бюджету, налогам и финансовой политике; *Восканян Саркис Суренович*, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории и теории политики Волгоградской

академии государственной службы; *Данакари Ричард Арамович*, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории политики Волгоградской академии государственной службы; *Колесников Вячеслав Александрович*, заведующий кафедрой истории и теории политики Волгоградской академии государственной службы, доцент, профессор кафедры; *Леонтьев Александр Николаевич*, заведующий кафедрой политологии Волгоградского государственного технического университета, кандидат философских наук, доцент; *Леонтьева Елена Юрьевна*, заведующая кафедрой философии Волгоградского государственного технического университета, доктор философских наук, профессор; *Макаренко Виктор Павлович*, главный редактор журнала «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований», заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины, доктор политических и доктор философских наук, профессор Южного федерального университета; *Овакимян Михаил Амиранович*, кандидат экономических наук, доцент, руководитель учебно-научного центра Северо-Кавказской академии государственной службы; *Панкратов Сергей Анатольевич*, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, регионоведения и политологии Волгоградского государственного университета; *Поцелуев Сергей Петрович*, заведующий кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета социологии и политологии Южного федерального университета, кандидат философских наук, доцент; *Старостин Александр Михайлович*, доктор политических наук, профессор, проректор по науке, послевузовскому и дополнительному профессиональному образованию Северо-Кавказской академии государственной службы; *Стризов Александр Леонидович*, заведующий кафедрой философии Волгоградского государственного университета, доктор философских наук, профессор; *Субочев Николай Сергеевич*, заведующий кафедрой менеджмента Волгоградской академии государственной службы, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры.

В работе «круглого стола» приняли участие также аспиранты, соискатели, государственные и муниципальные служащие, студенты. Работа «круглого стола» началась с презентации журналов – «Научный Вестник Волгоградской академии государственной службы» и «Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований». «Научный Вестник Волгоградской академии государственной службы» планирует

опубликовать материалы «круглого стола» в следующем номере.

С докладом «Политическая концептология: новое направление анализа властно-политической сферы» выступил *Виктор Павлович Макаренко*. Теоретические положения, предложенные докладчиком для обсуждения, вызвали много вопросов, которые всякий раз перерастали в горячие дискуссии. Доклад «Местная власть: к идентификации понятия» *Вячеслава Александровича Колесникова* был направлен на конкретизацию предмета обсуждения, что вызвало вопросы другого порядка и несколько развернуло дискуссию в другое русло. Теоретико-методологическая дискуссия обрела теоретико-практический характер. Социологическое исследование, представленное *Ольгой Васильевной Байдаловой* в докладе «Методические приемы оценки ценностных установок муниципальных служащих», также вызвало живой интерес у участников «круглого стола» и послужило отправной точкой в обсуждении современной российской практики местного самоуправления. У всех участников «круглого стола» была возможность высказать свою позицию по обсуждаемым вопросам и возразить своим оппонентам. В разгоревшейся дискуссии о концептуализации местной власти современного общества наиболее обсуждаемым был вопрос взаимодействия главы региона и глав городских округов, муниципальных районов, что вполне объяснимо практикой сложных отношений между этими уровнями власти

не только в Волгоградской области, но и в других регионах России.

На следующий день проходила работа по двум секциям. Секцией №1 «Основные направления совершенствования организации и правового обеспечения деятельности органов местного самоуправления в РФ и ФРГ» руководил *Александр Егорович Епифанов*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии государственной службы. Доклады на секции были посвящены проблемам правового обеспечения деятельности органов местного самоуправления и истории российского самоуправления. Секция №2 «Современные механизмы управления социально-экономическими процессами на муниципальном уровне» работала под руководством *Алексея Павловича Анисимова*, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии государственной службы. Правовые аспекты экономики, экологии, аграрного сектора, жилищно-коммунального хозяйства, земельных и многих других социальных отношений были предметом обсуждения и дискуссий на этом научном мероприятии.

На итоговом обсуждении с информацией о работе «круглого стола» выступил руководитель – *Алексей Иванович Бардаков*, о работе секций – руководители – *Александр Егорович Епифанов*, *Алексей Павлович Анисимов*.

УДК 378.18

**СТУДЕНЧЕСКИЙ ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ «СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ»
КАК ПЛОЩАДКА РЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ИНИЦИАТИВ**

М. Ю. Корнеева

**STUDENT DEBATING SOCIETY, SOCIOLOGY AND MANAGEMENT
AS THE PLAYGROUND OF STUDENT'S SCIENTIFIC INITIATIVES**

M. Y. Korneeva

Специфика высшей школы предполагает сочетание образовательной и научной деятельности. Но если для профессорско-преподавательского состава научная работа является обязательной, то для студентов она представляет собой реализацию их творческого потенциала, не подкрепленную никакими внешними стимулами. В этом смысле мотивация студентов к занятию наукой наиболее близка к идеальной мотивации ученого, по М. Веберу: «А какова же внутренняя позиция самого человека науки по отношению к своей профессии, если он вообще стремится стать ученым? Он утверждает, что заниматься наукой «ради нее самой», а не только ради тех практических и технических достижений, которые могут улучшить питание, одежду, освещение, управление»¹. В этой связи задачей вуза становится обеспечение возможностей для реализации студенческого научного потенциала.

Волгоградская академия государственной службы во все времена ее существования проводила активную политику в отношении стимулирования научной деятельности вообще и студенческой науки в частности. Однако основной формой реализации студенческого научного потенциала до недавнего времени оставались научно-практические конференции, организуемые «сверху». Но в 2010 г. в форме «обратной связи» было получено подтверждение интереса к науке со стороны самих студентов, когда Студенческое научное общество ВАГС выступило с инициативой создания ряда студенческих дискуссионных клубов. Инициатива была поддержана, организационную работу по созданию и оформлению клубов взял на себя специалист-аналитик отдела науки ФГОУ ВПО ВАГС, аспирант кафедры социологии управления Андрей Васильевич Еркин, а за научно-методической поддержкой студенты обратились к профильным кафедрам.

Кафедра социологии управления, во главе с заведующей кафедрой профессором Ольгой Васильевной Байдаловой, курирует деятельность

Студенческого научного дискуссионного клуба «Социология и управление», организованного студентами, неравнодушными к социологической проблематике. Кафедра оказывает научную, кадровую и организационную поддержку, а студенты осуществляют содержательное, тематическое наполнение дискуссий. Отличительной чертой клуба «Социология и управление» является то, что его заседания проходят в двух форматах: теоретическом (доклады на социологическую тему и последующие обсуждения социальных проблем в дискуссии) и практическом (тренинги по конфликтологии).

На заседание клуба студенты приходят со своими «сырыми» идеями, которые в конструктивном диалоге, а иногда, и в жарком споре со сверстниками и преподавателями обретают научнообразную форму и, в дальнейшем, служат основой для написания курсовых работ, а также докладов на различных конференциях. С социологической точки зрения, представляет интерес круг проблем, затрагиваемых студентами на заседаниях. Так как обсуждаемые темы предлагаются самими студентами, проходят процедуры обоснования, голосования и отбора, то можно заключить, что эти темы репрезентативно отражают интересы и потребности современной перспективной молодежи (студентов, проявляющих интерес к науке, следует отнести к этой категории).

Теоретическое заседание, открывшее проект студенческих научных дискуссий, было посвящено проблемам социализации в студенческой среде. Заявленная тема: «Организационная культура ВАГС: традиции и инновации» – отражает потребность студентов в самоидентификации как «студентов ВАГС» и заостряет внимание на особенностях предпочтений и ответственности, сопутствующих этому статусу. Модератором дискуссии выступил студент четвертого курса специальности «Государственное и муниципальное управление» Роман Селезнев. В процессе обсуждения удалось выйти на проблемы позиционирования вуза во внутренней и внешней среде, оценки общей культуры студентов, в частности, перво-

¹ Вебер, М. Наука как призвание и профессия // <http://lib.ru/POLITOLOG/weber.txt> (дата обращения: 13.04.2011).

курсников, а также наметить план мероприятий, которые студенты могли бы провести в целях повышения интеграции студенческого сообщества.

Модератор второго теоретического заседания – аспирант кафедры социологии управления Екатерина Александровна Емельянова – в рамках темы «Роль социальной рекламы» поставила вопросы эффективности и значимости социальной рекламы, а также вынесла на обсуждение проблему использования концепта «страх» в социальной рекламе. Удачной методической находкой было предложенное модератором творческое задание аудитории с последующим обсуждением результатов его выполнения.

Дискуссия на тему «Социальные сети Интернет» проводилась двумя модераторами – студентками второго курса Ксенией Железниковой (специальность «Государственное и муниципальное управление») и Лилит Мурадян (бакалавриат «Конфликтология»). Изначально выбранный модераторами формат предполагал деление аудитории на сторонников и противников социальных сетей, но в ходе обсуждения были намечены «боковые ветви» беседы. Например, использование социальных сетей в рекламе, политике и формировании общественного мнения. Таким образом, дискуссия породила ряд вопросов «на вынос», которые могут послужить темами следующих заседаний клуба.

Одним из наиболее теоретически проработанных стало заседание клуба по теме «Социум и игры: игризация современного социального пространства». Модераторы – Роман Селезнев и Олег Иващенко (бакалавриат «Психология», третий курс) – во вступительном докладе показали роль игр в обществе постмодерна. Серьезную полемику вызвал вопрос о значении и возможных социальных последствиях развития компьютерных игр, поднятый студентом второго курса специальности «Государственное и муниципальное управление» Дмитрием Никотиным.

Практические заседания клуба «Социология и управление» проводятся в форме тренингов по конфликтологии, целью которых является развитие у студентов практических навыков в определении моделей поведения в ситуации конфликтного взаимодействия. Модератором выступает автор настоящей статьи, аспирант кафедры социологии управления Марина Юрьевна Корнеева. На первом практическом заседании со студентами был проведен тренинг «Ведение конфликтных переговоров» в форме деловой игры. В смоделированной ситуации участникам было предложено разработать стратегию переговоров с целью получения дефицитного ресурса, необходимого

обеим сторонам. В ходе проведения игры и последующей рефлексии участникам удалось выйти на обсуждение ряда коммуникативных проблем. По материалам заседания студентка второго курса Ксения Железникова подготовила выступление на IV Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Инновационное развитие экономики: инструменты и технологии» и заняла почетное первое место на заседании секции «Управление социально-экономическими процессами».

Второе практическое заседание клуба по теме «Сокращение персонала как фактор межгруппового и внутриличностного конфликтов» было направлено на приобретение навыков принятия решений в ситуации конфликтного взаимодействия. В игровой форме участникам было предложено проявить себя в роли руководителя или увольняемого сотрудника. В рамках обсуждения итогов игры студентами и преподавателями были выработаны рекомендации стратегий поведения для тех, кто может оказаться в ситуации увольнения или длительного поиска работы.

На сегодняшний день дискуссионный клуб «Социология и управление» становится своего рода площадкой, в рамках которой студенты могут высказывать и отстаивать собственную позицию. Наблюдается как количественный рост числа участников заседаний, так и качество выступлений, рост научной культуры ведения диалога среди студентов. Сложился круг постоянных активистов, которые проявляют себя на заседаниях не только как будущие грамотные специалисты, но и личности с широким кругозором, собственной гражданской позицией и неравнодушным отношением к происходящим социальным процессам. Среди них, помимо упомянутых выше модераторов и участников: Маргарита Костенюк, Ксения Ермилова (2 курс, ГМУ), Екатерина Журбина, Екатерина Каткова (2 курс, «Конфликтология»), Виктор Кучеров, Егор Соков (5 курс, ГМУ), Дасаева Рузалия (1 курс, «Социология») и другие. Постоянную научную и организационную поддержку деятельности клуба оказывают зам. декана факультета ГМУ по науке и воспитательной работе доцент Сергей Геннадьевич Лагутин и директор центра по воспитательной и внеучебной работе Владимир Николаевич Шипулин. Следует отметить, что проведение подобного рода мероприятий способствует реализации компетентностного подхода в образовании, который предполагает акцентирование не только на передачи информации от обучающего к обучаемому, но и усвоение знаний, причем роль инициатора в этом процессе отводится объекту обучения.

УДК 316.485

**ИНФОРМАЦИОННЫЙ ОБЗОР РАБОТЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»
«НИЖНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ – ТЕРРИТОРИЯ МИРА И СОГЛАСИЯ. ПРОФИЛАКТИКА
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ И КСЕНОФОБИИ В ВОЛГОГРАДСКОМ
РЕГИОНЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

А. Л. Клейтман

**A REVIEW OF THE WORK OF «THE ROUNDTABLE»
«THE LOWER VOLGA REGION-AREA PEACE AND HARMONY. PREVENTION
OF INTER-ETHNIC CONFLICTS AND XENOPHOBIA IN THE VOLGOGRAD REGION:
HISTORY AND CONTEMPORANEITY»**

A. L. Kleitman

18 апреля в Волгоградской академии государственной службы проводился «круглый стол», посвященный проблемам истории и современного состояния межэтнических и межконфессиональных отношений в Волгоградском регионе. Организаторами мероприятия выступили кафедра истории и теории политики ВАГС и «Волгоградский областной центр по патриотической и поисковой работе» Комитета по делам молодежи администрации Волгоградской области.

Работа «круглого стола» была начата со вступительного слова ректора Волгоградской академии государственной службы доктора исторических наук, профессора И. О. Тюменцева. И. О. Тюменцев обратил внимание на важность вопросов, связанных с профилактикой экстремизма, межнациональных конфликтов и ксенофобии, а также отметил высококвалифицированный состав участников мероприятия, на котором были представлены практически все вузы Волгограда, ряд общественных организаций и профильных подразделений региональной администрации.

С приветствием к участникам «круглого стола» обратился также и. о. главного федерального инспектора по Волгоградской области полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе кандидат философских наук М. Ю. Филиппов, отметивший, что Нижнее Поволжье является одним из регионов, характеризующихся достаточно высоким уровнем толерантности в межконфессиональных и межнациональных отношениях, в связи с чем особую актуальность имеет изучение регионального исторического опыта профилактики межэтнических конфликтов и ксенофобии и его использование в современных условиях.

Профессор кафедры истории и теории политики ВАГС доктор философских наук Р. А. Данакари выступил с докладом «Волгоградская область: движение от толерантности и стабильности к гармо-

низации межэтнических отношений». По его мнению, особую актуальность в современной России имеет не столько профилактика и предотвращение конфликтов на национальной и религиозной почве, сколько создание условий для формирования новой наднациональной общности – русского народа. Способствовать достижению этой важнейшей цели должна совместная деятельность государства и национальных общественных организаций по формированию общей идентичности, интеграции политического, социального, экономического, информационного и культурного пространства. В Волгоградском регионе, как отметил профессор Р. А. Данакари, ведется планомерная работа в этом направлении: оказывается финансовая, материальная, гуманитарная и иная ресурсная поддержка всем мероприятиям, проводимым национальными общественными объединениями и организациями; представители разных национальностей, этнических групп и конфессий привлекаются к участию в социальных и значимых городских культурных и массовых мероприятиях и т. д.

Поднятую Р. А. Данакари тему развил доктор филологических наук, профессор В. И. Супрун. Докладчик отметил, что история Волгоградского региона изобилует примерами мирного сосуществования, сотрудничества представителей различных национальностей. В северной части современной Волгоградской области на рубеже XIX–XX вв. в рамках одного или нескольких населенных пунктов зачастую проживали русские, украинцы, немцы, причем архивные материалы не фиксируют существование какой-то напряженности или конфликтов во взаимоотношениях между ними. В истории региона советского времени, по мнению профессора В. И. Супруна, также можно найти множество примеров положительного взаимодействия, сотрудничества между представителями различных народов. В заключение докладчик отметил актуальность изучения и популяризации

среди молодежи опыта поддержания межнационального мира и согласия, который может предложить история Нижневолжского региона.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии Волгоградского государственного университета Л. В. Белянская согласилась с В. И. Супруном, что опыт выстраивания межнациональных и межконфессиональных отношений как советского, так и дореволюционного времени требует досконального изучения, но в то же время отметила, что необходимо критически подходить к исследованию данной проблематики, поскольку национальная и религиозная политика государства в это время строилась во многом на уничтожении идентичностей, что, конечно же, никак не может быть применимо в современных условиях.

Профессор И. О. Тюменцев поддержал Л. В. Белянскую, отметив, что при изучении истории необходимо избегать упрощений, схем, объективное осмысление прошлого возможно только на основе детального исследования исторических источников, их правильной критики и интерпретации. Комментируя выступление В. И. Супруна, он высказал мысль о том, что в настоящее время при преподавании истории в средних и высших учебных заведениях зачастую большее внимание уделяется войнам и конфликтам, чем примерам мирного сосуществования и сотрудничества различных этносов. По его мнению, учебные курсы истории во многом формируют мировоззрение представителей молодого поколения, поэтому очень важным является подбор тем, которые включаются в учебные программы, и то, как преподносит тот или иной материал конкретный учитель.

Важная тема была затронута в докладе старшего преподавателя кафедры истории России Волгоградского государственного педагогического университета Н. О. Ленивиной, обратившей внимание участников «круглого стола» на особую роль СМИ в профилактике межнациональных, межконфессиональных конфликтов и ксенофобии в современном мире.

Кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и педагогики Волгоградского филиала Российского университета кооперации Е. М. Дринова выступила с докладом «Политизация религии: его факторы и механизмы». По ее мнению, вступление религии на стезю политики приводит к тому, что она начинает выполнять несвойственные ей политические функции, и делает ее политической силой – политической религией. Подобные процессы, как отметила Е. М. Дринова, сегодня охватили республики Средней Азии и Россию. Активное участие православной церкви в политической жизни, возрождение православия как государственной идеологии в стране не способст-

вует развитию России как светского, демократического государства, препятствует конструированию новой идентичности российского народа, как национальной общности, объединяющей представителей различных этносов и конфессий.

Горячую дискуссию вызвали доклады научных сотрудников Южного научного центра РАН доктора исторических наук М. А. Рыбловой и кандидата исторических наук О. В. Рвачёвой, посвященные истории казачества. М. А. Рыблова в своем выступлении остановилась на вопросе о месте казачества в системе межэтнических отношений на Юге России в прошлом и в современности. О. В. Рвачёва проанализировала проблемы взаимоотношений казачества и неказачьего населения на территории современной Волгоградской области в XX столетии. В ходе обсуждения прозвучавших докладов М. Ю. Филиппов, М. А. Рыблова и О. В. Рвачёва сошлись во мнении, что сегодня идет процесс конструирования новой этнической идентичности казачества. По их мнению, одной из важнейших задач является возрождение уникальной казачьей культуры, которая во многом была утрачена в советское время. Участники «круглого стола» высказали опасение относительно зарождающихся среди казачьих сообществ стремлений к получению особых политических привилегий, а также часто высказывающихся требований экономических льгот для «казачьих» предприятий.

Заместитель директора музея-заповедника «Старая Сарепта» кандидат исторических наук А. В. Курьшев выступил с докладом, посвященным истории взаимоотношений между поволжскими немцами и представителями других национальностей в Нижнем Поволжье. Немецкая колония «Сарепта», по мнению докладчика, являлась примером особой «территории понимания», характеризовавшейся практически полным отсутствием межконфессиональной и межэтнической напряженности. Причина этого крылась в том, что изначально население колонии состояло из людей одной веры – гернгутеров, но являвшихся представителями различных национальностей – немцев, датчан, шведов, французов, бельгийцев, поляков и чехов, которые считали необходимым вести миссионерскую деятельность среди местного нехристианского населения, для этого выстраивали мирные отношения с жившими с ними по соседству народами, изучали их язык, историю и этнографию. Рациональная организация общественной жизни, веротерпимость способствовали тому, что вплоть до Первой мировой войны в колонии не было зафиксировано ни одного уголовного преступления. В начале XX в., когда начались гонения на немцев по национальному признаку, а позже – прокатилась волна репрессий против священнослужителей всех конфессий, традиция мирного сосуществования и взаимодействия представителей различных наро-

дов и вероисповеданий была прервана. В настоящее время в музее-заповеднике «Старая Сарепта» ведется целенаправленная работа по ее возрождению: при музее действуют немецкий, русский, украинский, белорусский и калмыцкий буддийский культурные центры, регулярно проводится региональный фестиваль национальных культур, организуются национальные праздники, концертные и игровые программы.

В заключение работы «круглого стола» его организаторы высказали идею о необходимости

проведения новых мероприятий, посвященных затронутой проблематике, поскольку в ходе развернувшихся дискуссий были подняты многие вопросы, которые необходимо изучать и подвергать коллективному обсуждению. Участники мероприятия сошлись в том, что необходимо довести до широких кругов общественности результаты проведенной работы, поэтому доклады, материалы дискуссий было решено опубликовать в сборнике материалов «круглого стола», издание которого запланировано на лето 2011 г.

В аспирантуре Волгоградской академии государственной службы ведется подготовка по следующим научным специальностям:

- 08.00.01 Экономическая теория.
- 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности, в том числе: экономическая безопасность).
- 08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит.
- 12.00.02 Конституционное право; муниципальное право.
- 12.00.03 Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.
- 12.00.06 Природоресурсное право; аграрное право; экологическое право.
- 19.00.05 Социальная психология.
- 22.00.08 Социология управления.
- 23.00.02 Политические институты, процессы и технологии.

Срок обучения: очная форма – 3 года;
заочная форма – 4 года.

Документы принимаются с 25 августа по 10 сентября;
вступительные экзамены – с 12 по 28 сентября.

За информацией обращаться в **отдел аспирантуры:**
Волгоград, ул. Гагарина, д. 8, комн. 414.

Тел. 24-17-24

E-mail: aspirant@vags.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Анипкин Михаил Александрович* – канд. филос. наук, доцент, PhD, зав. кафедрой социологии ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»,
контактная информация: socpol@volsu.ru
- Африкантов Константин Петрович* – преподаватель кафедры социологии, социальной политики и регионоведения ФГОУ ВПО «Поволжская академия государственной службы имени П. А. Столыпина» (Саратов),
контактная информация: kafrikantov@yandex.ru
- Бабушкин Юрий Викторович* – руководитель ВРООЗПП «Волгоградпотребнадзор», соискатель ученой степени кандидата социологических наук кафедры социологии управления ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»,
контактная информация: yur.vikt@mail.ru
- Багаева Любовь Михайловна* – аспирант кафедры социологии Астраханского государственного университета,
контактная информация: bagaeva_lubov@mail.ru
- Бардаков Алексей Иванович* – д-р полит. наук, проф. кафедры истории и теории политики, доцент ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»,
контактная информация: bardakov@mail.ru
- Глазунова Ольга Владимировна* – канд. экон. наук, зам. руководителя Территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Волгоградской области,
контактная информация: glazunova01@yandex.ru
- Данакари Ричард Арами* – д-р филос. наук, доцент, проф. кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»,
контактная информация: rdanakari@mail.ru
- Дроздова Юлия Алексеевна* – канд. социол. наук, доцент кафедры менеджмента ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»,
контактная информация: juliadrozdova@mail.ru
- Зыгалова Анна Валерьевна* – аспирант, ассистент кафедры социологии Астраханского государственного университета,
контактная информация: zugalovaav@rambler.ru
- Калашишникова Ксения Александровна* – аспирант кафедры социологии ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет»,
контактная информация: aksinya@mail.ru
- Карипов Балташ Нурмухамбетович* – докторант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент кафедры философии Кокшетауского государственного университета им. Ш. Ш. Уалиханова,
контактная информация: bkaripov@yandex.ru
- Клейтман Александр Леонидович* – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»,
контактная информация: kleytman@vags.ru
- Колдин Константин Викторович* – зам. председателя Комитета по образованию администрации Волгограда,
контактная информация: koldin@edu.volgadmin.ru
- Колесников Вячеслав Александрович* – д-р полит. наук, доцент, зав. кафедрой истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»,
контактная информация: kolesnikov-vags@mail.ru

- Корнеева Марина Юрьевна* – аспирант кафедры социологии управления ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **koma34@mail.ru**
- Коротец Игорь Дмитриевич* – д-р филос. наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), контактная информация: **idkorotets@yandex.ru**
- Кутуков Дмитрий Владимирович* – зав. сектором археологии Автономного учреждения Астраханской области «Государственное научно-производственное учреждение «Наследие» контактная информация: **dkutukov.73@mail.ru**
- Лаврухина Ирина Михайловна* – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и политологии ФГОУ ВПО «Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия», контактная информация: **lavruhina_i@inbox.ru**
- Ламзин Роман Михайлович* – аспирант ФГОУ ВПО ВАГС, преподаватель ФГОУ СПО «Волгоградский колледж управления и новых технологий», контактная информация: **romanlamzin@yandex.ru**
- Малышева Вера Васильевна* – канд. пед. наук, доцент кафедры управления педагогическими системами ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет», руководитель Территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Волгоградской области, контактная информация: **glazunova01@yandex.ru**
- Носачёва Галина Фёдоровна* – сотрудник кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **gallin88@rambler.ru**
- Овсянникова Татьяна Владимировна* – канд. социол. наук, доцент кафедры социальной работы ГОУ ВПО «Волгоградский государственный педагогический университет», контактная информация: **ovstvl@mail.ru**
- Перерва Евгений Владимирович* – канд. ист. наук, начальник отдела науки ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **nauka@vags.ru**
- Попова Екатерина Георгиевна* – канд. мед. наук, ГОУ ВПО «Волгоградский государственный медицинский университет», ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения, заместитель главного врача МУЗ «Поликлиника №20», контактная информация: **aksinya@mail.ru**
- Резк Махмуд Яхьяевич* – канд. с.-х. наук, доцент кафедры биологии и экологии растений Астраханского государственного университета, контактная информация: **mahmudrezk@aspu.ru**
- Числов Сергей Владимирович* – специалист отдела взаимодействия со страхователями ГУ Управление Пенсионного фонда Российской Федерации Краснооктябрьского района г. Волгограда, аспирант кафедры истории и теории политики ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **chislovs87@mail.ru**
- Яворский Дмитрий Ромуальдович* – канд. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии и культурологии ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», контактная информация: **philosof@vags.ru**
- Яхьяев Мухтар Яхьяевич* – д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и социологии Дагестанского государственного университета (Республика Дагестан, г. Каспийск), контактная информация: **mughtar59@mail.ru**

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статья, предназначенная для журнала, должна сопровождаться представлением от учреждения, в котором выполнена работа, и подписана авторами.

2. К статье прилагаются на отдельном листе:

- сведения об авторах на русском и английском языках (фамилия, имя, отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, домашний, служебный и электронный адреса, телефоны. Если авторов несколько, указать, с кем вести переписку);

- аннотация на русском и английском языках (2–3 предложения);

- название статьи и фамилии авторов на английском языке;

- индекс УДК;

- ключевые слова на русском и английском языках (6–8).

3. Объем статьи должен быть не более 8 страниц машинописного текста, включая список литературы (не больше 10 источников), таблицы и рисунки (не более 5).

4. Статья должна быть набрана в соответствии с правилами компьютерного набора.

Авторы высылают в редакцию 2 экземпляра статьи и *полностью идентичный* вариант на диске. На одном диске располагается *только одна* статья. Статья должна быть оформленной в формате *Microsoft Word 97–2003, 2007* через 1,5 интервала, шрифтом *Times New Roman* размером 14 pt. Поля со всех сторон – 2,5 см. Использование любых других шрифтов возможно только в виде исключения, если они внесены в код файла. Не следует использовать знаки принудительного переноса и дополнительных пробелов. Векторные величины выделяются полужирным шрифтом.

5. Для записи формул применять только редактор формул *Equation 3.0*. При этом формула должна помещаться только на половине строки. Большие формулы необходимо разбить на несколько строк. Запрещается масштабировать формулы. При наборе формул необходимо придерживаться параметров по умолчанию. Формулы не должны включать в состав знаки пунктуации и нумерацию.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться. Нумеруются только те формулы, на которые имеются ссылки. Нумерация формул должна быть сквозная по всей статье.

Таблицы должны иметь заголовки; в них допускаются только общепринятые сокращения.

Размер рисунков по ширине рекомендуется не более 15–17 см. Рисунки, графики и схемы делаются как сгруппированный объект. Все подписи оформляются как отдельно набранный текст, не входящий в границы объекта, в тексте статьи обязательно дают ссылку на каждый рисунок.

Рисунки и графики должны быть выполнены четко, в формате, обеспечивающем ясность передачи всех деталей, и быть пригодными для прямого воспроизведения.

Единицы измерения следует давать в соответствии с Международной системой (СИ).

6. Литература приводится в порядке упоминания в конце статьи. В тексте должны быть ссылки в квадратных скобках только на опубликованные материалы. Подстрочные ссылки и ссылки на неопубликованные работы не допускаются. Ссылки на иностранные источники даются на языке оригинала, а в случае перевода на русский язык с указанием на перевод.

7. Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ 7.01-2003, 7.05-2008.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОЙ АКАДЕМИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
№ 1/5/2011

Серия «Политология и социология»

Редактор *Е. И. Кагальницкая*

Компьютерная верстка *Е. Е. Таракановой*

Свидетельство ПИ №ФС77-34687 от 23.12.2008.

Подписано в печать 18.05.2011. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл.-печ. 13,95 л. Уч.-изд. 12,71 л.
Тираж 1000 (1–100) экз. Цена свободная.

ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

vestnik_polit@vags.ru

Издательство ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы»
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10.